

ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

www.ssc.smr.ru

**Известия
Самарского научного центра
Российской академии наук.
Исторические науки**

Том 4, № 3(15), 2022

Выходит 4 раза в год

ISSN: 2658-4816

Учредитель: Самарский научный центр РАН

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-76285 от 12.07.2019

Адрес редакции: 443001, г. Самара, Студенческий пер., 3а
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Тел. +7(846) 340-06-14. И.о. зав. редакцией: Н.Ю. Кузнецова
Электронная версия – www.ssc.smr.ru/izvestiya_istor.html

Самара

Издательство Самарского федерального исследовательского центра РАН

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Самарский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук, 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Аншаков Ю.П., доктор исторических наук, профессор, начальник отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Леонтьева О.Б., доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Выборнов А.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Тагирова Н.Ф., доктор исторических наук, профессор, редакционно-издательский отдел, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артемов Е.Т., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Банникова Н.Ф., кандидат исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Белов М.В., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Брежнева С.Н., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Буранок С.О., доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Ведерникова Т.И., кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории культуры, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

Веретенко В.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Воронов В.Н., доктор исторических наук, профессор, Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, Москва, Россия

Данилко Е.С., доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, заведующий Центром визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

Запарий В.В., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории науки и техники, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ковальская С.И., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Кудрявцева Е.П., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «Россия в международных отношениях», Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Малкин С.Г., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Моргунова Н.Л., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, археологическая лаборатория, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Мочалов О.Д., доктор исторических наук, ректор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Мухаметшина Н.С., доктор политических наук, член Научного совета РАН по комплексному изучению этничности и межнациональных отношений, профессор, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Семенова Е.Ю., доктор исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Сенявский А.С., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр методологических и историко-экономических исследований, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Смирнов Ю.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Солдатова О.Н., доктор исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив в г. Самаре, Самара, Россия

Сулейманова Р.Н., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия

Хохлов А.А., доктор исторических наук, доцент, кафедра биологии, экологии и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Храмкова Е.Л., доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Шкунов В.Н., доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

Штыков Н.В., кандидат исторических наук, доцент, кафедра исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Элезович Д.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Философский факультет, Приштинский университет, Косовска-Митровица, Сербия

Ягафова Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Том 4, Номер 3, 2022

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Кормщик-груманлан Филат Вожевольный: этапы биографии в контексте
русского освоения архипелагов и островов Арктики
в последней четверти XVIII – начале XIX в.
С.А. Никонов 5
- Охрана здоровья детей в Башкирии в 1920-е годы: поиск путей решения проблемы
Р.Н. Сулейманова 13
- Руководство возрождением городского хозяйства Ленинграда в годы блокады:
мероприятия, методы, культурная идентичность
А.А. Амосова 24
- Роль Госпланов СССР и РСФСР в первые месяцы совнархозной реформы
М.А. Симонов 33

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Историческая специфика политико-правового поля колониальной Виргинии
Е.П. Макаров 44
- «Здесь пыль, война, Унита и кошмары...»: образ Анголы в поэзии советских военных –
участников гражданской войны в Анголе (1975-2002 гг.)
С.В. Григорьева 51

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Русские послы в Лапландии в 1586 г.
М.В. Толкачев 61
- Российская дипломатия в защите прав православных в Речи Посполитой
при Елизавете Петровне (1741-1761 гг.)
М.Ю. Анисимов 74

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- «Пионеры» советской физикохимии (материалы к биографиям Я.М. Колотыркина и Н.А. Фукса)
Е.И. Сумбурова 88

МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.И. Солженицын – проводник русской национальной традиции
В.Н. Шульгин 98
- Документы о трудоустройстве в городах Среднего Поволжья в условиях
Первой мировой войны как исторический источник
Е.Ю. Семенова 107
- Культурно-просветительная работа в РККА в 1920-е – июне 1941 г.:
постсоветская историография проблемы. Краткий обзор
С.А. Трибунский 115

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

- Основы хронологии и периодизации истории земель Донбасса в Средние века. Часть 2
А.В. Колесник, В.К. Гриб, В.А. Санжаров 124

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Рецензия на вождя: работы И.В. Сталина глазами марксистов 1920-х гг.
И.В. Невзорова, Д.П. Мочалов 134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- VI Всероссийский археологический съезд в г.Самаре
О.Д. Мочалов, А.А. Выборнов, К.М. Андреев 139

РЕЦЕНЗИИ

- Рецензия на: *Лизунов П.В.* Банкирский дом «г. Вавельберг» и его владельцы: от меняльной лавки
до акционерных банков в Петербурге и Варшаве / П.В. Лизунов. – Санкт-Петербург: Наука, 2021. 351 с.
М.И. Роднов 142

CONTENTS

Volume 4, Number 3, 2022

RUSSIAN HISTORY

- Skipper-Grumanlaner Filat Vozhevolny: Stages of Biography in the Context of Russian Development of the Archipelagos and Islands of the Arctic in the Last Quarter of the XVIII – Early XIX Century.**
S.A. Nikonov 5
- Children's Health Protection in Bashkiria in the 1920s: In Search of Ways to Solve the Problem**
R.N. Suleimanova 13
- The Urban Economy of Leningrad and its Restoration Management during the Blockade: Activities, Methods, Cultural Identity**
A.A. Amosova 24
- The Role of the State Planning Committees of the Ussr and the RSFSR in the First Months of the Reform of the Supreme Economic Council**
M. A. Simonov 33

WORLD HISTORY

- Historical Specificity of the Political and Legal Field of Colonial Virginia**
E.P. Makarov 44
- «Here Is Dust, War, Unita And Nightmares...»: The Image of Angola in the Poetry of the Soviet Military, Participants in the Angolan Civil War (1975–2002)**
S.V. Grigorieva 51

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- Russian Ambassadors in Lapland in 1586**
M.V. Tolkachev 61
- The Russian Diplomacy in Protecting the Rights of the Orthodox Christians in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Reign of Elizabeth Petrovna (1741-1761)**
M.I. Anisimov 74

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- «Pioneers» of Soviet Physical Chemistry (Materials for the Biographies of Ya.M. Kolotyrkin and N.A. Fucks)**
E.I. Sumburova 88

METHODOLOGY, SOURCE STUDIES, HISTORIOGRAPHY

- A.I. Solzhenitsyn as a Successor of Russian National Tradition**
V.N. Shulgin 98
- Employment Documents in the Cities of the Middle Volga Region in the Situation of the First World War as Historical Sources**
E.Yu. Semenova 107
- Cultural and Educational Work in the RKKA from the 1920s to June 1941: Post-Soviet Historiography of the Problem. Brief Review**
S.A. Tribunsky 115

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

- Essentials of Chronology and Periodization of the History of the Lands of Donbas in the Middle Ages. Part 2**
A.V. Kolesnik, V.K. Grib, V.A. Sanzharov 124

SCIENTIFIC REPORTS

- Review on the Leader: Works of I.V. Stalin through the Eyes of the Marxists of the 1920s**
I.V. Nevzorova, D.P. Mochalov 134

SCIENTIFIC LIFE

- VI All-Russian Archaeological Congress in Samara**
O.D. Mochalov, A.A. Vybornov, K.M. Andreev 139

REVIEWS

- Review on: Lizunov P.V. the Banking House «mr. Wawelberg» and its Owners: from a Change Shop to Joint-Stock Banks in St. Petersburg and Warsaw. St. Petersburg: Nauka, 2021. 351 p.**
M.I. Rodnov 142

УДК 94:639.24(98)«17/18»(092)

**КОРМЩИК-ГРУМАНЛАН ФИЛАТ ВОЖЕВОЛЬНЫЙ:
ЭТАПЫ БИОГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ОСВОЕНИЯ
АРХИПЕЛАГОВ И ОСТРОВОВ АРКТИКИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII - НАЧАЛЕ XIX В.**

© 2022 С.А. Никонов

Мурманский арктический государственный университет

Статья поступила в редакцию 28.08.2022

В статье рассматривается биография кормщика Филата Семенова сына Вожевольного, занимавшегося промыслами на архипелагах Шпицберген (Грумант) и Новая Земля в конце XVIII - начале XIX в. Изучение биографий отдельных промышленников-зверобоев дает возможность понять особенности организации промысла, выявить личные и профессиональные качества, без которых было невозможно участие в длительных и опасных экспедициях на полярные архипелаги. Филат Вожевольный выходил на промысел от онежских и архангельских купцов, Выгорецкого старообрядческого общительства, а в 1808-1810 гг. ходил на Новую Землю под флагом Беломорской компании. В личности кормщика знание мореходного дела и зверобойного промысла сочеталось с авантюризмом и склонностью к риску, ставившему под угрозу жизнь не только его самого, но и вверенной ему артели.

Ключевые слова: кормщик, Новая Земля, Шпицберген, Беломорская компания, зверобойный промысел, Финнмарк.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-5-12

Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 122060900077-6.

Значительную роль в хозяйственном развитии Русского Севера играли зверобойные промыслы на побережье Белого моря, а также на архипелагах и островах Арктики – Колгуеве, Вайгаче, Шпицбергене и Новой Земле. Здесь добывали морских млекопитающих, дававших шкуры, сало и кость. Возникшие по меньшей мере в XVI в., промыслы сформировали особый хозяйственный уклад, заключавшийся в сезонности, специальных способах охоты, социальной организации – зверобойной артели. В историографии разрабатываются разные направления в изучении этой обширной темы: этапы промысловой ко-

лонизации, состав промышленников и устройство артели, роль монастырей и Выгорецкого старообрядческого общительства в развитии промыслов, объемы промысла и реализация продукции на рынках и др.¹ Значительно меньше внимания уделяется биографиям отдельных промышленников, среди которых особое место занимают кормщики – руководители промысловых артелей, от умения и знания которых зависел успех промысла. Краткие сведения о полярных кормщиках-зверобоях в свое время были собраны В.Ю. Визе² и впоследствии дополнены другими авторами³, обращавшимися к проблеме освоения русскими Арктики. В недавнее время были представлены и подробные биографии кормщиков-груманланов конца XVIII - на-

Никонов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и права. E-mail: snikonov-77@mail.ru

чала XIX в., подготовленные В.Л. Державиным, С.А. Никоновым⁴.

М.М. Дадыкина, А.В. Крайковский и Ю.А. Лайус предприняли попытку выявить некоторые закономерности в формировании зверобойной артели⁵. Значительную роль в этом процессе играли родственные связи: старшие члены крестьянских семей могли стать кормщиками, а младшие – рядовыми участниками⁶. Это интересное наблюдение требует фактического обоснования, возможного только при изучении биографий отдельных кормщиков.

Заметным препятствием в реконструкции биографий промышленников является ограниченность материалов источников. В лучшем случае мы знаем годы выхода на промысел того или иного кормщика, при этом совсем не представляя этапов его жизни, личностных характеристик, служебных взаимоотношений с организатором. Отчасти решить вопрос реконструкции биографий ряда кормщиков возможно благодаря документам Беломорской торговой компании (далее – Беломорской компании). Компания, созданная в 1803 г., просуществовала десять лет. Она должна была содействовать развитию рыболовных и зверобойных промыслов на Белом и Баренцевом морях, участвовать в международной торговле⁷. Обширная документация компании включает реестры промысловых артелей, отправлявшихся на Новую Землю и Шпицберген (русское название – Грумант), переписку с поверенными, письма и донесения кормщиков в правление в Архангельске. Кроме компанейских документов существенное значение приобретают материалы государственного учета населения (городовые обывательские книги), отражающие основные сведения о человеке: возраст, семейное положение и род занятий.

Важным для понимания биографии кормщика, безусловно, является и исторический контекст российского хозяйственного освоения Арктики. Ведшиеся не одно столетие и опиравшиеся на устойчивые элементы социальной организации и тех-

нологии, зверобойные промыслы тем не менее эволюционировали. Значительное воздействие на них оказала эпоха петровских преобразований, принеся на Русский Север традиции европейского судостроения, торговли со странами Западной Европы, коммерческой организации (компании и монополии), новые технологии обработки продукции и китобойный промысел⁸. Во второй половине XVIII в. происходит всплеск российской хозяйственной активности в Арктике. Либеральный курс Екатерины II, поставивший крест на вмешательстве государства в экономику (отказ от монополий), поощрял предпринимательство и купеческую инициативу⁹. В это время некоторые города Архангельской губернии (Архангельск, Мезень, Онега, Кола) становятся крупными центрами организации зверобойных промыслов. Организаторами экспедиций к Новой Земле и Шпицбергену были купцы и Выгорецкое старообрядческое общечинство. Располагая значительными капиталами, они снаряжали суда и нанимали артели для ведения промыслов¹⁰.

На службе у купцов, выгорецких старообрядцев, а с начала XIX в. и Беломорской компании, находился герой нашей работы – кормщик Филат Семенов сын Вожевольный¹¹. Согласно обывательской книге г.Онеги 1785 г., он происходил из крестьян, до переселения в город жил в деревне Ерковошина Шуйского погоста¹². В обывательской книге указан возраст кормщика – 37 лет, у него была семья, жена и дочери Устинья (9 лет) и Фекла (5 лет). Следовательно, датой рождения Филата мог быть 1748 г. Основным видом занятий мещанина называется шкиперское дело: «Шкипором ходит на судах ко острову Спитцберген»¹³. Не будет большим преувеличением считать, что на момент составления книги этому делу Филат отдал уже не один год.

Онега со второй половины XVIII в. превращается в один из центров организации промыслов на арктических архипелагах Новая Земля и Шпицберген. По немногочисленным данным таможенных ведомо-

стей Онежского порта, с 1786 г. по 1792 г. отсюда на зверобойные промыслы выходило от двух до четырех судов ежегодно¹⁴. Организацией промыслов занимались местные купцы. Среди них особенно надо выделить купца Ивана Михайловича Дьякова¹⁵. Впервые в качестве организатора промысла на Шпицбергене он упоминается в приказе архимандрита Соловецкого монастыря Иеронима служебнику Сумского острога иеромонаху Карпу от 15 октября 1787 г. Согласно приказу, онежский купец Иван Дьяков обещал пожертвовать монастырю 200 руб. «от грунландского промысла»¹⁶. Таким образом, не позднее 1787 г. этот купец помимо Мурманского берега начал отправлять артели и на Грумант. С Дьяковым в 1791 г. встречался известный просветитель П.И. Челищев, отметивший в своем «Путешествии по Северу России», что купец владел семью судами, отпускаемыми на Мурманский берег и Шпицберген¹⁷.

С представителем рода Дьяковых связана и биография кормщика Вожевольного. Сын купца Ивана Дьякова Лаврентий совместно с компаньоном, купцом Петром Кошириным, в 1779 г. подал архангельскому губернатору Е.А. Головцыну жалобу на кормщика¹⁸. Суть ее заключалась в следующем. 5 июня 1778 г. купцы заключили с кормщиком договор, по которому он должен был повести судно «Десогласие» на Шпицберген. В обязанности кормщика входила подготовка судна к походу (проверка исправности и погрузка всего необходимого), оберегание судна и всего имущества «от несчастиев бурь», поддержание дисциплины, организация промысла животных «водяных с салом» и на суше «горных с кожами их пушных зверей», невзирая на время суток и праздники¹⁹. На Шпицбергене артель должна была находиться до тех пор, пока «мы оное судно наше промыслами и салом со удовольствием наполнить и наг[рузить] возможен, так чтобы в обратной путь следовать можно»²⁰. С неполным грузом промышленники не должны были возвращаться, даже если бы им пришлось оставаться на

Шпицбергене до лета или осени. По окончании промысла судно с артелью должно было следовать в Архангельск, где вся добыча и имущество передавались хозяевам, купцам Л. Дьякову и П. Коширину. В случае их отсутствия следовало сообщить о прибытии через нарочного в Устье Онежское (название г. Онеги до 1780 г.) и ожидать приезда купцов²¹. Только после этого должен был состояться расчет между артелью и хозяевами.

Но дела пошли совсем не так, как было прописано в договоре. Судно, вышедшее из Устья Онежского в июне 1778 г., так и не дошло до места назначения. Кормщик остановил «Десогласие» у острова Медвежий²², где и высадил четырнадцать промышленников «в зимовье», оставив им «материалы и две трети хлебных припасов», сам же с шестью моряками, оставшимися на судне, отправился в «дацкие заливы», обещая оставшимся на острове «приттить к нам на судне и вывести нас с промыслом на будущее, то есть в минувшую сего 1779-го года весну»²³. Спустя год судно за артелью не пришло. Промышленники оставались на острове до начала сентября 1779 г. К этому времени «хлебные припасы у нас от употребления нашего стали весьма знатно уменьшатся, и на продовольствие наше к наступающей зиме самое малое количество оставалось»²⁴. Выручил случай: в сентябре к острову прибыло судно крестьянина Шуерецкой волости Ивана Климова, который оставил здесь на зимовку свою артель и вывез в Финнмарк большую часть брошенных Вожевольным артельщиков. Добравшись до Хаммерфеста, промышленники смогли выяснить судьбу кормщика. По рассказам местных жителей, кормщик «зимовал прошедшей зимы в местечке Амарфисте у тамошняго кукмана Петер Кристиана Бука²⁵ и продавал ему с судна как разные хозяйские припасы хлебные, такелаж и прочее»²⁶. Также выяснилось, что Вожевольный и оставшиеся с ним промышленники находятся «завсегда в безпрестанном [пья]нстве и между собою дерутся ежедневно»²⁷.

Побережье Финнмарка (Северная Норвегия) с XVIII в. стало районом рыболовных

промыслов поморов, что осложнило отношения России и Дании²⁸. Здесь же получила развитие меновая торговля, просуществовавшая до начала XX в.²⁹ Случай Вожевольного раскрывает привычность пребывания в небольших городках региона, наличие устойчивых связей с местным населением.

Пребывание в Финнмарке не осталось для Филата бесследным. С Петером Буком кормщик заключил соглашение о совместном промысле. В мае 1779 г. судно «Морж» под командованием Вожевольного вышло из Хаммерфеста в сторону Шпицбергена. В команду были взяты сын Бука Эдвард и еще четверо норвежцев. Дойти до цели судно не смогло: оказавшись в тяжелой ледовой обстановке в районе острова Медвежий, «Морж» вынужден был повернуть обратно³⁰.

В дальнейшем кормщик продолжил работу под началом русских судовладельцев, занимавшихся промыслами на Новой Земле и Груманте. Так, в 1800 г. он ходил на промысел от купца Матвея Стукачева на судне «Святой Николай». Вожевольный занимал в артели рядовую должность, в то время как кормщиком был Афанасий Степановский³¹. В 1800 г. и 1802 г. Филат ходил кормщиком к полярным архипелагам³² от выгорецких старообрядцев³³.

С созданием Беломорской компании, одним из направлений деятельности которой были китобойный и зверобойный промыслы на полярных архипелагах, возникла потребность привлечения на службу опытных кормщиков. Управляющий делами компании в Архангельске Влас Ермолаевич Ермолин, искавший подходящих людей в разных местах Архангельской губернии, обратил внимание и на Филата. В письме Ермолина от 18 октября 1807 г. упоминается «удалой» кормщик Филат, который отправился на Грумант от выгорецких старообрядцев³⁴. Управляющему удалось привлечь Вожевольного на службу, и уже в 1808 г. мы видим его среди артельщиков компании, отправившихся на Новую Землю.

Служба компании никак не изменила склонности кормщика к дерзости и неза-

висимому поведению, не лишила и тяги к спиртному. По традиции отправка на рыболовные и зверобойные промыслы сопровождалась обильным угощением, получившим название отвалного³⁵. В письме к Ермолину, отправленному с Новой Земли, Филат укоряет того за ненадлежащие проводы артели на промысел в Архангельске: при отправке промышленников «отвалным не подражали, как в городе (Архангельске. – С.Н.), так и в крепости (Новодвинской. – С.Н.)», провожали как «каких неволников или злодеев»³⁶.

Отметим, что Влас Ермолин относился негативно к пьянству, стараясь ограничить эту страсть промышленников-зверобоев. Так, действия кольского купца А.И. Попова, продававшего груманланам в Екатерининской гавани³⁷ водку для лечения цинги, вызвали недовольство правителя компании. В письме поверенному Ф.Ф. Ерасову не без удивления Ермолин замечал: «Олексей Попов пишет, что народ почти весь выздоровел с подкрепления водки». Такое «подкрепление» встревожило правителя, поскольку было способно вызвать пьянство, «бушуйство» и драки, что у «грумаланов дело не новое, а изстари в заведении»³⁸.

Промысловый сезон 1808-1809 гг. Филата Вожевольного известен нам благодаря двум документам – письму кормщика, адресованному Власу Ермолину, и донесению поверенного Беломорской компании Петра Захарова³⁹.

Вышедшее из Архангельска на Новую Землю судно на пути столкнулось с рядом трудностей, о которых и сообщает кормщик. Корабль попал в шторм и вынужден был остановиться под Пулонгой⁴⁰. Ветер был настолько сильным, что якоря не держали судно, «проломило палубу», вода стала заливать трюмы, поскольку «негде не конопачено было». Капитан Воронин намеревался идти на Соловецкие острова для ремонта, но команда этому воспротивилась. По случайности на месте стоянки находился еще один корабль, капитаном которого был брат Воронина⁴¹. Братья приняли решение напра-

виться в Колу. Против этого вновь выступила артель, которую возмутило единоличное принятие решений Ворониным: капитан «повелевал нами как мальчиками», так поступать мог только «безъсовесной человек совсем»⁴². Воронин был фактически отстранен от командования. По словам Филата, путь к архипелагу был сложным: «Один стоит на рулю, а другой держит в руках канпас и фонарь со свечой. Так-то поморы ходят в моря!»⁴³. Только благодаря счастливому стечению обстоятельств 16 августа удалось добраться до становища Вальково⁴⁴ на Новой Земле: «Велика милость Божия до нас, грешных, что мы пришли благополучно».

Деятельность Вожевольного на Новой Земле фрагментарно раскрывается в донесении поверенного компании Петра Захарова, осуществлявшего контроль за промыслом⁴⁵. Так, он отмечал, что осенью (1808 г. – С. Н.) «Филат белужьево невода», предназначенного для охоты на белуг, не ставил⁴⁶. Позже в Нехватовой губе⁴⁷ были поставлены два невода, в которые попали 111 белуг и один морж. К концу промыслового сезона 1808-1809 гг. было добыто 14 картелок⁴⁸ рыбы, 45 картелок, 8 аршиниц и 1 масленка сала, 39 песцов белых и черных, 7 белых медведей, 26 морских зайцев, шкур и моржовой кости⁴⁹.

Последнее известие о Филате Вожевольном в документах Беломорской компании относится к 1810 г. При возвращении с промысла в сентябре 1810 г. грумантское судно попало в шторм, пострадал большой парус. Главными на этом судне были кормщик Спирин⁵⁰ и полукормщик Филат Вожевольный⁵¹.

Таким образом, для Ф.С. Вожевольного занятие зверобойным промыслом стало профессией. О профессиональном характере деятельности промышленников-груманланов и новоземельцев писали авторы коллективной монографии по истории поморских промыслов Шпицбергена⁵². Хотелось бы сделать важное уточнение: профессией промысел становился не для всех, а только для кормщиков.

За тот период жизни, который возможно реконструировать, Филат служил у разных хозяев, и далеко не всегда в должности кормщика: ему приходилось быть и полукормщиком, и рядовым артельщиком. Очевидно, причинами такой нестабильности были личные свойства Филата: склонность к пьянству, авантюризм, нерадение об имуществе и членах артели. Это могло вызывать неприязнь к кормщику со стороны хозяев, ставивших его не всегда на те должности, на которые тот рассчитывал. Обратной стороной медали были профессиональные качества Филата Вожевольного: знание морского пути на Грумант и Новую Землю, опытность в ведении промысла.

В биографии кормщика отразились этапы российского освоения Арктики. Приобретение им профессиональных качеств промышленника и кормщика совпало с хозяйственной активностью русских купцов на полярных архипелагах, неоднократное посещение норвежских городов Финнмарка не могло произойти без развития поморского рыболовства и торговли в этом регионе. Внес кормщик свой вклад в начало норвежских промыслов на Шпицбергене, бурное развитие которых в первой половине XIX в. стало одной из причин вытеснения русских с полярного архипелага⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Представим только ряд обобщающих работ. См.: *Бернштам Т.А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства / Под ред. К.Р. Чистова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978; *Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы Выговского старообрядческого общежития в XVIII-XIX веках: суда, кормщики, работные люди: (к исследованию поморской экономической структуры). Архангельск: Лодия, 2016; *Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А.* Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII - нач. XIX в. Исследование. Документы. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017; *Никонов С.А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами

- и монастырями Поморья в XVI-XVIII вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. (DOI 10.31754/nestor4469-1771-6).
- ² Визе В.Ю. Русские полярные мореходы XVII-XIX вв. М.; Л.: изд. и тип. изд-ва Главсевморпути, 1948.
- ³ Филин П.А. Русские промышленники на Новой Земле (XVI век - 1920-е гг.): Именной указатель // Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Кн. 2. Ч. 2. История изучения и освоения Новой Земли. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2000. С. 113-121; Окладников Н.А. Российские колумбы: Мезенские полярные мореходы и землепроходцы (XVI - начало XX века). Архангельск: Правда Севера, 2008. С. 61-80; Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э. Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы... С. 51-52; Брызгалов В.В., Овсянников О.В. Северное Поморье: Онегская округа, Сумская, Кемская волости, Кольский город // Труды Архангельского центра Русского географического общества: сб. науч. ст. Вып. 7 / сост. В.А. Любимов, Д.С. Мосеев. Архангельск: Архангельский центр РГО, 2019. С. 128-128.
- ⁴ Никонов С.А. Аким Старостин (1764-1823): штрихи к биографии кормщика-грумманлана // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 21. М.; Архангельск: Товарищество северного мореходства, 2022. С. 72-86.
- ⁵ Dadykina M., Kraikovski A., Lajus J. Mastering the Arctic marine environment: organizational practices of Pomor hunting expeditions to Svalbard (Spitsbergen) in the eighteen century // Acta Borealia. 2017. Vol. 34. P. 7-11. (DOI: 10.1080/08003831.2017.1322265); Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы на Шпицбергене... С. 75-78.
- ⁶ Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы на Шпицбергене... С. 77.
- ⁷ Целостных работ, посвященных Беломорской компании, нет. Отдельные аспекты ее истории представлены в ряде обобщающих работ по социально-экономической истории Русского Севера начала XIX в. См.: Ушаков И.Ф. Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Т. 1. Мурманск: Книжное изд-во, 1997. С. 223-224, 230; Он же. Кольский Север в досоветское время: историко-краеведческий словарь. Мурманск: Книжное изд-во, 2001. С. 21; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М.: Речной транспорт, 1956. С. 467-469; Пасецкий В.М. Русские открытия и исследования в Арктике. Первая половина XIX в. Л.: Гидрометеиздат, 1984. С. 29-32; Родионова Е.Е. Развитие морского и берегового рыболовного промысла в Архангельской губернии в XIX - начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2000. С. 124-138; Булатов В.Н. Русский Север. Кн. 4: Свет Полярной звезды. Архангельск: ПГУ, 2002. С. 249-250; Беломорская компания // Кольская энциклопедия. Т. 1: А - Д. СПб.: ИС; Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 310; Шумилов Н.Н. Архангельский родословец (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли): генеалогический справочник. Архангельск: Правда Севера, 2009. С. 135-136, 240-241, 358; Пушкина Л.В. Беломорская акционерная рыбопромысловая торговая компания (к 210-летию со дня образования) // Памятные даты Архангельской области. 2013 год: календарь. Архангельск: ГААО, 2012. С. 92-99; Заозерский Д.С. Деятельность Беломорской компании по освоению Новой Земли и Шпицбергена в 1803-1813 гг. // Беломорские чтения: материалы II и III межрегиональных научно-практ. конф. Архангельск, 2019. Вып. 2. С. 242-249; Он же. Проекты по освоению Новой Земли и Шпицбергена в XIX - начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 6. С. 5-13; Он же. Хозяйственное освоение островов Баренцева моря в XIX - начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2021. С. 66-83.
- ⁸ Подробнее см.: Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы на Шпицбергене... С. 26-44, 55-66; Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»...; Он же. Европейская Арктика в XVI-XVIII вв.: модели и практики хозяйственного освоения (крестьянство, купечество, монастыри, государство) // Российская история. № 6. 2021. (DOI: 10.31857/S086956870017374-2). С. 52-54; Он же. Государевы промыслы в Кольском уезде в начале XVIII в.: Опыт реформ рыболовного хозяйства Петровской эпохи // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы междунар. науч. конф. «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17-19 мая 2022 г. / отв. ред. В.Н. Захаров. М.: Паблит, 2022. С. 498-508; Брызгалов В.В., Овсянников О.В. Проект Петра Великого: казенная промысловая компания «Кольское китоловство» (1723-1760 гг.) // Труды Архангельского центра Русского географического общества: сб. науч. ст. Вып. 9. Архангельск: Архангельский центр РГО, 2021. С. 302-332.

- ⁹ Подробнее см.: Ковальчук А.В. Об экономической свободе, северных морских промыслах и архангелогородском губернаторе Е.А. Головцыне (1760-1770-е гг.) // *Образы аграрной России IX-XVIII вв.*: сб. ст. М.: Индрик, 2013. С. 230-255; Он же. Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в.: идеи и практика. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 34-69, 74-101.
- ¹⁰ Никонов С.А. Европейская Арктика в XVI–XVIII вв.: модели и практики... С. 54-59.
- ¹¹ В документах фиксируются разные варианты фамилии кормщика – Вожевольный, Возжевольный, Божевольный.
- ¹² Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 13798. Л. 6.
- ¹³ ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 2. Л. 8 об. – 9.
- ¹⁴ Никонов С.А. Онега – центр развития зверобойных промыслов в Арктике в конце XVIII-начале XIX века // *Кенозерские чтения 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований*: сб. материалов X Всероссийской науч.-практ. конф. / сост. М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Архангельск, 2022. С. 276-277.
- ¹⁵ О роде онежских купцов Дьяковых см.: Елфимов В.В. Первый онежский купец Иван Михайлович Дьяков // *Труды Архангельского центра Русского географического общества*: сб. науч. ст. Вып. 8. Архангельск: Архангельский центр РГО, 2013. С. 74-78.
- ¹⁶ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5398. Л. 7.
- ¹⁷ Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1886. С. 58.
- ¹⁸ До 1780 г. Лаврентий Дьяков был записан в купечество по городу Каргополю. В 1780 г. Иван Дьяков с семейством записался в купцы второй гильдии по городу Онеге. См.: Елфимов В.В. Первый онежский купец... С. 75-76.
- ¹⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 13798. Л. 6-6 об.
- ²⁰ Там же. Л. 6 об.
- ²¹ Там же. Л. 6 об. – 7.
- ²² Медвежий (норв. Бьёрнёйа) – остров, находящийся примерно в 480 км от мыса Нордкап (Норвегия) на пути к Шпицбергену.
- ²³ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 13798. Л. 4.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ О П.К. Буке и деятельности его промысловой компании см.: Арлов Т.Б. История архипелага Шпицбергена. М.: Paulsen, 2016. С. 143-145.
- ²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 13798. Л. 4 об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...»: русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года // *Русский сборник: Исследования по истории России*. Т. 8. М.: Наука, 2010. С. 26-52; Шрадер Т.А., Нильсен Й.П., Колле Н. Поморские рыбные промыслы и торговля до 1815 года // *Сближение: Россия и Норвегия в 1814-1917 годах* / Под ред. Й.П. Нильсена. М.: Весь мир, 2017. С. 68-86; Никонов С.А. Промысловая активность крестьян Соловецкого монастыря у берегов Северной Норвегии во второй половине XVIII в. // *Историко-культурное и духовное наследие Соловков*: сб. докл. науч. конф., Соловки, 10-14 сентября 2018. Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2018. С. 146-152.
- ²⁹ Репневский А.В., Нильсен Й.П., Тевлина В.В. Консулы и купцы, поморская торговля и руссенорск // *Сближение: Россия и Норвегия в 1814-1917 годах* / Под ред. Й. П. Нильсена. М.: Весь мир, 2017. С. 170-209.
- ³⁰ Минаева Т.С., Карелин В.А. Языковые контакты поморов с норвежцами в ходе экспедиций на Шпицберген во второй половине XVIII-первой половине XIX в. // *Арктика и Север*. 2020. № 38. (DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.140). С. 142. В статье в качестве фамилии кормщика ошибочно указано его отчество – Семенов.
- ³¹ ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 86. Л. 60 об.
- ³² В документах не указан точный маршрут судна.
- ³³ Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э. Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы... С. 52.
- ³⁴ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 234 об.
- ³⁵ Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»:... С. 365-368.
- ³⁶ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 221. Л. 503.
- ³⁷ Екатерининская гавань – узкий пролив между материковой частью и островом Екатерининским на западном побережье Кольского залива. Гавань была базой Беломорской компании.
- ³⁸ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 245 об.
- ³⁹ Там же. Д. 221. Л. 502-503; Д. 253. Л. 278-282.
- ⁴⁰ Пулонга – река, впадающая в горло Белого моря, и одноименное поселение, возникшее в XIX в. См.: Географический словарь Кольского полуострова. Т. 1. Л., 1939. С. 81.
- ⁴¹ В документе имена братьев Ворониных не указаны.
- ⁴² ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 221. Л. 502.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Вальково – остров, губа, мыс и полуостров на севере острова Междушарского у западного побережья острова Южного архипелага Новая Земля. В качестве поморского становища Вальково известно со второй половины XVIII

- в. См.: Саватюгин Л.М. Архипелаг Новая Земля. История, имена и названия. М.: Paulsen, 2017. С. 211.
- ⁴⁵ Донесение датировано 1 сентября 1809 г. ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 253. Л. 278-282.
- ⁴⁶ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 253. Л. 278.
- ⁴⁷ Губа Нехватова – залив, а также одноименные река и озеро на восточном побережье пролива Костин Шар архипелага Новая Земля. Известна как старинное русское становище. См.: Саватюгин Л.М. Архипелаг Новая Земля... С. 499.
- ⁴⁸ Картелка (карделка) – бочка вместимостью в 10 ведер, предназначенная для перевозки сала.
- ⁴⁹ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 253. Л. 281 об.
- ⁵⁰ Имя установить не удалось.
- ⁵¹ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 283. Л. 2 об.; Д. 274. Л. 15.
- ⁵² Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы на Шпицбергене... С. 76.
- ⁵³ Арлов Т.Б. История архипелага Шпицбергена. С. 131-134.

**SKIPPER-GRUMANLANER FILAT VOZHEVOLNY:
STAGES OF BIOGRAPHY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN DEVELOPMENT
OF THE ARCHIPELAGOS AND ISLANDS OF THE ARCTIC
IN THE LAST QUARTER OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURY**

© 2022 S.A. Nikonov

Murmansk Arctic State University

The author examines the biography of the skipper Filat Vozhevolny, the son of Semen, who was engaged in fishing in the archipelagos of Spitsbergen (Grumant) and Novaya Zemlya in the late XVIII – early XIX centuries. The study of the biographies of individual fisherman-hunters makes it possible to understand the peculiarities of the organization of fishing, to identify personal and professional qualities, without which it was impossible to participate in long and dangerous expeditions to the polar archipelagos. Filat Vozhevolny went fishing from Onega and Arkhangelsk merchants, Vygoresky old Believer community, and in 1808-1810 he sailed to Novaya Zemlya under the flag of the White Sea Company. In the personality of the skipper, knowledge of navigation, fishing and hunting was combined with adventurism and a penchant for risk, which endangered the life of not only himself, but also of the artel entrusted to him.

Keywords: skipper, Novaya Zemlya, Spitsbergen, White Sea Company, fishing-hunting, Finnmark.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-5-12

The study was carried out within the framework of the initiative NIOKR № 122060900077-6.

УДК 94(470.57)

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ В БАШКИРИИ В 1920-е ГОДЫ: ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

© 2022 Р.Н. Сулейманова

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа

Статья поступила в редакцию 04.06.2022

В статье рассматриваются последствия бедствия, постигшего Башкирию, – голода 1921-1922 гг., развившиеся эпидемии и массовые заболевания, оказавшие негативное влияние на демографическую ситуацию в регионе, здоровье жителей, особенно детей. Серьезно ухудшились демографические показатели, в том числе рождаемости, смертности, снизились темпы воспроизводства. На основе архивных документов и опубликованных источников с использованием общепринятых методов и подходов в исторической науке исследуется становление органов здравоохранения в Башкирской автономной республике в 1920-е годы. Проводится анализ деятельности местных органов, при содействии центральных инстанций и ведомств, по принятию необходимых мер поддержки населения в чрезвычайных условиях голода и эпидемий, оказанию медицинской помощи населению. Рассматривается организация оказания медицинской и социальной помощи детям, прежде всего сиротам, влияние на нее объективных и субъективных факторов. Выявляются трудности и упущения, которые отражались на решении важной социальной задачи государственного значения.

Ключевые слова: Голод 1921-1922 годов, эпидемии, массовые заболевания, Башкирия, демографические процессы, здравоохранение, дети, ~~охрана здоровья~~, меры, социальная помощь.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-13-23

В современный период охрана здоровья детей – одна из важных проблем в государственной социальной политике в России. Этому приоритетному направлению детского вопроса уделялось и уделяется серьезное внимание, принимаются законодательные меры, программы и решения. При этом сохраняет актуальность исторический опыт 1920-х гг. по охране здоровья детей, обеспечению их лекарствами, доступности лечения. Изучение этих процессов на региональном уровне дает возможность исследовать местные особенности и специфику решения этих важных вопросов. Целью статьи является рассмотрение на основе архивных документов и опубликованных источников постановки и решения в Башкирии

одной из актуальных социальных задач в указанный период.

Данная тема является междисциплинарной и включает в себя довольно большой круг вопросов, охватывающих историю здравоохранения, регионов, женскую тему, детства и др. В вышедших работах рассмотрены общие и региональные вопросы становления в 1920-е гг. в советской России здравоохранения, оказания лечебной помощи населению, детям¹. В местной историографии изучаемая тема получила косвенное освещение в работах по истории региона², здравоохранения³. Интересные сведения нашли отражение в некоторых научно-популярных работах⁴. Особенно нужно отметить специальные работы врачей Л.М. и Л.А. Василевских, посвященные влиянию голода 1921-1922 гг. на заболеваемость населения, детей в Уфимской губернии, которые можно рассматривать как важный источник по указанной теме⁵. Однако

*Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана.
E-mail: rnsulejman@mail.ru*

работ, специально посвященных данной теме, нет, что указывает на ее научную актуальность.

Происходившие в России события начала XX в. – Первая мировая и гражданская войны, революции 1917 г., экономическая разруха, внутриполитическая нестабильность в стране, нововведения пришедших к власти большевиков, ухудшение положения населения, особенно его незащищенной категории – детей, вносили серьезные коррективы в демографические процессы, прежде всего показатели смертности и рождаемости, состояния здоровья. Еще более их осложнили голод 1921-1922 гг. и развившиеся эпидемии тифа и холеры. По мнению Ю.А. Полякова, повышение показателей смертности вызывалось ростом числа многих заболеваний в результате недоедания и соответственно ослабления организма, ухудшения санитарно-бытовых условий, снижения врачебного надзора, дефицита медикаментов. Но немаловажную роль играли эпидемии, распространение которых также было связано с военными действиями, бытовым неустройством, голодом⁶.

После окончания гражданской войны советской России пришлось пережить еще одно испытание – голод 1921-1922 гг. Суровая зима 1920 г., последовавшая на следующий год небывалая засуха привели к недороду, вызвавшему массовый голод и смертность населения. Страшным бедствием были охвачены 33 губернии и области общей численностью свыше 30 млн человек⁷. В Малой Башкирии и Уфимской губернии голодало около 2 млн человек⁸. Резко возросла смертность населения, особенно детского и молодых возрастов, падала рождаемость, снижались темпы воспроизводства. Распространялись массовые остроинфекционные заболевания, уносившие жизни ослабленных голодом сотен тысяч людей, особенно детей. Тяжелыми были последствия для горно-лесных и горно-степных районов в основном с башкирским населением. Специальной комиссией ВЦИК сообщалось о «свирепствовавших» холере, желудочно-кишечных заболеваниях, опухании от голода и смертных случаях⁹.

Осложнилось положение детского населения. В обком партии поступали многочисленные сообщения об увеличении числа детей, под-

кидываемых в детские учреждения, что вело к ухудшению в них санитарно-гигиенических условий и повышению смертности. Народный комиссариат просвещения Башреспублики указывал, что среди детей распространяются различные заболевания в связи с увеличением их числа, недостатками в санитарных условиях и отсутствием медицинского надзора¹⁰. Так, до начала голода смертность в них не превышала 2-3%, а к августу 1921 г. уже достигала 50-60%. Только в доме грудного ребенка в Уфе этот показатель превышал прошлогодний в 1,6 раза, составив 64%¹¹. В губком партии поступил отчет об итогах проверки, в ходе которой были выявлены в двух уфимских детдомах «ужасные условия существования детей, в одном месте сосредоточены все больные и здоровые, холерные, тифозные и даже мертвые»¹². В информационных сведениях в местные органы извещалось о полном отсутствии медицинского наблюдения в детдомах губернии, заражении помещенных туда детей чесоткой¹³. Нужно заметить, что в это трудное время подобные случаи наблюдались в регионе повсеместно.

В возвращении к мирной жизни после освобождения территории края от военных действий имелось немало препятствий. Оставались не только хозяйственная разруха, голод, но также нестабильная политическая обстановка, незавершенность национально-государственного и территориального устройства, отсутствие устойчивых взаимоотношений между центральными и местными, губернскими и республиканскими органами власти, катастрофическая нехватка средств, быстро распространявшиеся эпидемии тифа и холеры. Признавая борьбу с голодом «вопросом жизни и смерти», местные органы основное внимание направляли на преодоление этого бедствия¹⁴. В то же время незамедлительного решения требовали другие, не менее важные задачи, в их числе борьба с эпидемиями. Только в Малой Башкирии заболеваемость тифом достигала колоссальных размеров и охватывала до 40% населения, смертность составляла не менее 15%¹⁵, необходимым было оказание медицинской помощи населению. Однако лечебные заведения в период военных действий практически были разрушены,

медикаменты и оборудование разграблены, не было простейших лечебных средств и перевязочного материала. Волна эпидемий брюшного, сыпного и возвратного тифов захлестнула весь край. Не было избы или двора, где не был бы заболевший человек. В Уфе тифозных больных насчитывалось свыше 16 тыс. человек, а для оказания необходимой помощи оставались лишь несколько врачей, среди них Р.А. Кутлубаева¹⁶. В воспоминаниях она писала: «... в самый разгар гражданской войны, когда Уфа переходила то к белым, то к красным, я осталась с двумя малолетними дочками на руках, но своих пациентов не бросила. Вместе со мной остались верными своему врачебному долгу только трое врачей»¹⁷. Но этих сил было крайне недостаточно. Не хватало врачей, медперсонала, а имевшийся состав был очень слабым, мало подготовленным, сообщалось в отчете Наркомата здравоохранения республики¹⁸.

Становление новой системы здравоохранения в регионе начиналось в неимоверно сложных условиях. Описанные выше обстоятельства были далеко не единственными, которые тормозили данный процесс. Среди них нужно указать на незавершенность национально-государственного и территориального устройства. Органы здравоохранения, в чьем ведении находились вопросы охраны детского здоровья, возникали и осуществляли деятельность на территории Уфимской губернии и Малой Башкирии вплоть до июня 1922 г., что оказывало серьезное влияние на проведение необходимых мер и их эффективность.

Несмотря на непростой период, переживаемый республикой, происходила постепенная стабилизация общественной жизни. Последовали перемены в здравоохранении, в организационном становлении и развертывании деятельности. В июне 1919 г. при Народном комиссариате внутренних дел автономной республики создается отдел здравоохранения, вскоре преобразованный в самостоятельное учреждение – Народный комиссариат здравоохранения БАССР¹⁹. Разрабатывается его структура, в составе которого теперь имелось 10 отделов, в их числе отдел охраны здоровья детей с подотделами: охраны раннего детства, наблюдения за

санитарией школ и здоровья учащихся, дефективного ребенка, физической культуры. Перед ним ставятся задачи по восстановлению медицинских учреждений, развертыванию работы по оказанию лечебной помощи населению. При Уфимском губернском отделе здравоохранения (губздравотдел) образуется подотдел охраны здоровья детей²⁰. Стало несколько больше внимания уделяться детям, особенно сиротам, проведению необходимых мер по оказанию лечебной помощи, усилению питания и улучшению положения. Последовало открытие для них больниц, приютов, санаториев, первых детских учреждений, консультаций не только в Уфе, но также в других городах и крупных населенных пунктах²¹. Но было трудно, катастрофически не хватало кадров. По сведениям Наркомата, на территории Малой Башкирии работали 7 врачей, 2 зубных врача, 84 фельдшера, 7 акушеров, 15 сестер милосердия. На одного врача приходилось 113,1 тыс. жителей, а на каждого фельдшера – 12156 жителей²². Аналогичной была ситуация в Уфимской губернии²³.

В непростой и противоречивый период в регионе органам здравоохранения предстояло начать борьбу с эпидемиями, бросив на это все выделенные, хотя и весьма скудные, средства. Немаловажное значение для них в противостоянии этой угрозе имели решения центральных органов, направленные на организацию детского питания, проведение борьбы с эпидемиями²⁴, которые определяли основные направления деятельности. Оказывалась помощь многими ведомствами и учреждениями страны. При активном содействии и поддержке наркома Н.А. Семашко были выделены Наркоматом здравоохранения РСФСР для республики медицинское оборудование, 5 зубоврачебных кабинетов и 2 госпиталя²⁵. Из Томского университета по указанию ВЦИК в Уфимскую губернию в распоряжение здравотдела предполагалось направить 20 врачей²⁶, и пр.

В связи с общим ухудшением эпидемиологической ситуации в стране потребовалось принятие срочных мер. Сложной была ситуация в регионах, особенно в восточных. С распространением эпидемии в Башкирии и резким возрастанием заболеваемости населения местными

органами была образована Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (Губчекатиф) во главе с заместителем председателя Уфимской губернской ЧК И.А. Чистяковым. Перед ней была поставлена ответственная задача строгого соблюдения населением санитарных норм, обращения особого внимания на детей²⁷.

В конце 1919 г. в Башкирию прибывает заместитель председателя ВЧК М.С. Кедров, которому поручается особой государственной важности задача – принятие незамедлительных мер по улучшению санитарного дела. Еще осенью того же года он возглавил Всероссийскую комиссию по борьбе с тифом. В Уфе М.С. Кедров проводит чрезвычайное совещание, на котором вырабатывается план мероприятий по ликвидации эпидемии тифа, восстановлению в регионе здравоохранения. Их осуществление привело к некоторому улучшению положения, стали открываться инфекционные бараки, госпитали, увеличивалось количество лечебных коек²⁸. Ввиду нехватки медперсонала Наркомат здравоохранения принимает ряд мер по привлечению партийно-советских, общественных организаций и граждан для работы в них и проведения подворных обходов. Большую помощь оказывали активистки женотделов. Впоследствии они писали о пережитом следующее: «... тифом повально болели все – взрослые и дети, в больницах не хватало мест. Мы, коммунистки и делегатки, взялись за детские дома. Мыли, стригли детей, изгоняли грязь и вошь, дежурили у постели ребятишек, выхаживали их после болезни», «республику постигло тяжелое бедствие – голод, народ оказался в тяжелом положении, особенно плохо было детям. Тысячи их пришли за помощью в города, на железнодорожные станции, многие гибли от голода, дизентерии. Делегатки взялись спасать детей, стали организовывать детские дома, питательные пункты и приемники для детей. Больных, завшивевших, ослабевших от голода детей на руках несли, чтобы доставить в больницу»²⁹.

Трудности этого периода оказывали серьезное влияние на постановку и решение задачи по охране здоровья детей. Тому подтверждением является высказывание одного губернского партработника: «невозможно было найти по-

мещения, как под школы, так и под всякие другие учреждения для детей. Сильно тормозящее влияние эпидемии тифа, заболеваемость была так велика, что жизнь зачастую почти совсем замирала, никакого планомерного строительства на пользу детей в этих условиях наладить было нельзя»³⁰. В Малой Башкирии руководство признавало: «ничего не имеем мы: ни вакцины, ни средств, ни продовольствия, ... пришлось употребить все усилия достать те или другие предметы...». В связи с этим перед органами здравоохранения ставится задача подготовки плана мероприятий по борьбе с эпидемиями³¹. Принятие в республике необходимых мер и их осуществление, поддержка центральных органов, хотя не всегда в срок и в запрашиваемых объемах, оказание лечебной помощи заболевшим позволили весной 1920 г. эпидемию тифа в основном ликвидировать.

После ее ликвидации в регионе происходит постепенная стабилизация обстановки. Создаются благоприятные возможности для медицинских учреждений продолжить восстановление деятельности и налаживание лечебного дела, уделить особое внимание санитарно-профилактической работе, а также охране материнства и детства. В Уфимской губернии подотделом охраны здоровья детей при отделе социального обеспечения и здравотделом удалось наладить оказание специальной помощи детям, открыть для них больницу на 120 коек, особую амбулаторию, баню и парикмахерскую. За городом Уфой на 3 месяца была устроена санатория для ослабленных и нуждающихся в усиленном питании детей³². Как указывал заведующий губернским отделом здравоохранения А.Е. Маневич, недавно перешедшие в их ведение эти подотделы в своей работе «обращают внимание на вопрос охраны здоровья детей, принимают меры к открытию лесной школы для туберкулезных детей при самых ограниченных средствах, при недостатке самых необходимых предметов, при малом количестве медикаментов, при недостатке врачебного персонала»³³. Поэтому местные органы, понимая всю важность этого вопроса, явный вред, наносимый детскому здоровью, и принимая решения, особо подчеркивали о проведении их «в жизнь немедленно»³⁴. Но нужно

признать, что не все они реализовывались, и зачастую по объективным причинам, в основном ввиду отсутствия средств.

Наркомат здравоохранения республики возобновляет приостановленную деятельность по организации лечебного дела. Для выполнения важной задачи охраны здоровья детей им был определен план мероприятий, в частности, проведение среди них периодических медико-санитарных осмотров детских учреждений, в кантонах – обязательного оспопрививания, в Стерлитамаке – открытие детской амбулатории и дома для детей-сифилитиков. В ходе реализации разработанных мер были открыты две детские больницы, одна с терапевтическим уклоном на 30 коек, другая для кожных больных на 15 коек³⁵.

Не успели отойти от последствий эпидемии тифа, как в регионе вспыхнула эпидемия холеры. Наркомат здравоохранения сообщал правительству в отчете, что она «буквально врасплох застала» и были вынуждены приостановить начатую работу, а направить все усилия на борьбу с холерой и сопутствующими болезнями. Но имевшиеся у ведомства кадры были слабыми, малоподготовленными: дезотряд состоял из 6 человек, дезосредств и сывороток не было, поэтому в первые дни эпидемии не мог оказывать реальную помощь населению даже в пределах города Стерлитамака³⁶. По данным санитарно-статистического отдела Наркомата, в республике было зарегистрировано свыше 11,5 тыс. случаев азиатской холеры и 2 тыс. случаев холероподобных заболеваний, общая смертность достигала почти 41%, в том числе среди детей³⁷. Вновь последовали обращения в центральные органы и ведомства за помощью, неимоверные усилия по проведению имевшимися ресурсами и кадрами медико-санитарных мероприятий для преодоления эпидемии. В итоге в августе 1921 г. она пошла на убыль, но последствием явилось увеличение остроинфекционных болезней среди детей, в частности сыпным и возвратным тифом. В связи с этим местными органами принимаются срочные меры по налаживанию снабжения детей в детских домах молоком и улучшению питания. Но дети вне этих учреждений, особенно беспризорные и безнадзорные,

оставались без всякой поддержки, и потому предпринимавшиеся действия особого влияния не оказывали на изменение общей ситуации по заболеваемости среди них.

Учитывая, что холера может снова повториться, Наркомат здравоохранения принимает решение создать временный чрезвычайный орган при Центральном Исполнительном Комитете Малой Башкирии – Центральную санитарно-эпидемическую чрезвычайную комиссию (Санэпидчека), целью которой являлось объединение всех наркоматов и имевшихся ресурсов. Перед ней были поставлены следующие задачи: организация в масштабах республики противо-холерной прививочной кампании, устройство летучих санитарных транспортов, развертывание сети холерных барачков и пр. Приступив к своей деятельности, при содействии местных органов комиссия организовала наблюдение за санитарным состоянием общественных учреждений, в частности детских домов, приютов, мест заключения, и улучшением санитарных условий жизни в них³⁸. После снижения опасности эпидемии холеры и ее последствий деятельность комиссии прекратилась.

1 августа 1922 г. последовала очередная перестройка структуры Наркомата здравоохранения, в его составе появились отделы санитарно-эпидемический, охраны материнства, младенчества и детей. Однако свою деятельность ему пришлось разворачивать в сложнейших условиях. После эпидемии холеры на Башкирию надвигалось бедствие с более серьезными последствиями – голод и в связи с ним массовые заболевания с многочисленными летальными исходами. Осенью 1922 г. перед ведомством встал вопрос о борьбе с остроинфекционными болезнями на почве голода, такими как цинга, хронический энтероколит, голодные отеки, основной причиной которых являлось питание суррогатами, вредными для организма, прежде всего для детского. Работавшие в Уфимской губернии врачи Л.А. и Л.М. Василевские на основе своих наблюдений за последствиями голода для здоровья населения, детей подготовили медико-санитарный очерк «Голодание», поражающий своей жуткой откровенностью и сохранивший источниковую ценность и сегод-

ня. Накопленный в ходе оказания лечебной помощи населению опыт позволил им прийти к выводу, что «неустойчивый детский организм под влиянием недоедания разрушается особенно быстро и глубоко». Особое внимание врачи обращали на последствия голода для детского «нравственного здоровья, ввиду чего возрастает моральная дефективность с угрожающей быстротой»³⁹. Среди голодающих детей, по их подсчетам, заболеваемость составляла 50%, среди больных голодающих детей смертность доходила до 75 и даже 80%. Они отмечали, что «даже невинная корь у истощенных голоданием детей давала в уфимских больницах целых 49% смертности, вместо обычных 5-10%»⁴⁰.

В Малой Башкирии сложной была ситуация с оказанием поддержки детям, лишившимся родственников и крова, которых голод вынуждал идти в Стерлитамак в поисках еды. Но отсутствие необходимых средств, белья, постельных принадлежностей и продовольствия не позволяло городским органам оказать им хоть какую-нибудь помощь. Последовавшая вспышка цинги, в основном среди детей по причине недоедания, и вызвавшая среди них рост инфекционной заболеваемости, стала одной из первоочередных задач Наркомата здравоохранения для принятия незамедлительных мер при поддержке местных органов. В связи с этим была проведена определенная работа по заблаговременной заготовке овощей и фруктов. Ведомство обратилось в Наркомат продовольствия с ходатайством об увеличении детского пайка, особенно для истощенных, ослабленных детей, а также необходимости снабжения бельем, одеждой и инвентарем детей, размещенных в детдомах⁴¹. Предпринятые меры позволили несколько снизить среди них заболеваемость.

В этих непростых условиях после образования «Большой Башкирии» в июле 1922 г. последовало слияние Уфимского губернского отдела здравоохранения с Народным комиссариатом здравоохранения Малой Башкирии. Правительство автономной республики ставит перед новым ведомством ответственную и сложную задачу «воскресить действие института по защите детей и материнства»⁴². Теперь все его усилия направлялись на решение задачи оказания не-

обходимой поддержки детского здоровья. В этот период удалось заложить основы общедоступной бесплатной медицинской помощи, несколько приближенной к населению, принимать меры по развертыванию кроме лечебной санитарно-профилактической деятельности, борьбы с социальными болезнями, охране здоровья ребенка, матери. К ноябрю 1922 г. в республике функционировало 13 учреждений общей системы охраны детства, материнства и младенчества, в их числе дома грудного ребенка, учреждения охраны здоровья детей, санаторий-колония в Уфе⁴³, что, конечно же, для республики было явно недостаточным. Несмотря на все эти меры в демографических процессах последовали серьезные изменения: показатели рождаемости ухудшились, а смертности - возросли, что оказывало негативное влияние на темпы воспроизводства. Если в 1921 г. на 1000 человек населения Башкирии родилось 40,4 младенца, то в голодный 1922 г. этот показатель снизился почти в 3 раза, составив 13,0⁴⁴. Происходившие эти явления в основном были связаны с недостаточностью выделяемых средств, а также соответствующих кадров. Принималось немало решений, но многие из них оставались на бумаге «благим пожеланием». Поэтому знавший «изнутри» местную ситуацию сотрудник одного из учреждений высказывал пожелание, чтобы «забота о детях не осталась одним лишь протокольным постановлением»⁴⁵.

В 1924 г. в системе здравоохранения автономной республики происходят вновь изменения, в том числе структурные. В организации лечебной помощи на первый план выдвигаются вопросы охраны здоровья детей, подростков, осуществления санитарного надзора за школами и детскими учреждениями, врачебно-педагогической деятельности, развития физической культуры, помощи дефективным детям, охраны материнства и младенчества⁴⁶. Вскоре в составе Наркомата здравоохранения был организован отдел охраны здоровья детей и подростков (Оздравдет). Деятельность отдела проходила по двум направлениям: школьно-санитарное дело и обслуживание детских домов и охрана материнства и младенчества. Его усилиями в Уфе появляется первый пункт охраны здоровья де-

тей, впоследствии реорганизованный в детскую профилактическую амбулаторию с развертыванием физкультурных кабинетов⁴⁷. В распоряжении отдела имелось 11 врачей и 8 медсестер по проведению врачебной и санитарно-профилактической работы, но в основном в Уфе, что, конечно же, для региона было явно недостаточным и несколько обделяло кантоны⁴⁸. При отделе был инструктор, в обязанность которого входило осуществление контроля за деятельностью школьно-санитарных врачей. В Уфе в некоторых школах были организованы аптечки для оказания первой помощи. В лечебных заведениях открылись детское отделение при центральной амбулатории, школьная зубная амбулатория при туберкулезном диспансере и велся прием детей. Но в кантонах эта работа была развернута недостаточно, ввиду чего детская заболеваемость оставалась довольно высокой. В основном дети болели малярией, чесоткой, стригущим лишаем и трахомой, в то же время массовых инфекционных заболеваний среди них не наблюдалось. В республике для оказания лечебной помощи детям дошкольного возраста в стационарах имелось 600 коек, в основном в Уфе и ряде городов. Учитывая, что детей дошкольного и школьного возрастов насчитывалось свыше 70 тыс., как отмечалось Наркоматом, в среднем на 1,2 тыс. детей приходилась 1 койка, что для республики было явно недостаточным⁴⁹.

Нужно заметить, что проводившиеся реорганизации, структурные изменения в системе здравоохранения в указанный период особого значения в решении многих насущных задач в детском вопросе, улучшении состояния и укреплении здоровья детей не имели. Как отмечала историк Т.М. Смирнова, систему охраны детства в советской стране «строили не только торопливо, но и совершенно беспорядочно, бессистемно, необдуманно». Касаясь регионов, она замечала: «представители местной власти реализовывали декларируемые центром принципы в меру своего понимания и по собственному усмотрению»⁵⁰. Потому вполне уместно привести высказывание одного из местных партработников, заявлявшего, что «даже в центре, в народных комиссариатах ... не сразу были выработаны конкретные нормы охраны детства. Естествен-

но, на местах жизнь отставала от идей, провозглашаемых в центре»⁵¹. Как видим, это имело место и в Башкирии.

С преодолением голода и его последствий в республике для органов здравоохранения и оказания медицинской помощи населению, детям в 1923-1924 гг. создаются «благоприятные условия» работы в сравнении с прошлыми периодами, деятельность характеризуется большей плановостью и системностью, как указывалось в отчете Наркомата. Но при этом обращалось внимание на трудности, в частности, с переходом содержания лечебного дела на местные средства, при дефиците бюджета здравоохранения «хромало на одну ногу, не было той устойчивости, которая была необходима для направления дела по правильному руслу»⁵². В основном они были связаны с сохраняющей свою остроту проблемой недостаточного числа кадров, что отражалось на санитарном обслуживании детских учреждений и школ. Несмотря на это в республике продолжала расширяться общая сеть лечебных заведений. Для детей появлялись больницы, ясли, консультации, первые молочная кухня и детская комната⁵³.

Возрастали требования к детям, «строителям лучшей жизни, прежде своей», их состоянию здоровья⁵⁴. Наркомат здравоохранения с апреля 1924 г. приступает к проведению обследования в Уфе и некоторых кантонах состояния здоровья рабочих подростков при участии врачей. Работа началась с некоторым опозданием и потому не дала особо ощутимых результатов. Организованный областной совет при Оздравдете Наркомата из представителей местных органов и общественных организаций регулярно ставил на обсуждение актуальные вопросы постановки санитарного дела в школах, охраны детского здоровья, материнства и младенчества. На объединенных совещаниях работавшими в детских учреждениях врачами и специалистами рассматривались вопросы по борьбе с малярией, дифтерией, особенно в детских домах, разрабатывались необходимые меры. В итоге в этих учреждениях среди детей стала проводиться вакцинация от заболеваний дифтерией, холерой⁵⁵. В то же время выявлялись нарушения в выполнении указаний Оздравде-

та. Так, в отчете врача А.Г. Добромирской по итогам проведенного летом 1925 г. обследования детского городка имени Октябрьской революции в Уфе сообщалось об антисанитарных условиях содержания детей, наличии среди них больных с кожными и глазными заболеваниями, «чесоткой, лишаем, нейродермитами, малярией, ... слабыми легкими, анемией ввиду недостаточного и слабого питания», в городке не проводились медицинские осмотры и не делались необходимые прививки⁵⁶.

С середины 1920-х гг. в республике в постановке и решении важной задачи охраны детства ситуация начинает меняться. На государственном уровне принимаются меры по оказанию неотложной медицинской помощи и укреплению здоровья населения, поддержке материнства и младенчества. За их выполнение ответственность возлагалась на Оздравдет и Наркомат здравоохранения. В ведении отдела в Уфе имелись 7 детских учреждений на 100 коек, такие как ясли, дома матери и ребенка, грудного ребенка, консультации для беременных и грудных детей, что, безусловно, для столицы региона было недостаточным. Не лучшей была ситуация в кантонах, где имелось всего 9 учреждений, обслуживающих нужды детей и матерей⁵⁷. Это было связано с дефицитом республиканского бюджета, не позволявшего направить работу в нужном направлении для организации и развития сети учреждений, требовались специально подготовленные кадры. Если в Уфе удавалось организовать подготовку медицинского персонала и сотрудников для обслуживания детских учреждений, то иной была ситуация в кантонных городах, тем более в кантонах, особенно отдаленных. Ощущался прежде всего недостаток врачей специалистов, работников по уходу за детьми, за грудным ребенком и матерью. Этот «пробел», как отмечалось Наркоматом, не позволял в должной мере проводить работу по оказанию необходимой лечебной и санитарно-профилактической помощи.

В этот период одной из первоочередных задач, поставленных перед Наркоматом и органами здравоохранения, стало расширение и углубление на селе лечебного дела, важного направления профилактической медицины в

регионе среди всех категорий населения, в том числе детей⁵⁸. Наблюдается определенная стабилизация в демографических процессах. Стала повышаться рождаемость, что вело к увеличению общей численности населения республики, а это, в свою очередь, в некоторой мере компенсировало людские потери в годы войн, революций, голода и его последствий. За период с 1923 г. по 1926 г. прирост населения составил 13,5%, на что оказало значительное влияние заметное повышение показателей рождаемости и снижения смертности. Материалы проводившихся Всесоюзных переписей населения и данные официальной статистики свидетельствовали о заметных изменениях темпов естественного прироста населения в регионе. В 1924 г. коэффициент рождаемости составил на 1000 человек населения 49,0‰, в 1925 г. – 50,5 а в 1926 г. был зафиксирован небывало высокий уровень рождений – 51,3. Последовавшее снижение этого показателя свидетельствовало о противоречивости течения демографических процессов в регионе. В 1927 г. он уже составил 45,3 и на уровне 44-45‰ сохранялся до конца десятилетия. Имело место некоторое улучшение показателей младенческой смертности. В 1925 г. на каждых родившихся живыми 100 детей смертность составляла 22,3, в 1926 г. – уже 19,2‰⁵⁹. В то же время в регионе в области охраны детского здоровья были трудности и нерешенные проблемы. Помимо довольно высоких показателей детской смертности имелось большое число «слабых, рахитичных, малокровных и неприспособленных к жизни» детей⁶⁰.

В эти годы органы здравоохранения республики проводили значительную работу по оказанию необходимой лечебной помощи не только матери и ребенку, но также снижению показателей младенческой и общей детской смертности, несмотря на скудность финансовых возможностей. Численность действовавших в республике учреждений общей сети Охматмлада, таких как дома ребенка, матери и ребенка, консультации, молочные кухни и пр., к концу 1920-х гг. увеличилась⁶¹. Но для республики этого было явно недостаточно, что сказывалось на своевременности выполнения поставленных задач. В соответствии с поступавшими из цен-

тральных инстанций указаниями в республике местными органами проводились с привлечением общественных организаций массовые кампании помощи больному и беспризорному ребенку в виде дней, трехдневников, пятидневников, недель, месячников, декадников начиная с 1919 г., которые, по мнению организаторов, выступают «борьбой за жизнь и здоровье детей»⁶². В циркуляре Наркомата здравоохранения перед медработниками обычно ставились задачи, заключавшиеся в следующем: «использовать весь медперсонал подведомственных учреждений, проводя через них сбор в пользу детей-сирот, ... особое внимание обратить на проведение санитарного обследования детучреждений, также на работу по обследованию состояния здоровья детей, находящихся в них»⁶³. В республике эти кампании организовывались регулярно. Однако не всегда обозначенные цели достигались, ввиду чего вновь объявлялось их проведение до получения «ожидаемого результата»⁶⁴. Все это показывало недостаточность внимания к их организации, прежде всего со стороны местных органов, медицинских учреждений и самого Наркомата, в основном по причинам финансового характера.

Таким образом, в рассматриваемый период охрана и укрепление здоровья детей оставались в числе первостепенных задач, которым на государственном уровне придавалось важное значение. В Башкирии органами власти, Народным комиссариатом здравоохранения и его структурами при поддержке центральных органов, ведомств и учреждений в их решении проводилась разноплановая работа, прежде всего санитарно-эпидемиологическая и профилактическая. К концу 1920-х гг. в республике удалось достичь общей стабилизации и заметного снижения инфекционной заболеваемости детей, населения тифом, оспой, дифтерией и пр. В то же время нужно отметить, что поставленные задачи по охране здоровья детей и их решение зачастую отодвигались на второй план ввиду важности других, не всегда выполнялись своевременно и эффективно, на что серьезное влияние оказывали объективные и субъективные факторы, прежде всего голод 1921-1922 гг. и его последствия – эпидемии, охватившие край и

приведшие к серьезным изменениям в демографических процессах. Для должной постановки и принятия мер по охране детского здоровья у автономной республики не имелось достаточных финансовых ресурсов, кадров и необходимого опыта, тормозящим фактором являлись также проведение постоянной реорганизации в здравоохранении, смена структур, отвечавших за охрану и укрепление здоровья детей. Несмотря на выпавшие испытания, трудности и упущения в решении важной социальной задачи в Башкирии в рассматриваемый период, невозможно не признать проведения большой работы по защите детства, оказанию лечебной и профилактической помощи детям органами здравоохранения, местными органами при поддержке центральных ведомств и учреждений в сложных условиях, связанных с голодом и его последствиями – остроинфекционными заболеваниями, что оказывало негативное влияние прежде всего на состояние здоровья и положение самой незащищенной категории населения – детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917-1940 гг.). М.: ЦИУВ, 1954. 430 с.; Мананникова Н.В. Охрана здоровья детей в СССР. М.: Медицина, 1973. 280 с.; Смирнова Т.М. Дети страны Советов. От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.; Мирошниченко М.И. Женщины Урала в 1920-1935 гг. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. 269 с.; Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Российские дети в конце XIX - начале XX в.: Историко-демографические очерки. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2018. 223 с.
- ² История Башкортостана. 1917-1990-е годы: в 2-х т. Т. 2. Уфа: Гилем, 2005. С. 254-256; Башкиры в Башкортостане: Исторические очерки. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 271-276.
- ³ История развития здравоохранения и медицинской науки в Башкирской АССР (1917-1980 гг.). Уфа: Башкиргоиздат, 1981. С. 11-23.
- ⁴ Чекисты Башкирии. Очерки, статьи, воспоминания. Уфа: Башкиргоиздат, 1967. 192 с.; Скачилов В.А. Люди подвига и долга. Уфа: Башкиргоиздат, 1973. 273 с.
- ⁵ Василевские Л.А. и Л.М. Голодание. Популярный медико-санитарный очерк. Уфа: Изд. Уфимско-

- го губполитпросвета, 1922. 46 с.; *Василевский Л.М.* Жуткая летопись голода. (Самоубийства и антропофагия). Уфа: Изд. Уфимского губполитпросвета, 1922. 25 с.
- ⁶ *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. С. 113.
 - ⁷ Итоги борьбы с голодом в 1921-1922 гг. М.: ЦК Помгол, 1922. С. 6.
 - ⁸ История Башкортостана. 1917-1990-е годы: в 2-х т. Т. 2. С. 254, 255.
 - ⁹ *Адигамов А.* В голодной Башкирии // Жизнь и национальности. 1921. 17 октября. С. 2.
 - ¹⁰ Бюллетень Наркомпроса. 1921. № 24. С. 6.
 - ¹¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 107. Оп. 1. Д. 82. Л. 150 об.
 - ¹² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 69.
 - ¹³ Детская беспризорность на Южном Урале в 1920-е годы. Сборник документов и материалов. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2013. С. 28.
 - ¹⁴ Доклад III-му Всебашкирскому съезду Советов о деятельности Башкирского Центрального Исполнительного Комитета за время со II-го до III-го съезда Советов. (Июль 1921 года - декабрь 1922 года). Уфа: Октябрьский натиск, 1923. С. 2.
 - ¹⁵ Медицина в Башкирии. (Краткий очерк деятельности Башнаркомздрава в пределах Малой Башкирии за время 1918-1922 гг.). Уфа: Изд. БНКЗдрава, 1923. С. 14, 15.
 - ¹⁶ *Скачилов В.А.* Люди подвига и долга. С. 219, 220.
 - ¹⁷ *Самцов В.* Дом, который дорог многим // Вечерняя Уфа. 1996. 18 июля. С. 3.
 - ¹⁸ Отчет о деятельности Народного Комиссариата здравоохранения Башреспублики за время с июля 1921 г. по 1-е ноября 1922 года. Уфа: Октябрьский натиск, 1922. С. 1.
 - ¹⁹ НА РБ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 230. Л. 239.
 - ²⁰ Медицина в Башкирии. С. 12, 22.
 - ²¹ Там же. С. 23.
 - ²² Там же. С. 17.
 - ²³ *Маневич.* Обзор деятельности здравоохранения 1919-20 г. // Уфимский Октябрьский сборник. Уфа, 1920. № 2. С. 13, 14.
 - ²⁴ Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1971. Т. V. С. 56-60, 277-278.
 - ²⁵ Чекисты Башкирии. С. 31.
 - ²⁶ Забота о детях // Известия Уфимского губкома РКП (б) и губисполкома. 1921. 26 мая. С. 2.
 - ²⁷ Чекисты Башкирии. С. 30.
 - ²⁸ Там же. С. 31, 32.
 - ²⁹ Женщины Башкирии. Уфа: Башкнигоиздат, 1968. С. 43, 47.
 - ³⁰ *Кишинский Ф.* Забота о детях // Уфимский Октябрьский сборник. Уфа, 1920. № 2. С. 70.
 - ³¹ 3-й Всебашкирский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 12-16 декабря 1922 г. Уфа: Октябрьский натиск, 1923. С. 23.
 - ³² *Кишинский Ф.* Забота о детях. С. 71.
 - ³³ *Маневич.* Обзор деятельности здравоохранения 1919-20 г. С. 14.
 - ³⁴ Детская беспризорность на Южном Урале в 1920-е годы. С. 158, 159.
 - ³⁵ Медицина в Башкирии. С. 24.
 - ³⁶ Отчет о деятельности Народного Комиссариата здравоохранения Башреспублики за время с июля 1921 г. по 1-е ноября 1922 года. С. 1.
 - ³⁷ Медицина в Башкирии. С. 29.
 - ³⁸ Доклад III-му Всебашкирскому съезду Советов о деятельности Башкирского Центрального Исполнительного Комитета за время со II-го до III-го съезда Советов. (Июль 1921 года - декабрь 1922 года). С. 10.
 - ³⁹ *Василевские Л.А. и Л.М.* Голодание. С. 14.
 - ⁴⁰ Там же. С. 15.
 - ⁴¹ Медицина в Башкирии. С. 24.
 - ⁴² НА РБ. Ф. 933. Оп. 1. Д. 132. Л. 81.
 - ⁴³ Там же. Ф. 444. Оп. 1. Д. 10. Л. 241.
 - ⁴⁴ Десять лет Советской Башкирии. 1919-1929 гг. Материалы к юбилейному съезду Советов. Уфа: Октябрьский натиск, 1929. С. 374.
 - ⁴⁵ *Кополович М.* Забота о детях // Власть труда. 1924. 6 января. С. 2.
 - ⁴⁶ НА РБ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 230. Л. 239-240.
 - ⁴⁷ Здравоохранение. К XV-летию Башкирской АССР. Уфа: Изд. Правительства БАССР, 1934. С. 59.
 - ⁴⁸ Отчет о деятельности Народного Комиссариата здравоохранения Башреспублики за время с 1-го октября 1923 г. по 1-е декабря 1924 г. Уфа: Октябрьский натиск, 1924. С. 66.
 - ⁴⁹ Там же. С. 67, 68.
 - ⁵⁰ *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов. С. 49.
 - ⁵¹ *Кишинский Ф.* Забота о детях. С. 71.
 - ⁵² Отчет о деятельности Народного Комиссариата здравоохранения Башреспублики за время с июля 1921 г. по 1-ое ноября 1922 года. С. 1.
 - ⁵³ Здравоохранение. К XV-летию Башкирской АССР. С. 59.
 - ⁵⁴ *Халфин.* Наши дети // Известия БЦИК и Башобкома РКП(б). 1921. 13 августа. С. 2.
 - ⁵⁵ Отчет о деятельности Народного Комиссариата здравоохранения Башреспублики за время с 1-го октября 1923 г. по 1-е декабря 1924 г. С. 69.
 - ⁵⁶ НА РБ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 346. Л. 143-144.
 - ⁵⁷ Отчет о деятельности Народного Комиссариата здравоохранения Башреспублики за время с 1-го октября 1923 г. по 1-е декабря 1924 г. С. 70.

⁵⁸ Там же. С. 71.

⁵⁹ Десять лет Советской Башкирии. С. 374, 375.

⁶⁰ За жизнь и здоровье детей // Красная Башкирия. 1926. 20 февраля. С. 3.

⁶¹ Десять лет Советской Башкирии. С. 375.

⁶² За жизнь и здоровье детей // Красная Башкирия. 1926. 20 февраля. С. 3.

⁶³ Детская беспризорность на Южном Урале в 1920-е годы. С. 186, 187.

⁶⁴ НА РБ. Ф. 394. Оп. 5. Д. 16. Л. 218.

CHILDREN'S HEALTH PROTECTION IN BASHKIRIA IN THE 1920s: IN SEARCH OF WAYS TO SOLVE THE PROBLEM

© 2022 R.N. Suleimanova

Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre RAS, Ufa

The article is devoted to the consequences of the disaster that befell Bashkiria: the famine of 1921-1922, the developed epidemics and mass diseases that negatively affected the demographic situation in the region, the health of residents, especially children. Demographic indicators, including birth and death rates, have deteriorated significantly, and the rate of reproduction has declined. The author examines the formation of the health authorities in the Bashkir ASSR in the 1920s on the basis of archival documents and published sources. She analyzes the activities of local governments with the assistance of central authorities and departments to take the necessary measures to support the population in emergency situations of famine and epidemics, and the organize medical care for the population. Particular attention is paid to the organization of medical care for children, especially orphans, and the influence of objective and subjective factors on the promotion of social help. Particular attention is paid to the organization of medical care for children, especially orphans, the influence of objective and subjective factors on the provision of social assistance. The author reveals difficulties and omissions that influenced the solution of a social problem of national importance.

Keywords: famine of 1921-1922, epidemics, mass diseases, Bashkiria, demographic processes, health care, children, measures, social assistance.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-13-23

УДК 94(47).084.8

РУКОВОДСТВО ВОЗРОЖДЕНИЕМ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЛЕНИНГРАДА В ГОДЫ БЛОКАДЫ: МЕРОПРИЯТИЯ, МЕТОДЫ, КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

© 2022 А.А. Амосова

Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда,
Институт истории обороны и блокады Ленинграда, г. Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, г. Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 07.08.2022

В исследовании представлен анализ значимых мероприятий Ленгорсовета и его исполнительного комитета по возрождению жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда в годы блокады. В работе выявлены аспекты трансформации базовых подходов к управлению городом в условиях экстремальной военной обстановки. В фокусе внимания находятся факторы, оказавшие влияние на развитие ленинградской культурной идентичности в среде советских руководящих работников - выдвиженцев, вошедших в «команду Жданова» с конца 1930-х годов. Методология исследования включает применение конкретно-исторического, проблемно-хронологического методов, метода исторической реконструкции, а также эмпирического подхода. Источниковой базой работы выступают опубликованные и неопубликованные материалы, освещающие деятельность ленинградского советского и партийного актива в годы войны и блокады.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, восстановление жилищно-коммунального хозяйства, исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, культурная идентичность, П.С. Попков, А.А. Кузнецов, Н.В. Баранов, Н.А. Манаков.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-24-32

В исследовании предпринят анализ ключевых вопросов руководства восстановлением ленинградского жилищно-коммунального хозяйства в рамках деятельности Ленгорсовета и его Исполнительного комитета в годы блокады. В фокусе внимания находятся значимые мероприятия, аспекты трансформации методов управления в экстремальных военных условиях и факторы, оказавшие влияние на развитие ленинградской культурной идентичности в среде советских руководящих работников - выдвиженцев, преимущественно иногородних по проис-

хождению, вошедших в «команду Жданова» с конца 1930-х годов.

Изучение блокадной экономики и вопросов, связанных с деятельностью ленинградского городского хозяйства в годы войны имеет давнюю историю¹. В работах историков нового поколения проанализированы актуальные научные проблемы с точки зрения новых исторических источников². Блокадная тематика и на сегодняшний день сохраняет высокую научную востребованность³, что подтверждает факт организации в Санкт-Петербурге в 2021 г. научно-исследовательского Института обороны и блокады Ленинграда. Иностранные ученые уделяют значительное внимание исследованию вопросов политического, экономического и социального развития СССР⁴, в том числе в военный период⁵.

Культурная идентичность предполагает самоотождествление индивида с

Амосова Алиса Анатольевна, старший научный сотрудник Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, Институт истории обороны и блокады Ленинграда, Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета СПбГУ.

E-mail: amosova_aa@gmtobl.ru; a.amosova@spbu.ru

определенным историческим наследием, традициями, системой, территорией⁶. Деятельность, направленная на возрождение ленинградского городского хозяйства, рассматривается в качестве фактора развития ленинградской культурной идентичности в среде советского и партийного актива.

Тематика, связанная с развитием культурной идентичности, затрагивалась как отечественными⁷, так и зарубежными⁸ авторами, однако осмысление блокадного опыта в части его влияния на развитие идентичности руководящих кадров отдельному рассмотрению не подвергалась. Внимания заслуживают публикации методологического характера, рассматривающие социокультурные параметры феномена⁹.

В качестве ключевых инструментов исследования, наряду с конкретно-историческим, проблемно-хронологическим методами и методом исторической реконструкции, стал психоаналитический подход с применением интент-анализа текстов официальных докладов и воспоминаний советских руководящих кадров. В основу источниковой базы исследования положены опубликованные и неопубликованные материалы, освещающие деятельность ленинградского советского и партийного актива в годы войны и блокады.

17 октября 1937 г. в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК от «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» общий контроль за состоянием жилищного фонда был возложен на региональные органы советской власти¹⁰. 3 января 1940 г. на I сессии Ленгорсовета был избран исполнительный комитет, в состав которого вошли 23 человека. В структуре руководящего органа в тот период насчитывалось 55 отделов, управлений, трестов. Для решения хозяйственных социокультурных вопросов были образованы пять комиссий: бюджетная, жилищно-строительная, по городскому транспорту, по торговле, по школам. Одновременно был создан Общий отдел в целях административно-хозяйственного, консультативного

и технического руководства деятельностью комиссий. На сессии были избраны семь заместителей председателя: И.А. Андреев, Н.А. Манаков, Б.М. Мотылев, Е.Т. Федорова, Н.Н. Шеховцов, Е.С. Лагуткин, В.М. Решкин¹¹. Возглавил Ленгорисполком П.С. Попков. В качестве почетных членов в состав исполкома вошли глава Ленинградской партийной организации, А. А. Жданов, секретарь Ленинградского горкома, А. А. Кузнецов, командующий Ленинградским военным округом К. А. Мерецков, командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц¹².

К осени 1940 г. было реализовано распределение обязанностей между заместителями председателя Ленгорисполкома: «...Мотылев курировал вопросы топлива, жилищные и местную промышленность; ... Шеховцов – городское строительство, Решкин – городской транспорт и коммунальное хозяйство...»¹³. К началу войны в структурах Ленгорисполкома функционал, связанный с городским хозяйством, был закреплён за несколькими структурными подразделениями исполкома: Управлением жилищного хозяйства Ленгорисполкома (далее – Ленжилуправление)¹⁴, Управлением предприятиями коммунального обслуживания (далее – УПКО)¹⁵, находившимся в подчинении исполкома Ленгорсовета с 1940 г., Архитектурно-планировочным управлением (далее – АПУ)¹⁶, преобразованным из одноименного отдела 14 июня 1940 г., Управлением водопроводного и канализационного хозяйства «Водоканал»¹⁷, созданным 4 февраля 1939 г., и плановой комиссией (далее – Ленплан)¹⁸, организованной в январе 1932 г. В городе действовали районные исполнительные комитеты, которые контролировали исполнение распоряжений Ленгорисполкома на местах. Частичное пересечение функций управлений и комиссий неизбежно снижало эффективность решения важнейших вопросов в сфере жилищного хозяйства.

Среди номенклатурных работников конца 1930-х – начала 1940-х гг., которых сейчас называют «ленинградской группой», подавляющее большинство членов были вы-

ходцами из регионов, партократами, имевшими высшее образование, а также опыт низовой руководящей работы в советских или партийных структурах. Состав вновь избранного исполнительного комитета был вполне показательным в этом отношении. Исключением стал лишь В.М. Решкин (1899 г.р.) – уроженец Санкт-Петербурга, и отчасти Е.Т. Федорова (1901 г.р.), родившаяся в д. Керново Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии¹⁹. Фонозаписи официальных выступлений руководящих работников Ленгорисполкома свидетельствуют о присутствии в их речи региональных фонетических особенностей, в частности, таких как «оканье»²⁰. Выдвинутые на высокие должности в Ленинградском городском Совете, эти кадры были представителями поколения 1900-1910-х годов. К началу 1940-х годов их средний возраст не достигал и 40 лет. По своим управленческим качествам это были по-большевистски амбициозные, энергичные, но вместе с тем недостаточно подготовленные к решению масштабных задач военного времени функционеры.

Уже к концу 1941 г. положение дел в жилищно-коммунальной сфере блокированного Ленинграда могло быть охарактеризовано современным понятием «гуманитарная катастрофа». В зимних условиях были выведены из строя водопровод, канализация, отопление, возникли сложности с обеспечением населения питьевой водой. Перестали действовать бани и прачечные, возникла угроза развития эпидемий вследствие антисанитарных условий жизни горожан. С декабря 1941 г. прекратил функционирование общественный транспорт. Авианалеты противника повседневно приводили к гибели мирных жителей, наносили колоссальный ущерб жилищному фонду и архитектурному облику города на Неве. Общие потери жилой площади Ленинграда за годы войны составили более 20%, без учета крупных жилых массивов в наиболее пострадавших в результате авианалетов южных районах города (Автово, Московское шоссе и др.)²¹.

Специально разработанных служебных регламентов, связанных с руководством и восстановлением городского хозяйства в чрезвычайных военных условиях, заранее разработано не было, поэтому мероприятия внедрялись и апробировались исходя из текущей обстановки, а устоявшийся в довоенные годы режим деятельности Ленгорисполкома оказался нарушен. Тем не менее уже 2 июля 1941 г. в соответствии с директивой горкома ВКП(б) была создана комиссия для решения текущих хозяйственных вопросов (в обиходе называемая «городской четверкой»²²) с целью централизации хозяйственного управления Ленинградом и персонификации обязанностей. Комиссию возглавил П.С. Попков, в ее состав вошли заместители председателя В.М. Мотылев, Н.А. Манаков и заведующий торговым отделом И.А. Андреев.

Восстановление жилищно-коммунального хозяйства города на Неве началось еще в блокаду – с 1942 г.²³ Этот факт подтверждают нормативные и делопроизводственные документы, материалы личного происхождения²⁴. На заседании Ленгорисполкома от 7 января председатель Ленгорисполкома П.С. Попков выделил серию первоочередных задач в данной сфере: ремонт и ввод в эксплуатацию водопровода, канализации и отопления в жилых домах, приведение в исправное состояние дворовых уборных, пуск бань и прачечных²⁵. Как показывают источники, на данном этапе масштабных планов восстановления разработано не было. Приоритетность мероприятий была обоснована текущей необходимостью не допустить ухудшения тяжелой санитарно-эпидемической обстановки в городе.

Установленные сроки выполнения первых восстановительных мероприятий – до конца января 1942 г. – не были соблюдены в силу недооценки трудоемкости запланированных мероприятий, дефицита строительных материалов, нехватки квалифицированных кадров строителей. Несмотря на наличие объективных затруднений санкции за неисполнение нормативных документов были

по-военному суровыми: «...будем снимать с работы и отдавать под суд...»²⁶ С февраля 1942 г. были отмечены и первые достижения: ликвидация крупных аварий водопроводной и канализационной сетей. В марте 1942 г. в большинстве районов города была восстановлена подача электрического тока²⁷.

В начале весны 1942 г. на заседании Ленгорисполкома были утверждены основные принципы консервации недостроенных или поврежденных зданий. Они включали в себя установление технического наблюдения с внесением результатов в журнал наблюдения²⁸. Потенциально опасное строение надлежало разобрать, обрушить или укрепить, в зависимости от его состояния, предварительно отсоединив строение от систем коммуникации. Ответственность за выполнение мероприятий была возложена на предприятия и учреждения, которым принадлежали здания и жилищные управления при районных исполкомах. Общий контроль осуществлялся городской аварийной службой. Выработка новых методов решения хозяйственных задач в блокадных условиях заставляла отказаться от многих формальностей в работе, повысить эффективность проводимых мероприятий, а также существенно сократить затраты на восстановление жилых зданий после снятия блокады.

Одной из проблем городского хозяйства в годы войны стало обеспечение предприятий, жилых домов и объектов социальной инфраструктуры топливом. Советским руководством рассматривались различные варианты, в том числе, связанные с вырубкой деревьев внутри городской черты. При консультационной поддержке АПУ было найдено более практичное и рациональное решение: с начала 1942 г. началась реализация комплекса мероприятий по сносу не представлявших ценности для архитектурного облика Ленинграда деревянных строений в северных, восточных и южных районах города. Контроль за выполнением настоящего решения был возложен на заместителя председателя исполкома Ленгорсовета Б.М. Мотылева²⁹.

В марте - апреле была реализована весенняя очистка дворов и улиц Ленинграда, представлявших эпидемическую угрозу санитарно-гигиеническому благополучию города. К 16 апреля, по данным Ленгорисполкома, в городе было очищено свыше 75% всех дворов³⁰. Работы были в целом завершены к 25 апреля. Гордость за первые блокадные свершения отразилась в нормативно-правовых актах: «Трудящиеся города проделали большую работу по наведению в городе чистоты и порядка, проявив при этом должную организованность, дисциплину, высокий патриотизм и любовь к своему родному городу»³¹.

11 апреля 1942 г. в Ленгорисполкоме было утверждено решение о возобновлении пассажирского трамвайного движения в составе пяти маршрутов³². Несмотря на то, что блокадный трамвай полностью не обеспечивал транспортные нужды горожан, он, однако, стал одним из символов возрождения Ленинграда.

Перестройка системы управления жилищно-коммунальным хозяйством Ленинграда в экстремальных условиях состоялась не сразу, адаптация советского аппарата к новым реалиям заняла период длительностью более полугода (вплоть до весны - лета 1942 г.). Об этом свидетельствуют стенограммы заседаний Ленгорисполкома за указанный период и свойственные обсуждения: острая полемика, критика и самокритика, эмоциональная риторика³³.

Причинами сложившегося положения являлись: высокая трудоемкость работ, а в ряде случаев и недостаточная компетентность и требовательность отдельных ответственных работников на местах. 20 апреля 1942 г. «как обанкротившийся и не сумевший преодолеть хозяйственных трудностей, вызванных войной и блокадой»³⁴ был снят с занимаемого поста глава Ленжилуправления М.А. Ханутин. Своей должности лишился и начальник Управления водопроводно-канализационного хозяйства М.И. Зиновьев.

Ремонтно-восстановительные мероприятия водопроводной и канализационной

сетей не были полностью реализованы ни в 1942 г., ни в 1943 г. Указанная проблема не могла быть полностью решена в блокадных условиях, так как Ленинград продолжал повседневно подвергаться разрушительным авианалетам противника. Однако следует отметить возросшие темпы работ. Ленгорисполкомом был организован конкурс на изыскание новых строительных материалов, а также их заменителей³⁵. К 10 октября 1942 г. в целом по городу водопровод был пущен в 95% общего количества зданий³⁶.

По предложению главного архитектора Ленинграда Н.В. Баранова весной 1942 г. началось воссоздание проектного института «Ленпроект», вошедшего в состав АПУ в качестве подразделения. За каждой мастерской института были закреплены функции по разработке проектов реконструкции отдельных районов Ленинграда³⁷. Таким образом, в годы блокады началась разработка базовых принципов нового Генерального плана развития Ленинграда, хотя его обсуждение³⁸ и утверждение продолжались вплоть до 1947 г.

Подготовка городского хозяйства ко второй блокадной зиме, с учетом трагического опыта зимы 1941/1942, в Ленгорисполкоме началась заранее – с июня 1942 г. Планы включали организацию восстановительных работ в жилом секторе, ремонт городского транспорта, бань, прачечных, школ, больниц³⁹. На начальников управлений, заведующих отделами и районные исполкомы были возложены обязанности по организации подготовки квалифицированных строительных кадров, по проведению социалистических соревнований за лучшую безаварийную эксплуатацию жилого фонда. Работы по восстановлению водопровода и канализации предполагалось завершить к 1 января 1943 г., а предельный срок ликвидации аварий в домах не должен был превышать 5 дней.

В январе 1943 г. было реализовано утверждение плана восстановления городского хозяйства на I квартал. С обоснованием его ключевых положений на заседании исполкома выступал Н.А. Манаков. В спектр приоритетов вошли: обеспечение безава-

рийной эксплуатации жилищного хозяйства, повышение качества бытового обслуживания горожан⁴⁰. В условиях нехватки ресурсов предполагалось расширять производство строительных материалов, осуществлять подготовку новых кадров строителей, внедрять методы бригадного ученичества.

После прорыва блокады Ленинграда 18 января 1943 г. круг вопросов, рассматриваемых в рамках деятельности Ленгорисполкома, заметно расширился. О стабилизации служебной деятельности свидетельствуют обращения к решению вопросов контроля и даже расширения полномочий Совета в сфере городского хозяйства. В I квартале была проведена проверка качества ремонтно-восстановительных работ, реализуемых в ведомственном жилье. Руководство заводов и предприятий, ответственное за их проведение, зачастую относилось недостаточно ответственно к своим обязанностям. Несмотря на то, что юридически они были подчинены союзным наркоматам, однако в вопросах жилищного хозяйства вынуждены были держать ответ и перед Ленгорисполкомом. В результате проведенных проверок было инициировано привлечение виновных в разрушении зданий к уголовной ответственности⁴¹. С марта 1943 г. деятельность управдомов, ведавших эксплуатацией отдельных домохозяйств, была взята под контроль Ленгорисполкома⁴².

План на II квартал 1943 г. предусматривал приведение в порядок городских территорий и проездов после сноса деревянных строений и после артобстрелов и воздушных бомбардировок⁴³. Всего за II квартал был реализован объем ремонтных работ на сумму 37,5 млн руб., а план в целом перевыполнен⁴⁴.

Одной из ключевых задач на III квартал 1943 г. стала подготовка жилого фонда к зиме: работы по восстановлению квартир, консервация домов, ремонт водопровода⁴⁵. С целью повышения производительности труда предполагалось внедрять скоростной метод проведения работ⁴⁶. Руководству рай-

онных исполкомов райсоветов поручалась организация сбора пригодных строительных материалов на местах разобранных и разрушенных домов.

В соответствии с постановлениями Ленгорисполкома и бюро Горкома ВКП(б) от 25 октября 1943 г. и Совнаркома СССР от 9 ноября 1943 г. «О восстановлении и развитии промышленности стройматериалов в Ленинграде» на городское руководство были возложены обязанности по восстановлению промышленности стройматериалов и созданию крупных строительных организаций в районах города⁴⁷. Ответственными были назначены: начальник Управления промышленности строительных материалов Л.А. Левин, начальник Ленжилуправления С.И. Исаков и зав. отделом местной промышленности Э.П. Бояр.

За годы блокады советами были успешно апробированы основные виды ремонта городского хозяйства в чрезвычайных условиях города-фронта: **аварийный ремонт** – оперативная ликвидация последствий артобстрелов; **текущий или плановый ремонт**, который подразумевал приведение в функциональное состояние жилых объектов и инфраструктуры, и **капитальный ремонт**, предполагавший полноценное восстановление объекта для длительной эксплуатации. Ключевые контролирующие обязанности были сосредоточены в руках городской аварийной комиссии, подотчетной Ленгорисполкому. В 1943 г. объем затрат на ремонтно-восстановительные работы составил 125 млн руб.⁴⁸

С 1944 г. в связи с полным освобождением Ленинграда от блокады в АПУ приступили к детальной разработке положений Генерального плана восстановления и развития города. Планировалось уменьшить плотность застройки в центральной части города, усовершенствовать сеть улиц с целью повышения эффективности работы городского транспорта⁴⁹. Здания старой архитектуры было решено восстанавливать полностью. В первую очередь капитальный ремонт планировалось производить в

домах, расположенных на главных улицах Ленинграда, с целью ускорить визуальное преобразование города. Предполагалось применять современные для того времени технологии: стандартные и типовые элементы (санитарные узлы, двери и т.д.), облегченные строительные конструкции⁵⁰.

На торжественном заседании в честь вручения городу Ордена Ленина в 1945 г. новый партийный глава Ленинграда А.А. Кузнецов призвал: «Приложим все наши силы, ...чтобы сделать Ленинград еще величественнее и краше»⁵¹. В этих словах оказалась отражена не столько служебная миссия, сколько любовь к городу-герою, выстоявшему под натиском врага в самые тяжелые месяцы Ленинградской эпопеи, и гордость за собственный вклад в эту работу.

За годы войны кадровый состав Ленсовета понес значительные потери: к апрелю 1944 г. в Ленинграде осталось лишь 33% депутатов из более чем тысячи членов довоенного состава⁵². Вызовы, с которыми столкнулись работники Ленгорисполкома, не имели прямых аналогов в практическом опыте их деятельности в мирное время. Исходя из положения на фронте и в тылу трансформировались и актуализировались подходы к организационной работе. Утверждение хозяйственных решений с июля 1941 г. было закреплено за городской комиссией, что способствовало установлению персональной ответственности советских работников за порученный участок работы. Необходимость оперативно решать задачи военного времени побуждала к поиску и внедрению нестандартных решений, развитию служебной инициативы: «... осуществлялся переход от более простых к более сложным формам экономии, требовавшим подлинно творческих поисков и неутомимого труда»⁵³.

Несмотря на то, что ленинградское руководство не находилось в «административном вакууме», продолжая взаимодействие с Центром, исследуемый период стал школой, сделавшей из них эффективных управленцев и сформировавшей навыки принятия сложных решений в условиях ограниченных ресурсов,

людских и строительных, в сжатые сроки. Закономерно, что с кратно возросшей ответственностью справлялись не все, что позволяло делать оргвыводы об их профнепригодности. Знаковая ротация кадров в структурах Ленгорисполкома произошла весной 1942 г.

Восстановление ленинградского городского хозяйства от разрушений еще в годы осады стало фактором, способствовавшим укреплению и развитию ленинградской идентичности и формированию глубокой ментальной связи с городом не только в среде горожан, но и в составе городского руководства, коммунистов, некоренных жителей Ленинграда. Одним из ключевых группообразующих признаков процесса стал совместный опыт руководящей работы в чрезвычайных условиях, способствовавший профессиональному росту молодых сотрудников, выполнявших служебные обязанности в условиях высокого эмоционального и физического напряжения. С осени 1941 г. большинство представителей ленинградского руководства перешло на казарменное положение, что было обусловлено тяжелой военной ситуацией на фронте, потребовавшей внедрения ненормированного служебного графика работы⁵⁴. Перемены произошли и на мировоззренческом уровне, что привело к осознанию промышленной значимости и культурной уникальности Ленинграда. Росла и крепла эмоциональная связь вчерашних партократов с Ленинградом вплоть до его одушевления: «Ленинград был ненавистен немцам как олицетворение русской советской культуры, как живое свидетельство несокрушимости духа русского народа...»⁵⁵. Этому способствовала сопричастность к трагическому эпизоду истории города трех революций: «...чем больше приходилось «лечить» пострадавший город, тем сильнее я ощущал, как он становится моим близким другом...»⁵⁶. Пережитая гуманитарная катастрофа города, а затем и его победное возрождение, реализованное при участии «команды Жданова», позволили ее представителям стать полноправными ленинградцами по духу. «Ленинградское дело», сфа-

брированное в их отношении в конце 1940-х – начале 1950-х годов, стало свидетельством масштаба влияния феномена ленинградской культурной идентичности на государственную политику в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карасев А.В. Ленинградцы в годы блокады. 1941-1943. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 315 с.; Кутузов В.А. Возрождение земли ленинградской: коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1985. 244 с.; Денискевич А.Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. Л.: Нестор, 1995. 132 с.; Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде / Г.Л. Соболев. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. 694 с.

² Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: В 2-х кн. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2004. Кн. 1. 446 с.; Пянкевич В.Л. Люди жили слухами: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014. 478 с.; Зотова А.В. Экономика блокады. СПб.: Остров, 2016. 320 с.; Болдовский К.А. Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 70-82.

³ Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда / Г.Л. Соболев, М.В. Ходяков // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 294-323. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.201>

⁴ Parrish M. The lesser terror: Soviet state security, 1939-1953. Westport: Prager, 1996, 456 pp.

⁵ Salisbury H.E. The 900 Days: The Siege of Leningrad. New York: Harper & Row, 1969, 635 pp.; Hass J. K. Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941-1944. New York: Oxford University Press, 2021, 435 p.

⁶ Мамузкина Е.П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. Вып. 2. С. 65-66.

⁷ Рабжаева М.В., Семенов В.Е. Какая идентичность у жителей Санкт-Петербурга? // Социология культуры. 2003. С. 82-89.

⁸ Brandenberger D. Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism. Russian Review, 2004, no. 2, p. 241-255.

- ⁹ Матузкова Е.П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. Вып. 2. С. 62-68; Иванова О.Л. Образ территории. Знаки идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 54-64.
- ¹⁰ О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах: Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР // Под знаменем Ленина. 1937. 22 октября. № 242. С. 1-2.
- ¹¹ Введение // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения ноябрь 1941-декабрь 1942 г.: Сборник документов. СПб., 2017. С. 7.
- ¹² Ежов М.В. Ленсовет в начальный период Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского университета. 1981. № 20. С. 72.
- ¹³ Личные и анкетные листы, характеристики и автобиографии на депутатов Ленгорсовета по Петроградскому району, буквы А-К, часть 1 // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 10. Д. 69. Л. 71.
- ¹⁴ В годы войны до 20 апреля 1942 г. во главе Ленжилуправления находился М. А. Ханутин. В апреле - сентябре 1942 г., а также в январе 1944 - июне 1945 г. должность главы Ленжилуправления занимал Б.М. Мотылев. С сентября 1942 г. - С.И. Исаков.
- ¹⁵ Главой УПКО в годы блокады был А.Д. Карпушенко.
- ¹⁶ С 1938 по 1950 г. главным архитектором Ленинграда и главой АПУ был Н.В. Баранов.
- ¹⁷ Управление «Водоканал» до апреля 1942 г. возглавлял М.И. Зиновьев. В апреле 1942 - феврале 1943 гг. начальником управления был В.М. Решкин. Его преемниками стали А.И. Перегуд, а затем (с 1943 по 1961 г.) - Ф.М. Ноев.
- ¹⁸ Главой Ленплана в годы блокады был Н.А. Манаков.
- ¹⁹ Не удалось достоверно установить место рождения Михаила Абрамовича Ханутина, 1907 г. р., главы Ленжилуправления.
- ²⁰ Попков П.С. Речь на похоронах А.А. Жданова // Российский государственный архив фонодокументов. Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 107 (2); Лазутин П.Г. Выступление на митинге, посвященном 800-летию Москвы // Российский государственный архив фонодокументов. Ф.1. Оп. 1. Ед. хр. 81(5).
- ²¹ Попков П.С. Докладная записка о жилищных мероприятиях в городе Ленинграде. 29.01.1944 // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2 в. Д. 6687. Л. 204.
- ²² По аналогии с «большой пятеркой» - комиссией по вопросам обороны Ленинграда, созданной 1 июля 1942 г.
- ²³ Курузов В.А. Когда же началось восстановление Ленинграда // Мавродинские чтения: Материалы к докладом 10-12 октября 1994 г. СПб., 1994. С. 226.
- ²⁴ На заседании исполкома Ленгорсовета // Ленинградская правда. 1942. 8 янв.; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 69. Л. 71; Баранов Н.В. Архитектурно-строительные задачи восстановления Ленинграда // Архитектура Ленинграда. 1944. № 1-2. С. 3.
- ²⁵ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения ноябрь 1941-декабрь 1942 гг.: Сборник документов. СПб., 2017. С. 40.
- ²⁶ Запись обсуждения. 12 марта 1942 г. // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения ноябрь 1941-декабрь 1942 г.: Сборник документов. СПб., 2017. С. 72.
- ²⁷ Баранов Н.В. Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. С. 80.
- ²⁸ Решение Ленгорисполкома 12 марта 1942 г. // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения ноябрь 1941-декабрь 1942 г.: Сборник документов. СПб., 2017. С. 84.
- ²⁹ Решение Ленгорисполкома. 6 августа 1942 г. // Стенограммы заседаний исполкома ... ноябрь 1941-декабрь 1942 г. С. 263.
- ³⁰ Манаков Н.А. В кольце блокады: хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л.: Лениздат, 1961. С. 145.
- ³¹ Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941-1942 / Сост. Е. Прудинский, К. Кудрин, С. Виленский. Л., 1942. С. 169.
- ³² Блокадные дневники и документы / Сост. С.К. Бернев, С.В. Чернов. СПб.: Европейский Дом, 2007. (Серия: «Архив Большого Дома»). С. 377.
- ³³ Запись обсуждения. 26 января 1942 г. // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения ноябрь 1941-декабрь 1942 г.: Сборник документов. СПб., 2017. С. 92.
- ³⁴ Решение Ленгорисполкома об итогах работы в I квартале и плане развития городского хозяйства на II квартал 1942 г. // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения ноябрь 1941-декабрь 1942 гг.: Сборник документов. СПб., 2017. С. 117.
- ³⁵ Из решения исполкома Ленгорсовета // Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся-

- ся. 1942. № 11–12. 30 июня. С. 13.
- ³⁶ Документы А.А. Жданова за 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 69. Л. 72.
- ³⁷ Баранов Н.В. Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. С. 85.
- ³⁸ Стенограмма доклада главного архитектора Баранова Н.В. на тему: «План развития и восстановления г. Ленинграда» // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 26. Д. 57. Л. 1–32.
- ³⁹ Решение Ленгорисполкома. 4 июня 1942 г. // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения ноябрь 1941–декабрь 1942 гг.: Сборник документов. СПб., 2017. С. 191.
- ⁴⁰ Решение Ленгорисполкома. 7 января 1943 г. // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 гг. С. 30.
- ⁴¹ Решение Ленгорисполкома. 25 января 1943 г. // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. С. 60.
- ⁴² Запись обсуждения. 4 марта 1943 г. // Там же. С. 99–112.
- ⁴³ Запись доклада Н.А. Манакова. 7 января 1943 г. // Там же. С. 21.
- ⁴⁴ Доклад и запись обсуждения. 27 июля 1943 г. // Там же. С. 302 – 303.
- ⁴⁵ Там же. С. 306.
- ⁴⁶ Опыт скоростного ремонта – всем домохозяйствам // Ленинградская правда. 1943. 1 июня. С. 4.
- ⁴⁷ Запись докладов и обсуждения вопроса о выполнении плана IV квартала по ремонту жилого фонда в Василеостровском и Петроградском районах. 2 декабря 1943 г. // Там же. С. 544.
- ⁴⁸ Документы А.А. Жданова за 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 69. Л. 71.
- ⁴⁹ Баранов Н.В. О плане восстановления Ленинграда: Из доклада главного архитектора Ленинграда Н.В. Баранова на расширенном заседании правления ССА с активом московских архитекторов 10-X-1944 г. // Архитектура Ленинграда. 1945. № 1. С. 3–4.
- ⁵⁰ Райлян В.Ф. Перевооружение строительства // Архитектура Ленинграда. 1944. № 1–2. С. 4.
- ⁵¹ Каменский В.А. Первоочередные задачи архитекторов Ленинграда // Архитектура Ленинграда. 1945. № 1. С. 1.
- ⁵² Подсчеты произведены по данным, приведенным в публикации: [Ежов, 1981. С. 72].
- ⁵³ Манakov Н.А. В кольце блокады: хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л.: Лениздат, 1961. С. 129 – 130.
- ⁵⁴ Баранов Н.В. Силуэты блокады. С. 41.
- ⁵⁵ Попков П.С. Год восстановления // Пропagанда и агитация. 1945 (январь). № 1. С. 11.
- ⁵⁶ Баранов Н.В. Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. С. 78.

THE URBAN ECONOMY OF LENINGRAD AND ITS RESTORATION MANAGEMENT DURING THE BLOCKADE: ACTIVITIES, METHODS, CULTURAL IDENTITY

© 2022 A.A. Amosova

The State Memorial Museum of Defense and Siege of Leningrad,
Institute of History of Defense and Siege of Leningrad, St. Petersburg, Russian Federation;
St. Petersburg State University, Institute of History, St. Petersburg, Russian Federation

The study presents an analysis of significant measures taken by the Leningrad City Council and its Executive committee to revive the housing and communal services of Leningrad during the years of the blockade. The author reveals aspects of the transformation of the main approaches to city management in an extreme wartime situation. Particular attention is paid to the factors that influenced the formation of the Leningrad cultural identity among the Soviet principal staff, the «Zhdanov team», that had been gathering since the late 1930s. The research methodology includes the use of concrete-historical, problem-chronological methods, the method of historical reconstruction, as well as the approach of studying emotions. The source base of the work includes published and unpublished materials covering the work of the Leningrad Soviet and Party activists during the war and blockade.

Keywords: the siege of Leningrad, restoration of housing and communal services, executive committee of the Leningrad city council of workers' deputies, cultural identity, P. S. Popkov, A.A. Kuznetsov, N.V. Baranov, N.A. Manakov.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-24-32

*Alisa Amosova, Senior Researcher, the State Memorial Museum of Defense and Siege of Leningrad, Institute of History of Defense and Siege, Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Institute of History, Department of Museology.
E-mail: amosova_aa@gmmobl.ru; a.amosova@spbu.ru*

РОЛЬ ГОСПЛАНОВ СССР И РСФСР В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВНАРХОЗНОЙ РЕФОРМЫ

© 2022 М.А. Симонов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург

Статья поступила в редакцию 17.08.2022

В статье рассматривается роль Госплана СССР и Госплана РСФСР в первые полгода реализации совнархозной реформы. В тексте проанализированы кадровые назначения Н.С. Хрущева в плановых ведомствах, а также показано влияние разгрома «антипартийной группы» на старт реформы. Описаны попытки Госплана СССР и Госплана РСФСР взять на себя инициативу в руководстве совнархозами на начальном этапе реформы. Также показано, что Госплан РСФСР быстро был оттеснен от этой работы. Анализ изменения нормативной базы реформы, а также дополнительных функций, которые передавались Госплану СССР, и итогов двух совещаний в центре с представителями совнархозов в июле и декабре 1957 г. показывает направление начавшейся эволюции территориальной системы управления.

Ключевые слова: СССР, РСФСР, Госплан, Совнархоз, Н.С. Хрущев, И.И. Кузьмин, Н.К. Байбаков.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-33-43

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-09-00061 «Несостоявшееся ускорение: стратегия и практика экономической политики “хрущевского десятилетия”».

Опыт осуществления на практике территориального, вместо отраслевого, принципа управления промышленностью и строительством в СССР в 1957-1965 гг., более известный как «совнархозная реформа», не имеет аналогов в истории ведущих стран новейшего времени. При этом ему посвящено сравнительно мало специальных исследований.

Наиболее многочисленный массив литературы был создан во время реформы для ее популяризации среди советских граждан¹. Отдельные попытки научного осмысления проблемы предпринимались после отставки Н.С. Хрущева. Советские историки акцентировали внимание на том, что негативные эффекты от деятельности совнархозов в последние годы их существования превысили позитивные импульсы на старте реформы². С момента распада СССР исследователи стали комплексно подходить

к истории реформы. Прежде всего была восстановлена логика трансформации системы управления промышленностью³, затем были выделены периоды децентрализации (с 1957 г. по 1959-1960 гг.) и централизации (с 1959-1960 гг. по 1965 г.) системы управления⁴, а также показана роль высших органов власти – Совета Министров СССР и ЦК КПСС⁵. Роль плановых органов в реализации реформы только начинает осмысляться в современной историографии и еще далеко не закончена⁶. В этой связи особого внимания заслуживает анализ работы Госплана СССР и республиканских госпланов, прежде всего Госплана РСФСР, в первые месяцы осуществления реформы, поскольку именно тогда закладывались основы новой системы управления экономикой.

Первые шаги в направлении передачи властных полномочий от центра к нижестоящим уровням управления предпринимались начиная с 1955 г.⁷ Непосредственно развернутый план перехода от отраслевого

*Симонов Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник.
E-mail: m.a.simonov1@yandex.ru*

к территориальному принципу управления экономикой был сформулирован Н.С. Хрущевым в записке, которую он направил в Президиум ЦК КПСС 27 января 1957 г. В ней он предложил создать на всей территории СССР советы народного хозяйства (совнархозы), которые должны были управлять всеми промышленными и строительными предприятиями в рамках своего административного района. Как писал Н.С. Хрущев, в результате ее реализации «союзные республики всем хозяйством будут управлять сами»⁸.

Из текста записки следовало, что перераспределение властных полномочий между центром и республиками вело за собой изменение роли центральных органов власти: Совет Министров СССР должен был координировать работу республиканских Советов Министров, Госэкономкомиссия СССР должна была контролировать межреспубликанские связи и поставки продукции, а Госплан СССР – составлять годовые и пятилетние планы на основе информации, предоставленной Советами Министров союзных республик и совнархозами.

В феврале 1957 г. вопрос о реформе был включен в повестку Пленума ЦК⁹. Его дальнейшее обсуждение привело к тому, что уже в марте проявились принципиальные разногласия между Н.С. Хрущевым и частью членов высшего руководства, которые играли видную роль еще при И.В. Сталине: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков и т. д.¹⁰ Поэтому начало реформы Н. С. Хрущев совместил с кадровыми перестановками, которые должны были обеспечить ее административную поддержку.

Верховный совет СССР 10 мая 1957 г. принял закон, согласно которому до 1 июля 1957 г. должны были быть упразднены 25 общесоюзных и союзно-республиканских министерств, а вместо них на территории страны создавались совнархозы¹¹. Они подчинялись республиканским Советам Министров, а те в свою очередь Совету Министров СССР.

Помимо ряда министерств была упразднена Госэкономкомиссия СССР, которую

возглавлял М.Г. Первухин. Своим карьерным продвижением на посты члена Президиума ЦК КПСС и Бюро Президиума СМ СССР он был обязан И.В. Сталину, а значит обладал большей автономностью в своих действиях. Помимо этого Н.С. Хрущев понизил Н.К. Байбакова, который также добился высоких постов при И. В. Сталине, сместив его с поста председателя Госплана СССР и назначив председателем Госплана РСФСР. На место Н.К. Байбакова он назначил И.И. Кузьмина, не обладавшего значительным опытом хозяйственной работы, но проявлявшего большую лояльность лично Н.С. Хрущеву¹².

Из текста закона следовало, что разработка текущих и перспективных народно-хозяйственных планов, планов материально-технического снабжения и контроль за осуществлением поставок возлагались на Госплан СССР по представлению совнархозов и госпланов союзных республик. Функции упраздненной Госэкономкомиссии СССР должны были осуществляться Госпланом СССР и Госпланами союзных республик в части снабжения продукцией, которая раньше распределялась через министерства¹³. Отсутствие четкого разделения полномочий между госпланами разного уровня создавало потенциал для возможных административных конфликтов в будущем.

Сразу после старта совнархозной реформы, 22 мая 1957 г., Н.С. Хрущев риторически усилил свой реформаторский курс, публично заявив о том, что «СССР берет на себя задачу догнать¹ их [США. – С. М.] по производству мяса, молока и масла на душу населения»¹⁴.

¹ Обращает на себя внимание, что в этой фразе Н.С. Хрущев говорит о том, что нужно только «догнать» США, но не «перегнать» их. Критерием успешности выступало производство продуктов питания, а не общий уровень экономического развития. Оригинал фразы принадлежит В.И. Ленину, который впервые употребил её в сентябре 1917 г. в работе «Грозная катастрофа и как с ней бороться»: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически». В последующем ее часто цитировал И.В. Сталин.

Принятие закона о начале совнархозной реформы и громкие публичные заявления стали последним шагом к политическому кризису в высшем руководстве, разразившемуся 18-29 июня 1957 г. В результате оппоненты Н.С. Хрущева потерпели поражение и были осуждены как «антипартийная группа», не поддерживающая начавшиеся в СССР изменения¹⁵.

Победа Н.С. Хрущева окончательно открыла путь для реформы. Всего на территории СССР в 1957 г. было образовано 105 совнархозов: «в РСФСР – 70, в УССР – 11, в Казахской ССР – 9, в Узбекской ССР – 4, в остальных 11 союзных республиках – по одному»¹⁶. Совокупно на предприятиях, подведомственных совнархозам, производился 71% промышленной продукции и было сосредоточено 80% производственных фондов страны¹⁷. Таким образом, совнархозы аккумулировали под своим руководством большую часть промышленного потенциала СССР. Остальное, по всей видимости, приходилось на предприятия оставшихся министерств или находившихся в системе ВПК. Наиболее важной республикой для реализации реформы была РСФСР, потому что на ее территории находилось две трети всех совнархозов.

Быстрая организация работы совнархозов внутри Российской Федерации позволила бы перенести этот опыт на весь СССР. Поэтому в Госплане РСФСР было созвано совещание представителей плановых комиссий совнархозов республики, которое прошло 5-6 июля 1957 г. с участием 163 человек. На повестку дня было вынесено два вопроса: «составление народно-хозяйственного плана на 1958 г. и повышение роли местных плановых органов в руководстве хозяйством»¹⁸.

С основным докладом на нем выступил председатель Госплана РСФСР Н.К. Байбаков. Он исходил из того, что план на 1958 г. должен был быть нацелен на «выполнение директив... по развитию отдельных отраслей производства»¹⁹, и большая часть его доклада была посвящена достижению и перевыполнению валовых показателей по от-

раслям. За 1958 г. в РСФСР намечалось довести выплавку чугуна до 18,5 млн. т, стали до 30,4 млн. т, проката до 23 млн. т, добычу нефти до 86 млн. т, а угля до 290 млн. т²⁰. Только говоря о машиностроении, ключевой отрасли советской экономики, Н.К. Байбаков обозначил задачи для отдельных совнархозов – развивать станкостроение в Московском, Ленинградском и Рязанском совнархозах. Ростовский, Владимирский и Алтайский должны были сконцентрироваться на производстве сельскохозяйственных машин, а Коломенский и Брянский – на изготовлении тепловозов²¹. Смещение отраслевого и территориального принципа в речи председателя Госплана РСФСР, по всей видимости, говорит о том, что в первые недели реформы у республиканского руководства не сложилось четкой картины развития экономики в новых условиях. В пользу этого предположения говорит то, что в своем выступлении Н.К. Байбаков стремился развивать установки Н.С. Хрущева и конкретизировать положения закона, принятого 10 мая 1957 г. Так, по его словам, Госплан РСФСР должен был планировать развитие народного хозяйства республики, а также «контролировать выполнение плана... и вмешиваться по вопросам, связанным с межрайонными поставками»²².

Представители плановых комиссий совнархозов РСФСР в своих выступлениях, наоборот, говорили не о перспективах развития страны, а о трудностях, с которыми они сталкивались при организации хозяйства в своих административных районах.

На начальном этапе реформы в аппаратах совнархозов крайне остро ощущался кадровый голод, поскольку в июле по всему СССР было принято на работу только 73% сотрудников от общей численности штатов²³. По закону, принятому 10 мая 1957 г., комплектование совнархозов кадрами находилось в ведении Советов Министров СССР и союзных республик, но по вопросам комплектования своих плановых комиссий совнархозы обращались в республиканские госпланы. Руководство Госплана РСФСР от-

носились к этим просьбам с раздражением. Об этом говорила реакция на слова Председателя Ленинградского облплана, который на встречах с плановыми работниками области обещал им добиться от республиканского Госплана выделения штатных ставок и комментировал это так, что «они, бедняги, ждут, надеются»²⁴. На что Н.К. Байбаков резко возражал: «а вам обещали? Это что, критика? ... мы будем пытаться решить этот вопрос»²⁵.

Не менее остро стоял вопрос о передаче совнархозам полного контроля над ситуацией в экономике своих районов, т. к. в ряде случаев предприятиями на местах руководили не совнархозы, а сбытовые организации, подчиненные Советам Министров СССР, РСФСР или Госплану СССР. В частности, начальник планово-производственного управления Московского городского совнархоза Матвеев сообщил, что «нефтебывт принял в свое подчинение завод “Нефтегаз” московского нефтемаслозавода»²⁶. Также затягивалась передача отдельных предприятий упраздненных министерств совнархозам. Например, в подвешенном состоянии оказалась судьба судостроительных предприятий в Архангельске²⁷. Тот же Матвеев использовал эти и ряд подобных ситуаций для нажима на республиканский Госплан: «Может быть, сам Госплан РСФСР находится в процессе становления... Я считаю, что от работы по передаче предприятий совнархозам Госплан РСФСР самоустранился»²⁸.

Формально заявленная тема, составление плана на 1958 г., на совещании почти не обсуждалась. В действительности и руководство Госплана РСФСР, и представители совнархозов говорили о проблемах реализации совнархозной реформы. При этом обсуждение нельзя назвать успешным, поскольку стороны плохо воспринимали аргументацию друг друга и отстаивали разные интересы в ходе реформы. Республиканский Госплан был заинтересован в быстром развитии экономики республики, а совнархозы стремились завершить процесс своего организационного оформления. Возможно,

это разногласие стало причиной того, что по итогам совещания не было принято каких-либо формальных документов.

Следующие три месяца, июль-сентябрь 1957 г., происходило накопление совнархозами опыта руководства административными районами и усиление их хозяйственной самостоятельности. Информация, собиравшаяся республиканскими госпланами и прежде всего Госпланом РСФСР, показывает, что совнархозы стремились концентрировать технологически близкие производства. Например, Красноярский совнархоз начал выпускать крепежные метизы только на механическом заводе, потому что их себестоимость там составляла 2 660 руб., а на заводе телевизоров - 7 630 руб.²⁹ Массовый характер приобрело строительство предприятий и отдельных цехов, продукция которых должна была удовлетворять местные запросы. Наоборот, отмена начатых до реформы строек была редким явлением. Только Брянский совнархоз поставил перед Госпланом РСФСР вопрос о прекращении строительства стеклотарного завода т. к. его производственную программу мог выполнить уже работавший Бытошевский стекольный завод³⁰. В дополнение к этому предприятия совнархозов активно обменивались между собой оборудованием, оптимизируя свои производственные фонды.

Обратной стороной хозяйственной самостоятельности стало то, что продукцию, которую совнархозы могли произвести своими силами в новых условиях, они отказывались завозить из других районов. В частности, смоленские руководители прямо заявляли: «Установившиеся связи предприятий Смоленского совнархоза с другими экономическими районами *не все являются полезными и целесообразными* [выделено нами. – С. М.], поэтому совнархоз работает в настоящее время над тем, чтобы прекратить в дальнейшем завоз со стороны деталей, поковок, литья и т.д.»³¹. Парадоксальным образом на усиление этой тенденции работала установка Н.С. Хрущева по «сокращению нерациональных и дальних пере-

возок»². Также массовый характер приобрела практика, при которой совнархозы шли дальше и срывали поставки другим совнархозам ради перевыполнения собственных производственных планов. Таким образом, стала проявляться тенденция к созданию замкнутых экономических комплексов на базе совнархозов – так называемое «местничество»³.

Осложняла ситуацию неразбериха со сбытовыми организациями бывших министерств, т.к. закон, принятый 10 мая 1957 г., не регулировал их деятельность в новых условиях. Предприятия не могли отгрузить или взять с их складов необходимую продукцию, поэтому они не могли рассчитать размеры располагаемых фондов. В этих условиях совнархозы апеллировали к госпланам республик для разрешения возникавших проблем. В частности, башкирскому совнархозу удалось добиться выполнения в полном объеме поставок на склад расположенной на его территории сбытовой организации от Казанского завода резинотехнических изделий³². Однако республиканские госпланы могли удовлетворить далеко не все претензии совнархозов из-за слишком большого количества возникавших конфликтных ситуаций.

На фоне нараставших трудностей Совет Министров СССР 26 сентября 1957 г. утвердил Положение о совете народного хозяйства, которое должны были разработать по закону от 10 мая³³. В тексте закона отсут-

ствовала точная дата, к которой надо подготовить документ. Однако логично предположить, что Положение должно было быть подготовлено к 1 июля – первому дню осуществления реформы, но появилось оно на три месяца позже.

В Положении еще раз подтверждались полномочия Советов Министров СССР и союзных республик. Госплан СССР получил новые полномочия по согласованию и перераспределению капитальных вложений между отраслями внутри совнархозов. Республиканские госпланы, наоборот, оказались в проигрышном положении, потому что совнархозы получили возможность уведомлять их *post factum* о целом ряде управленческих действий: изменении объемов производства и поставок, перераспределении средств между стройками внутри совнархоза, корректировке утвержденных показателей плана снабжения³⁴.

За неделю до того, как было утверждено Положение о совете народного хозяйства, 19 сентября 1957 г. было принято постановление о разработке проекта семилетнего народно-хозяйственного плана СССР на 1959–1965 гг. Ответственность за его разработку была возложена на Госплан СССР³⁵. О госпланах союзных республик в постановлении ничего не говорилось. Фактически они были выведены из процесса перспективного планирования. Лишь 19 декабря 1957 г. председатель Госплана СССР И.И. Кузьмин в своей речи в Верховном Совете СССР по поводу принятия народно-хозяйственного плана на 1958 г. отметил, что «одновременно с планом на 1958 год Госплан СССР разработал примерные наметки развития важнейших отраслей народного хозяйства на 1959 год, которые будут сообщены госпланам республик и помогут им в работе по составлению плана на 1959 год и перспективного плана на 1959–1965 годы»³⁶.

После принятия плана на 1958 г. в Госплане СССР 26–27 декабря 1957 г. состоялось совещание председателей совнархозов СССР под руководством И.И. Кузьмина. Его заявленной целью было обсуждение реали-

² Эта задача постоянно актуализировалась высшим руководством страны, начиная с первого пятилетнего плана. См.: Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР в 3 т. Т. I. Сводный обзор. М., 1930. С. 46.

³ На профессиональном жаргоне советских управленцев 1950–1960-х гг. так называли приоритет локальных и региональных экономических интересов над общегосударственными интересами. Этот термин имел негативную окраску, но при этом он противопоставлялся «ведомственности», т.е. приоритету интересов отдельных министерств и ведомств над общегосударственными интересами. В 1920-е гг. термин имел еще одно значение – расстановка руководителем на ключевые посты лично лояльных ему людей.

зации совнархозами плана на 1958 г. и разработка семилетнего плана³⁷. Это была уже вторая за полгода попытка координации деятельности совнархозов плановыми органами. В своем выступлении И.И. Кузьмин, в отличие от Н.К. Байбакова, представил более развернутую программу развития экономики СССР в рамках сознархозной реформы.

И.И. Кузьмин дал установку на развитие в совнархозах химической и нефтегазовой промышленности в противовес черной металлургии, на которую делался упор при жизни И.В. Сталина³⁸. Таким образом И.И. Кузьмин транслировал идеи Н.С. Хрущева, в повестку которого эта тема вошла в 1957 г. с подачи ряда академиков и отраслевых министров³⁹. И.И. Кузьмин утверждал, что «вопросы развития химической промышленности у нас приобретают главное, я бы сказал, *политическое* [курсив мой. – М. С.] значение... в ближайшее время удовлетворить потребности населения в предметах первой необходимости, и особенно в одежде и обуви. Без развития пластических масс, без развития пластикатов, искусственного волокна, заменителей кожи эту задачу решить очень трудно, а *в сроки, которые поставлены Центральным Комитетом, – невозможно* [курсив мой. – М. С.]»⁴⁰. Для этого он предлагал в 1958 г. увеличить переработку нефти на 52% по сравнению с 1957 г.⁴¹.

И.И. Кузьмин прямо высказался о обоснованно низком уровне нефтедобычи в 60 млн т. в год, который был задан И.В. Сталиным еще в феврале 1946 г.⁴². Присутствовавший на заседании председатель Госплана РСФСР Н.К. Байбаков, руководивший с 1944 г. по 1955 г. советской нефтяной промышленностью, парировал это утверждение тем, что начиная с 1947 г. добыча нефти в СССР росла естественными темпами и смысл ее специально форсировать отсутствовал. Этот эпизод являлся единственным прямым спором в течение всего совещания.

Более амбициозную задачу И.И. Кузьмин ставил в области организации производства.

Он призывал совнархозы не ввязываться в масштабные и затратные промышленные стройки: «надо считать, что *строительство заводов закончилось* [имелись в виду заводы-гиганты по типу 1930-х гг., курсив мой. – М. С.], и дальше проработать вопрос, каков профиль завода, его специализация и какие в связи с этим создаются диспропорции»⁴³. И.И. Кузьмин, наоборот, подталкивал совнархозы к строительству небольших предприятий, которые бы производили высокоспециализированную продукцию. Например, он предлагал построить завод, обеспечивающий народное хозяйство колесами всех необходимых видов вместо того, чтобы на каждом производстве создавать отдельные линии по производству колес⁴⁴. Таким образом, должна была достигаться высокая степень совместимости продукции советских предприятий между собой, что в свою очередь должно было вести к упрощению производства и сборки конечной продукции, а затем и повышению ее качества.

Помимо этого И.И. Кузьмин призывал предприятия, производящие товары широкого потребления, выпускать продукцию для разных по доходам групп граждан. Он приводил пример развития часовой отрасли: «производством будильников надо заниматься в Тамбове, там металл рядом, а вы [армянский совнархоз. – С. М.] делайте часы, которые будут стоить не 47 рублей, а будут стоить 3 тысячи, 4 тысячи, 5 тысяч. У нас потребители на такие часы найдутся»⁴⁵.

Увеличение выпуска более дорогой продукции, по мнению И.И. Кузьмина, должно было обеспечить в 1958 г. оборот товаров народного потребления на 8-10 млрд руб., что в свою очередь должно было способствовать отказу от проведения ежегодной эмиссии. Это было прямым указанием Н.С. Хрущева, который «прямо сказал, что никаких эмиссий, запомните это раз и навсегда»⁴⁶.

Предлагаемые сдвиги в организации работы промышленности в совнархозах, по мнению И.И. Кузьмина, должны были привести к массовому выходу советских

предприятий на внешние рынки. Он объяснял это необходимостью преодолеть отрицательное внешнеторговое сальдо 1957 г. И.И. Кузьмин прямо ставил перед совнархозами задачу – «улучшить работу в промышленности на внешний рынок», чтобы в 1958 г. выйти на положительное внешнеторговое сальдо в 205 млн рублей⁴. В качестве перспективного рынка, на котором следует сбывать продукцию предприятий совнархозов, председатель Госплана СССР называл страны арабского Востока. При этом И.И. Кузьмин критиковал стремление руководителей совнархозов ликвидировать технологическое отставание промышленности за счет импорта оборудования из западных стран. Так, персональной критике подвергся председатель Краснодарского совнархоза Д.Д. Королев, который подал заявку на использование золото-валютных резервов для закупки во Франции оборудования для десяти сахарных заводов в СССР.

Реакция руководителей совнархозов на предложенную председателем Госплана СССР стратегию экономического развития была достаточно сдержанной. Свою задачу они видели в простом выполнении утвержденных производственных планов. При этом всех председателей совнархозов, выступавших на совещании, условно можно разделить на две группы: председатели совнархозов из республик, на территории которых было несколько совнархозов, и председатели совнархозов, границы которых совпадали с границами союзных республик.

Представители первой группы в большей степени критиковали подготовленный на 1958 г. план, указывая на необоснованно

завышенные или, наоборот, заниженные, по их мнению, плановые задания. Например, председатель Ворошиловградского совнархоза А.С. Кузьмич указывал, что определенный для его совнархоза план 1958 г. по валовому выпуску продукции в 500 млн руб. являлся нереалистичным⁴⁷. А председатель Горьковского совнархоза Г.Л. Веденяпин, наоборот, просил Госплан СССР не допускать снижения заданий по производству автомобилей на Горьковском автозаводе – ведущем предприятии совнархоза⁴⁸.

Также эта группа использовала совещание как дополнительную возможность для получения ресурсов, прежде всего металла, ссылаясь на острой «металлический голод» в экономике. В нем винили плохую работу Главметаллсбыта РСФСР и других республиканских и союзных сбытовых организаций. Председатель Сталинского совнархоза И.И. Дядык утверждал, что Главметаллсбыт выделил его совнархозу металла на 250 тыс. т больше, чем необходимо по плану производства. Это спровоцировало конфликт с Ленинградским совнархозом, которому, наоборот, не хватило металла для выпуска автомобильных запчастей. Исходя из этого он заявил, что Главметаллсбыт РСФСР – «самый сильный дезорганизатор народного хозяйства в стране»⁴⁹.

Речи председателей совнархозов свидетельствовали о том, что не только «металлический голод», но и существовавшая система материально-технического снабжения являлась тормозом для реализации совнархозной реформы: Кемеровский совнархоз не мог приступить к разработке угля более дешевым способом из-за того, что не получил соответствующих комплектующих и оборудования; Красноярский совнархоз не получил вовремя скальные шестикубовые экскаваторы, потому что их сняли с производства; целый ряд совнархозов нуждался в высокоточных станках, которые не производились в СССР, и т.д.⁵⁰

Несколько отличную позицию занимали председатели совнархозов, чьи границы совпадали с границами союзных респу-

⁴ По официальной статистике, внешнеторговое сальдо СССР в 1957 г. оказалось положительным – 1,8 млрд руб., а сальдо 1958 г., наоборот, отрицательным – 0,2 млрд руб. Рассчитано по: Внешняя торговля Союза ССР за 1958 г. Статистический обзор. М., 1959. С. 7. Причины наличия прямых противоречий между официальной статистикой и данными, озвученными одним из видных хозяйственных руководителей, требуют дальнейшего изучения, поскольку намеренное грубое искажение информации было несвойственно для советской статистики.

блик. Они больше высказывались о плюсах реформы и гораздо меньше критиковали центральное руководство. Объяснение этой позиции, по всей видимости, заключается в том, что эти совнархозы обладали меньшим экономическим потенциалом и зависели от быстрого налаживания горизонтальных связей с другими совнархозами. Наиболее емко эту ситуацию охарактеризовал председатель Латвийского совнархоза Г.И. Гайле, который утверждал: «чем меньше совнархоз, чем он беднее, тем он отзывчивее»⁵¹.

По итогам совещания в Госплане СССР, также как и после аналогичного совещания в Госплане РСФСР, не было принято какого-либо официального итогового документа. Позиции сторон претерпели лишь незначительные изменения – союзное руководство также стремилось к качественной перестройке экономики, а совнархозы – в основном к выполнению своих производственных планов. Поэтому после окончания совещания И.И. Кузьмин предложил продолжить обсуждение проблем реформы в формате более узких тематических совещаний. Первым из таких должно было стать совещание по поставкам продукции в январе 1958 г. Оно оказалось более продуктивным и привело к тому, что в феврале союзные республики утвердили положения о своих сбытовых организациях. В частности, 24 февраля 1958 г. Н.К. Байбаков как председатель Госплана РСФСР и заместитель председателя Совета Министров РСФСР подписал положение о Главснабсбыте РСФСР, которому были подчинены все сбытовые организации ранее упраздненных министерств на территории республики. Сам Главснабсбыт был подчинен Совету Министров РСФСР⁵².

В качестве основных тенденций первых месяцев реализации совнархозной реформы стоит отметить, что выработка принципов работы территориальных органов управления промышленностью и строительством происходило в условиях острого политического противостояния и новую систему управления промышленностью

и строительством приходилось создавать и корректировать буквально на ходу.

В январе 1957 г. Н.С. Хрущев предполагал предоставить республиканским госпланам большую автономию от общесоюзного. Однако если сравнивать текст записки Н. С. Хрущева с текстом его выступления в Верховном Совете СССР и текстом закона о создании совнархозов, принятого в мае 1957 г., то уже на этапе разработки можно проследить тенденцию, которая в последующем приведет к централизации управления промышленностью. В частности, сокращение функций республиканских госпланов в сравнении с декларируемыми изначально, хотя за ними и сохранялась возможность влиять на экономическое развитие СССР.

Текст закона далеко не в полной мере регулировал деятельность плановых органов и оставлял им большое пространство для маневра. В условиях неопределенности Госплан СССР и Госплан РСФСР пытались взять на себя ряд управленческих функций с одной стороны, чтобы продолжать выполнять свою работу в новых условиях, а с другой, чтобы постараться расширить свое влияние на принятие решений в сфере экономики. Возможная конкуренция, которая могла начаться между ведомствами, была быстро погашена. В сентябре 1957 г. произошло еще одно сокращение полномочий республиканских госпланов в пользу расширения прав Госплана СССР. В декабре 1957 г. произошел возврат к старой модели организации планирования народного хозяйства, когда Госплан СССР разрабатывал план для всей страны, а республиканские госпланы его конкретизировали для своих республик.

Совещания в Госплане РСФСР и Госплане СССР, формально посвященные разработке плана на 1958 г., а на деле – обсуждению проблем становления территориальной системы управления, выявили важное противоречие. Руководство плановых органов пыталось подтолкнуть совнархозы к работе по комплексному развитию страны с первых дней реформы, а руководство совнар-

хозов стремилось к простому выполнению производственных планов. С помощью административных мер это противоречие было снято лишь частично.

Особо следует отметить, что осуществление совнархозной реформы требовало проведения особой кадровой политики. Борясь с «антипартийной группой», Н.С. Хрущев расставлял на ключевые посты лояльных ему людей, которые транслировали его установки и могли их реализовывать на практике. Поэтому проявившееся на совещании в Госплане СССР напряжение в отношениях председателя Госплана РСФСР Н.К. Байбакова и председателя Госплана СССР И.И. Кузьмина не стоит рассматривать как личный конфликт из-за смещения первого и назначения на его место второго. Продуктивнее будет интерпретировать его как противоречие в лагере сторонников хрущевского курса – более умеренного Н.К. Байбакова, ориентировавшегося на реформирование отдельных сфер экономики, и более радикального И.И. Кузьмина, предложившего ряд конкретных мер, направленных на переход экономики СССР к интенсивному развитию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. напр.: Кулёв И.А. О дальнейшем совершенствовании планирования и руководства народным хозяйством. М., 1957. 39 с.; Петров Н.Ю. Советы народного хозяйства (историко-правовой очерк). М., 1959. 84 с.; Тихомиров Ю.А. Местные советы и совнархозы (взаимоотношения местных советов с совнархозами и подведомственными им предприятиями и организациями). М., 1958. 105 с.; Колбенков Н.Ф. Совершенствование руководства промышленностью СССР 1956-1960. М., 1961. 235 с., и т.д.
- ² См.: История социалистической экономики СССР в 7 т. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма 1946 - начало 1960-х годов. М., 1980. С. 289-290; Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М., 1987. С. 288-289, и т. д.
- ³ Веденеев Ю. А. Организационные реформы государственного управления промышленно-

стью в СССР: Историко-правовое исследование (1957-1987 гг.). М., 1990. – 256 с.

- ⁴ Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 183; Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время в 3 т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов - 1987 год. Новосибирск, 2008. С. 188.
- ⁵ Демичев Е.В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957-1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. М., 2011. 295 с.; Горлов В.Н. Московские городской и областной совнархозы (1957-1965 гг.): противоречия становления и развития. М., 2014. 202 с.; Мерцалов В.И. Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством 1957-1965 гг. Чита, 2015. 258 с.
- ⁶ Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: Реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х - первая половина 1960-х гг.). М., 2019. – 174 с.
- ⁷ См., напр.: Постановление Совета Министров СССР от 4 мая 1955 г. «Об изменении порядка государственного планирования и финансирования хозяйства Союзных республик»; Постановление Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г. «О расширении прав директоров предприятий»; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 мая 1956 г. «О реорганизации министерств СССР в связи с передачей предприятий ряда отраслей народного хозяйства в ведение союзных республик» // Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953-1957. М., 1958. С. 400-417, 451-459, 627-630.
- ⁸ Записка Н.С. Хрущева «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством» // Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954-1958. М., 2006. С. 537.
- ⁹ Постановление Президиума ЦК КПСС «О созыве Пленума ЦК КПСС» // Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954-1958. М., 2006. С. 539.
- ¹⁰ См.: Записка В.М. Молотова в связи с обсуждением проекта тезисов доклада Н.С. Хрущева на Президиуме ЦК КПСС // Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954-1958. М., 2006. С. 613-615.
- ¹¹ Закон о дальнейшем совершенствовании ор-

- ганизации управления промышленностью и строительством // Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, седьмая сессия (7-10 мая 1957 г.): стенографический отчет. М., 1957. С. 291-297.
- ¹² Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х - первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 33-38.
- ¹³ См.: Хрущев Н.С. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством // Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва седьмая сессия (7-10 мая 1957 г.). Стенографический отчет. М., 1957. С. 43-44.
- ¹⁴ Хрущев Н.С. Речь на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик северо-запада РСФСР в городе Ленинграде 22 мая 1957 г. // Н.С. Хрущев. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. В пяти томах. Т. 2. Февраль 1955 - январь 1958 г. М., 1962. С. 448.
- ¹⁵ Постановление ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.» // Молотов, Маленков, Каганович, 1957. М., 1998. С. 563-568.
- ¹⁶ Советы народного хозяйства // Большая советская энциклопедия. Т. 24. Кн. 1. М., 1976. С. 50.
- ¹⁷ См.: Докладная записка начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского в Совет министров СССР об экономических показателях работы совнархозов в 1957-1959 гг. // Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953-1964 гг. М., 2009. С. 390.
- ¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ) ГАРФ. Д. А-262. Оп. 5. Д. 5021. Л. 1, 10.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 6576. Л. 4.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 6576. Л. 6, 10.
- ²¹ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 6576. Л. 11-12.
- ²² ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5021. Л. 2-4.
- ²³ Докладная записка председателя Совета министров РСФСР М.А. Яснова в Совет министров СССР о комплектовании кадрами аппарата совнархозов // Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953-1964 гг. М., 2009. С. 175.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5021. Л. 72.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5021. Л. 72.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5021. Л. 14.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5021. Л. 89.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5021. Л. 17.
- ²⁹ См.: ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5022. Л. 28.
- ³⁰ См.: ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5022. Л. 14.
- ³¹ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5022. Л. 50.
- ³² ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5022. Л. 9.
- ³³ Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством // Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, седьмая сессия (7-10 мая 1957 г.): стенографический отчет. М., 1957. С. 297.
- ³⁴ Положение о совете народного хозяйства экономического административного района // Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953-1957. М., 1958. С. 788.
- ³⁵ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 сентября 1957 г. «О разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг.» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам 1917-1957 гг. в 4 т. Т. 4. 1953-1957 гг. М., 1958. С. 783.
- ³⁶ Кузьмин И.И. О государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1958 год // Заседание Верховного Совета СССР четвертого созыва, девятая сессия (19-21 декабря 1957 г.). Стенографический отчет. М., 1958. С. 19.
- ³⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 5.
- ³⁸ См., напр.: Докладная записка председателя Госплана СССР М. З. Сабурова председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину о проекте тезисов и проекте доклада о пятом пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1951-1955 гг. // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы. М., 2020. С. 50-51.
- ³⁹ Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: Реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х - первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 82-85.
- ⁴⁰ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ) РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 8.
- ⁴¹ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 11.
- ⁴² См.: Речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. // Правда № 35 от 10 февраля 1946 г. С. 2; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 13.
- ⁴³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 19-20.
- ⁴⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 21.
- ⁴⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 27.
- ⁴⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 30-31.
- ⁴⁷ См. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 67.
- ⁴⁸ См. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 110.
- ⁴⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 119-120.
- ⁵⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 75, 125.
- ⁵¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 345. Л. 130.
- ⁵² ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 505. Л. 1, 6.

THE ROLE OF THE STATE PLANNING COMMITTEES OF THE USSR AND THE RSFSR IN THE FIRST MONTHS OF THE REFORM OF THE SUPREME ECONOMIC COUNCIL

© 2022 M. A. Simonov

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg

The author examines the role of the Gosplans (State Planning Committees) of the USSR and the RSFSR in the first six months of the implementation of the Sovnarkhoz (Supreme Economic Council) reform. He analyzes the personnel appointments of N. S. Khrushchev in the planning departments, and also reveals the impact of the defeat of the «anti-party group» on the start of the reform. The author's attention is focused on the attempts of the State Planning Committees of the USSR and the RSFSR to take the initiative in managing the Sovnarkhoz at the initial stage of the reform. He argues that the Gosplan of the RSFSR was quickly pushed away from this work. An analysis of changes in the regulatory framework of the reform, as well as the additional functions assigned to the USSR State Planning Committee, and the results of two meetings at the center with representatives of the Sovnarkhoz in July and December 1957 helps to trace the direction of the beginning of the evolution of the territorial management system.

Keywords: USSR, RSFSR, State Planning Committee, Supreme Economic Council, N.S. Khrushchev, I.I. Kuzmin, N.K. Baibakov.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-33-43

The work was carried out within the framework of the RFBR № 20-09-00061 «The failed acceleration: the strategy and practice of the economic policy of the “Khrushchev Decade”».

УДК 94(410).07

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПОЛЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ВИРГИНИИ

© 2022 Е.П. Макаров

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 04.06.2022

Статья посвящена изучению исторических особенностей становления и развития самобытной модели правовых отношений, сложившихся в Виргинии колониального периода. Существующая источниковая база позволяет соотнести лежащие в области права интересы некоторых важнейших участников локальных социально-политических процессов, таких как официальные власти колонии, местная земельная элита и широкие слои североамериканского общества. Анализ становления судебной системы в колониальных владениях Великобритании отражает специфику отдельных колоний, среди которых юридические практики Виргинии справедливо занимали особое место, поскольку являлись прямым отражением политического компромисса между наиболее заметными группами влияния, такими как окружение губернатора, местные земельные элиты и политическая нация колонии. Особого внимания заслуживает включение юридической системы колониальной Виргинии в своеобразную модель сдержек и противовесов, оказывавшую важное воздействие на установление баланса между различными ветвями власти. Вместе с тем исторический опыт Виргинии наглядно показывает, как нужды колониальной экономики определяли развитие местного права и политической системы.

Ключевые слова: североамериканские колонии, колониальные элиты, Виргиния, юридическая система, Американская война за независимость.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-44-50

Начиная с самого раннего периода существования колонии на базовом уровне практически все юридические процедуры в Виргинии были основаны исключительно на правовой системе и традициях метрополии. В колониальных юридических документах начиная с середины XVII в. по умолчанию принималась идея безусловного приоритета английского права. При этом важно понимать, что, основываясь на юридическом базисе метрополии, колониальные юристы самостоятельно формировали его локальную надстройку и имели большую свободу в выборе вариантов толкования и правоприменения. Иногда расходясь во взглядах и способах толкования

права со своими английскими коллегами, американские правоведы лишь делали акцент на местную специфику правоприменения, учитывали колониальный контекст, но практически никогда не выражали намерений выйти за рамки, обозначенные британским правовым полем¹.

Местные юридические традиции Виргинии фактически закладывались уже в период, близкий ко времени основания колонии в 1607 г. Колониальному губернатору при этом вместе с новой должностью предоставлялись полномочия и исполнительной, и судебной власти. В 1610-е гг. правовая система Виргинии претерпела первые важные изменения, обусловленные частичным перераспределением власти таким образом, при котором некоторую долю юридических полномочий получили совещательный по

Макаров Егор Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук. E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com

своей изначальной сути губернаторский совет и законодательный демократический орган колонии – Дом Бёрджесов. Стоит отметить, что 1620-1630-е гг. стали временем поиска оптимального баланса в распределении судебных функций, и в начале 1640-х гг. в Виргинии стали функционировать окружные суды, власть в которых практически всегда была представлена коллегией глав богатейших семейств и одновременно крупнейших землевладельцев округа. Члены подобных коллегий имели письменную санкцию губернатора на публичное рассмотрение дел и вынесение заключений, носивших статус судебного приговора².

Дальнейшее политико-правовое реформирование коснулось создания вертикали локальных судебных инстанций, высшей из которых стал общий суд, на котором председательствовал лично губернатор. Однако первые попытки систематизации юридических нововведений в Виргинии так и не сумели достичь главной цели, заключавшейся в создании местного четко структурированного правового поля, которое бы основывалось на правовой традиции метрополии и вместе с тем подчеркивало бы разделение властей. Ограниченность локальных кадровых и интеллектуальных ресурсов, а также отсутствие заметной политической воли на местах существенно тормозили весь процесс политико-правового реформирования, но региональная специфика Виргинии все же позволила начать выработку собственной системы толкования правовых норм. На первых порах данная система совершенствовалась усилиями местных энтузиастов, что в дальнейшем позволило юридическому пространству Виргинии развиваться быстрее по сравнению с другими близлежащими колониями. Главная особенность виргинской специфики заключалась в том, что непрерывное расширение и укрепление колониальной экономики, подпитываемое все большими масштабами сельскохозяйственного производства, продуцировали огромное количество торгово-финансовых контрактов, заключение и

исполнение которых требовало правового сопровождения³.

Рост числа жителей колонии и непрерывная иммиграция ускорили процессы социально-политического развития местного общества, и при углублении классового расслоения к 1650-м гг. уже фиксировались представители местной бюрократической и интеллектуальной прослойки, многие из которых по своему образованию были юристами. Долгое время виргинское общество не имело опыта формирования независимых объединений правоведов, но при этом значительно востребовало профессию юриста как таковую. Колониальное общественное представление о политико-правовой сфере во многом основывалось на элитарности юридической профессии, а фактическая закрытость сообщества местных элит лишь усиливала представление о том, что губернатор, его непосредственное окружение и богатейшие семьи имели эксклюзивное и неотъемлемое право осуществлять судебную деятельность и разрешать существовавшие правовые споры.

Последовательный рост товарооборота между колонией, метрополией и иными участниками международного рынка, а также усиливавшаяся коммерциализация экономической сферы Виргинии привели к тому, что со второй половины XVII в. фигура правоведа стала все чаще востребоваться обществом в качестве необходимого посредника и полноценного участника локальных политико-экономических процессов. Постепенно возрастало количество судебных разбирательств, большинство из которых касалось вопросов торговли или права частной собственности на землю. Старая логика судопроизводства, при которой принадлежность к сообществу судей и прокуроров определялась имущественным цензом, а не профессиональной принадлежностью, все еще доминировала. Данная система цементировалась прежде всего местными элитами, которые были вовлечены в большинство значимых судебных разбирательств, а судьи, истцы и ответчи-

ки часто предпочитали решать все спорные ситуации внутри собственного закрытого сообщества. Посредническая роль адвоката, а также иногда и фигура обвинителя в подобных разбирательствах часто вовсе не были востребованы.

Искусственное сдерживание формирования профессионального юридического сообщества Виргинии было во многом обусловлено текущей политико-экономической конъюнктурой, которой сопутствовало локальное колониальное законодательство. Подобным образом виргинские акты 1642-1645 гг. устанавливали крайне низкое жалование юристов, а также вводили жесткую процедуру лицензирования, без прохождения которой правоведа не могли официально вести свою профессиональную деятельность. Стоит также упомянуть закон 1647 г., содержавший обязательное требование предварительной проверки юриста на предмет отсутствия его личной финансовой или родственной (в вопросах личной или семейной собственности) заинтересованности в благоприятном развитии и исходе разбирательства⁴.

Целенаправленное ужесточение процедур лицензирования и отбора местных юристов, а также постоянные проверки их благонадежности в значительной степени сдерживали распространение бытовавших в тот период мошеннических схем, но вместе с тем сознательно тормозили развитие профессионального юридического сообщества. Иммиграционные потоки также не позволяли насытить колониальное юридическое сообщество кадрами, поскольку прибывавшие из Европы правоведа в Виргинии фактически не имели возможности пройти профотбор и без допуска к судебным процессам часто были вынуждены переквалифицироваться в смежные профессии. Практики частного юридического консультирования также не поощрялись местными властями, поскольку часто считались составляющими процветавших в тот период финансовых мошеннических схем, связанных со страхованием грузов, контрабандой и уклонением

от косвенного налогообложения. Прибывавшие в колонии английские правоведа находились под пристальным наблюдением властей и за любые нарушения предписаний в профессиональной деятельности наказывались крупными штрафами.

Начало 1660-х гг. стало временем постепенных изменений политико-правового поля Виргинии, которые происходили за счет того, что ранее отсутствовавшее профессиональное юридическое сообщество начало оформляться внутри самого мощного социального образования колонии – сообщества земельной элиты, фактически контролировавшего все аспекты внутриколониальной политики. Численность корпуса виргинских юристов определялась текущими и прежде всего экономическими нуждами, а профессионализм и лояльность участвовавших во всех политико-правовых процессах юристов обеспечивались их корпоративным интересом и прямой принадлежностью к кругу богатейших семей Виргинии. Они получали лучшее дорогостоящее образование и могли успешнее других служить интересам прежде всего своей привилегированной группы. Вместе с тем искусственная система профотбора и лицензирования усложнялась во многом для того, чтобы отсеивать тех правоведа, для которых доступ в высшие колониальные круги был изначально закрыт. Данная тенденция подтверждалась местным законодательством 1656-1658 гг., вводившим дополнительные процедуры подтверждения квалификации, обновления лицензии и принесения присяги. Подобное ограничительное законодательство обновлялось и дополнялось актами 1670-1680-х гг.

В последней четверти XVII в. виргинские реалии были таковы, что локальное юридическое сообщество колонии в целом насчитывало не более пятидесяти профессиональных правоведа и практикующих юристов, практически все из которых или были членами наиболее влиятельных семей, или служили им. Таким образом, область права стала одним из множества

инструментов влияния местных элит. Примечательными фигурами в данном контексте можно было считать виргинских юристов Б. Харрисона и У. Фицхью, известных прежде всего как крупные плантаторы и богатейшие люди Виргинии. Оба в Великобритании получили профессиональное юридическое образование и помимо экономической и торгово-финансовой деятельности прямо контролировали большую часть колониального судопроизводства. И Б. Харрисон, У. Фицхью со своим зятем Э. Баррадаллом в разное время занимали такие важные колониальные должности, как генеральный прокурор Виргинии, судья Адмиралтейского суда, казначей Виргинии и спикер Дома Бёрджесов⁵.

Начало XVIII в. ознаменовало новый этап развития политико-правового поля колониальной Виргинии, во время которого началась перестройка уже полностью подконтрольного земельным элитам юридического сообщества. С принятием законодательства 1718 г. еще раз упорядочивались процедуры лицензирования адвокатской деятельности, для них устанавливался новый фиксированный размер жалования, рассчитывавшийся из текущих экономических показателей наряду с оплатой труда колониальной бюрократии. Так, облагавшееся особым подоходным налогом жалование составляло в заседаниях общего суда пятьдесят шиллингов или пятьсот фунтов табачного сырья, а в заседаниях окружного суда - пятнадцать шиллингов или сто фунтов табачного сырья.

Законодательство 1732 г. еще раз подтверждало и дополняло существовавшие практики лицензирования юридической деятельности, расширив общее количество требований, обозначенных для получения разрешений губернатора и губернаторского совета. Также были унифицированы некоторые формальные стороны адвокатской практики, в частности, пересмотрен текст адвокатской присяги по образцам, ранее принятым в сопредельных колониях. Анализ акта 1732 г. обнаруживает проблемы,

связанные с ущербом от деятельности нелицензированных юристов, в обход существовавших правил принимавших участие в судебных процессах в роли свидетелей. Можно предположить, что именно законодательство 1732 г. знаменовало начало перехода к упорядочиванию и унификации всех аспектов колониального судопроизводства, которые распространились на всех юристов Виргинии посредством единого профессионального этического кодекса⁶. Насаждение кодекса и разветвленная система штрафов за его несоблюдение вызвали неоднозначную и часто негативную реакцию профессионального сообщества, но усилиями наиболее влиятельных семей колонии подобная политика была прописана и дополнена в акте 1742 г., а затем повторно закреплена в акте 1745 г.⁷

Внутриколониальные споры о том, каким должен был быть облик политико-правового поля Виргинии, велись на всем протяжении первой половины XVIII в. Анализируя преобладающее в тот период мнение местных элит, можно заключить, что в качестве главного конструирующего данное поле элемента принималась политика сдерживания роста и введения ограничений самостоятельности всего правоведческого сообщества. Земельные элиты фактически определяли весь социально-политический облик колонии и использовали собственное экономическое могущество для контроля всех сфер общественной жизни. Немногочисленные юридические процедуры колониальной действительности к середине XVIII в. рассчитывались таким образом, что замыкались на губернатора, его совет, окружную элиту и лишь в последнюю очередь – народно-представительный Дом Бёрджесов. Ведя борьбу и фактически добившись контроля над Домом Бёрджесов, виргинские плантаторы сосредоточили в своих руках всю полноту власти на местах, а справедливо ощущая себя правящим классом колонии, опасались того, что юридическое сообщество могло бы со временем стать настолько влиятельным, что вме-

шивалось бы в текущую политику. Однако нельзя говорить о том, что искусственно созданные ограничительные меры преследовали целью полное подавление развития юридического сообщества⁸.

Социально-политическая обстановка Виргинии середины XVIII в. наглядно демонстрировала растущую потребность в значительном количестве практикующих профессиональных юристов. Официальные власти Виргинии, также как и в других колониях, уже в 1705 г. инициировали долгосрочную судебно-административную реформу, главной целью которой было создание сложной и независимой системы регулярных судов по британским образцам, но с учетом местной специфики. К середине XVIII в. данная реформа находилась на финальном этапе. Она влилась в русло общих североамериканских процессов и коснулась новых способов профессионального отбора юристов, получавших доступ к колониальному судопроизводству. В данном вопросе колониям не удалось достичь всеобщего согласия, после чего было официально принято и утверждено два способа процедуры профотбора. Первую группу составили Массачусетс, Пенсильвания, Мэриленд и Нью-Хэмпшир, отстаивавшие принятые в метрополии процедуры, согласно которым каждая судебная коллегия самостоятельно осуществляла отбор и брала ответственность за контроль над деятельностью собственных юристов. Во вторую группу вошли Виргиния, а также Северная Каролина, Южная Каролина, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Коннектикут, Род-Айленд и Делавэр, выступившие за учреждение строго подотчетного властям централизованного контроля над квалификацией юристов, который регламентировал их допуск к судопроизводству по заранее утвержденным критериям, единым на всей территории колонии⁹.

Следуя данной логике, в Виргинии было принято законодательство 1748 г., учреждавшее специализированные судебные комиссии нового образца, имевшие полномочия осуществления профессионального отбора

и контроля лицензирования всех колониальных юристов. Данная комиссия могла самостоятельно принимать решение о допуске юристов к участию в судебных разбирательствах, а также об их отстранении от участия в судебном процессе и даже лишении лицензии в случае, если было доказано нарушение профессиональной этики. С началом работы судебных комиссий современники фиксировали официальное закрепление адвокатской деятельности на территории колонии и признание самостоятельности адвокатуры внутри профессионального юридического сообщества Виргинии¹⁰.

Постепенное реформирование политико-правового поля колонии, заметное к середине XVIII в., сохраняло свой главный вектор направленности, отвечая прежде всего интересам привилегированных групп Виргинии. Плантадоры укрепляли позиции местного юридического сообщества во многом для того, чтобы самим продолжать играть главенствующую роль в судопроизводстве. Это заметно на примере политической карьеры выходцев из семейств Рэндольфов, Эмблеров и Бёрдов¹¹. Данную тенденцию прекрасно иллюстрировала карьера плантатора У.Бёрда, получившего профессиональное юридическое образование в Мидл-Темпл и выполнявшего функции агента Виргинии в Лондоне. У. Бёрд был членом и губернаторского совета, и Дома Бёрджесов, контролировал сельскохозяйственное производство и товарооборот на огромных территориях вдоль виргино-каролинской границы. Он фактически единолично и через подконтрольных и лично верных ему юристов осуществлял всю полноту судебной власти на подконтрольных землях. Плантадорский клан Рэндольфов также не допускал посторонних лиц в разрешение юридических споров на подконтрольных им территориях, а начиная со спикера Дома Бёрджесов У. Рэндольфа данная семья располагала несколькими поколениями профессиональных правоведов, многие из которых занимали важнейшие колониальные должности, такие как генеральный прокурор

Виргинии Д. Рэндольф. Семья Эмблер также контролировала колониальное судопроизводство, сконцентрировав в своих руках все судебные решения относительно акцизных сборов и соблюдения требований налогового законодательства. Эмблеры имели передававшийся по наследству статус налогового агента короны и фактически сумели стать посредниками между местными элитами и лондонскими властями¹².

Во второй половине XVIII в. преобладание виргинских земельных элит во всех вопросах колониальной общественной жизни лишь усилилось. Богатейшие семьи продолжали удерживать полный контроль над всеми политико-правовыми процессами Виргинии¹³. В последующее время элиты стали одними из наиболее заметных социально-политических инициаторов и проводников американской войны за независимость, вписав в историю имена таких знаменитых юристов и одновременно выходцев из местных элит, как П. Рэндольф, Э. Рэндольф, П. Генри, Э. Пендлтон, Т. Джефферсон, Д. Уайт¹⁴.

Подводя итоги анализа исторической специфики формирования и развития политико-правового поля колониальной Виргинии, можно сделать ряд важных выводов.

Во-первых, с раннего периода существования колонии местные земельные элиты прочно заняли место главного политического актора, который опирался на собственное экономическое могущество и благодаря этому определял вектор развития политико-правового поля Виргинии. Власть плантаторского сообщества была практически абсолютной, поскольку распространялась на подконтрольные им территории, а политико-правовая система была вынуждена подстраиваться под их нужды таким образом, чтобы судопроизводство и осуществление власти на данных землях проводились в личных интересах конкретного крупного землевладельца. Формирование политико-правового поля на подобных основаниях привело к тому, что административно-территориальное деление всей колониальной территории на сферы влияния

богатейших семейств напрямую отразилось на создании первой системы окружных судов. Именно данные суды практически сразу после своего учреждения выступили одним из основных социально-политических инструментов осуществления власти землевладельцев конкретного региона.

Во-вторых, долгий процесс реформирования политико-правового поля колонии, результаты которого стали заметны к середине XVIII в., наглядно показал, что местные земельные элиты искали способ создания более совершенной правовой системы, которая в то же время оставляла бы основные инструменты осуществления власти в их руках. Таким образом, была учреждена двухуровневая судебная система, вертикаль которой состояла из окружных судов и общего суда под председательством губернатора. Прогрессивность реформирования и ориентация колониальных властей на формальную сторону британской правовой традиции здесь сопутствовала тому, что земельные элиты долгое время препятствовали формированию механизма сдержек и противовесов, который мог бы установить четкое разделение между судебной, законодательной и исполнительной властью. При этом влияние местных элит было настолько определяющим, что и губернаторский совет, и Дом Бёрджесов находились под их контролем, не имея возможности препятствовать обозначившейся тенденции торможения процесса формирования независимого профессионального юридического сообщества. В конечном счете именно местные элиты выработали компромиссное решение, согласно которому колониальное юридическое сообщество стало развиваться лишь в контексте более крупного сообщества землевладельческих элит, доступ в которое извне был фактически закрыт.

В-третьих, частичное распределение полномочий местной судебной власти внутри сообщества землевладельцев позволило присоединиться к реформам середины XVIII в., в которых североамериканские колонии создали систему независимых судов. Спец-

ифика Виргинии предполагала, что независимость судов фактически была относительной, поскольку комиссии, осуществлявшие лицензирование юристов и допускавшие их к участию в судопроизводстве, также оказывались под контролем элит. Юридическое сообщество Виргинии укрепило свои позиции, но окончательно стало закрытой прослойкой, став частью более влиятельного общества плантаторских семейств.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Макаров Е.П. Экономическая демография колониальной эпохи Северной Америки // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). С. 4-12.
- ² Bruce P.A. Economic history of Virginia in the seventeenth century, an inquiry into the material condition of the people, based upon original and contemporaneous records. Vol. II. New York: Macmillan and Co., 1896. 663 p.
- ³ The statutes at Large, being a collection of all the laws of Virginia, from the first session of the legislature in the year 1619. Vol. I. Richmond: Samuel Pleasants, junior. 1809. 552 p.
- ⁴ Beverley R. The History and the Present State of Virginia. London: R. Parker, 1855. 103 p.
- ⁵ Letters of William Fitzhugh // Virginia magazine of history and biography. Vol. III. 1896. pp. 253-259.
- ⁶ Макаров Е.П. Историческое значение Закона о

патоке 1733 г. в политико-экономической жизни Виргинии XVIII в. // История государства и права. 2021. № 5. С. 61-67.

- ⁷ Stanard M.N. Colonial Virginia. Its People and Customs. Philadelphia: Lippincott, 1917. 518 p.
- ⁸ Stith W. The History of the First Discovery and Settlement of Virginia. New York: Reprinted for Joseph Sabin, 1865. 386 p.
- ⁹ Starke R. The Office and Authority of a Justice of Peace Explained and Digested, under Proper Titles. Williamsburg: Alexander Purdie and John Dixon, 1774. 353 p.
- ¹⁰ Campbell C. History of the Colony and the Ancient Dominion of Virginia. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1860. 768 p.
- ¹¹ West Virginia Historical Society. Genealogies of West Virginia Families From the West Virginia Historical Magazine Quarterly, 1901-1905. Minneapolis: Clearfield Company, 1992. 286 p.
- ¹² The reports by Sir John Randolph and by Edward Barradall of decisions of The General Court of Virginia 1728-1741 // Virginia colonial decisions. Vol. I. Boston: The Boston book company, 1909. 415 p.
- ¹³ Henry H.W. A Story of Patrick Henry, American Statesman and Orator. Albuquerque: The genealogy club of Albuquerque. 1996. 83 p.
- ¹⁴ Conway M.D. Omitted Chapters of History disposed in the life and papers of Edmund Randolph, governor of Virginia, first attorney-general United States secretary of state. New York: G.P. Putnam's sons, 1889. 431 p.

HISTORICAL SPECIFICITY OF THE POLITICAL AND LEGAL FIELD OF COLONIAL VIRGINIA

© 2022 E.P. Makarov

Samara State Technical University

The article is devoted to the study of the historical features of the formation and development of an original model of legal relations that developed in Virginia during the colonial period. The existing source base makes it possible to correlate the legal interests of some of the most important participants in local socio-political processes, such as the official authorities of the colony, the local landed elite, and broad sections of North American society. The analysis of the formation of the judicial system in the colonial possessions of Great Britain reveals the specifics of individual colonies, among which the legal practices of Virginia rightfully occupied a special place, since they were a direct reflection of the political compromise between the most prominent groups of influence, such as the governor's entourage, local land elites and the political nation of the colony. The inclusion of the legal system of colonial Virginia in a kind of system of checks and balances, which had an important impact on establishing a balance between the various branches of government, is particularly noteworthy. At the same time, the historical experience of Virginia clearly demonstrates how the needs of the colonial economy determined the development of local law and the political system.

Keywords: North American colonies, colonial elites, Virginia, legal system, American Revolutionary War.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-44-50

Egor Makarov, Candidate of History, Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities. E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com

УДК 94 (47) + 94 (673)

**«ЗДЕСЬ ПЫЛЬ, ВОЙНА, УНИТА И КОШМАРЫ...»:
ОБРАЗ АНГОЛЫ В ПОЭЗИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ –
УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В АНГОЛЕ (1975-2002 гг.)**

© 2022 С.В. Григорьева

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Статья поступила в редакцию 31.08.2022

В статье исследуется социально-исторический и культурный феномен, обозначенный автором как «самодеятельная поэзия советских военных – участников гражданской войны в Анголе (1975–2002 гг.)». Выявлены политические и психологические причины обращения воинов-интернационалистов к стихотворному творчеству и возможности использования данных произведений в качестве исторических источников. Проведен комплексный анализ литературного наследия 17 советских военных, проходивших службу в Анголе в 1970–1990-е гг., с целью характеристики образа Анголы. Показано, что стереотипы, навязанные литературой XX в., получили свое продолжение в поэзии советских военных, для которых Народная Республика Ангола предстала «далекой» неизвестной африканской страной. Доминантой в создании образа страны стал пейзаж, построенный на узнаваемых мемах: красная земля, живительный океан, саванна, пальмы, папайи, жара. Другим традиционным для советской литературы мотивом стало представление об Анголе как «месте противостояния сил добра и зла, социализма и империализма», поэтому выполнение интернационального долга, сотрудничество с «прогрессивными силами Анголы» для этих людей виделось естественным и вполне оправданным. Третий миф, нашедший отражение в любительской поэзии об Анголе, – миф о ее «бедности и отсталости», а значит, о неспособности без помощи извне отстоять свою свободу и независимость. Доказано, что навязанные советской пропагандой стереотипы преломляются под воздействием действительности и времени. Ангола периода гражданской войны оказалась не гумилевским «потерянным раем», а «страшным адом», из которого не всем удалось выбраться; «анголане» – не единым народом, мечтающим о «светлом социалистическом будущем», а множеством враждующих племен. Секретность советского участия в конфликте в Анголе и нежелание властей признавать советских военных участниками боевых действий, имеющими право на соответствующие льготы, сформировало представление об Анголе как о стране, где «не могло быть советских военнослужащих».

Ключевые слова: Ангола, гражданская война, образ, советские военные специалисты и советники, поэзия.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-51-60

ВВЕДЕНИЕ. Проблема образов в отечественной историографии последних лет приобрела широкую популярность¹. В контексте имагологии активно рассматриваются и этнические стереотипы, представления о странах и народах. Опираясь на различные пласты источниковедческого материала, ученые пытаются воспроизвести образы «своих» и «чужих», объяснить факторы, по-

влиывавшие на их становление и развитие.

Тема Африки неоднократно поднималась в русской и советской поэзии. Достаточно упомянуть имена А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.С. Гумилева, К. И. Чуковского, Б.П. Корнилова и др. Между тем изучению образов отдельных африканских стран и народов, созданных поэтами, на наш взгляд, уделено недостаточно внимания. Цель данной статьи – отчасти восполнить этот пробел, воссоздать образ Анголы, опираясь на самодеятельную поэзию со-

Григорьева Светлана Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории. E-mail: svetl-grigor@yandex.ru

ветских воинов-интернационалистов, участвующих в гражданской войне в Анголе в 1970-1990-е гг.

Следует заметить, что поэзия для этих людей была делом вторичным, главное, что они делали в Анголе – военная служба, а именно оказание консультативной помощи одной из сторон конфликта, а именно Народному движению за освобождение Анголы - МПЛА во главе с А. Нето. Гражданская война в Анголе началась после деколонизации и провозглашения независимости в 1975 г. между МПЛА, Национальным фронтом освобождения Анголы (ФНЛА) и Национальным Союзом за полное освобождение Анголы (УНИТА). В условиях «холодной войны» в этот внутренний конфликт оказались втянуты внешние силы. Советские граждане помогали ангольцам, поддерживающим МПЛА, в обслуживании и использовании советской военной техники, планировании и проведении военных операций, формировании и обучении армии Народной Республики Ангола. Долгое время советское участие в гражданской войне в Анголе скрывалось от широкой общественности, официальные документы о ней до сих пор находятся под грифом «секретно», поэтому документы личного происхождения: мемуары, письма, стихи, интервью с участниками событий - имеют особо важное значение.

При проведении исследования нами использовались стихотворения ветеранов Анголы, содержащиеся на их официальном сайте². Всего там опубликованы стихи 17 авторов. Количество представленных ветеранами произведений разное: у кого-то на странице опубликовано только одно-два стихотворения, у других военных имеется целая подборка. По характеру это разноплановые стихотворения: некоторые из них носят ярко выраженную идеологическую направленность, но немало и лирических и исповедальных произведений. К сожалению, большинство из них не датировано, но по их содержанию можно понять,

что написаны они во время службы в Анголе. Обозначая исследуемое поэтическое творчество термином «самодеятельная поэзия», хотелось акцентировать внимание на ее любительском, непрофессиональном характере, поскольку ее авторы хоть и были людьми высокообразованными, с широким кругозором, но это были поэты-самоучки, не всегда соблюдающие правила стихосложения, такие как стопа, стихотворный размер, рифма и пр.

Обращение к этому специфическому для историка виду источников обусловлено двумя причинами: во-первых, литературное творчество, а именно поэзия, ветеранов Анголы еще не было предметом изучения. Между тем большинство стихотворений носит документальный характер³. Написанные не для широкой публики эти небольшие по объему стихотворения участников Ангольской войны являются отражением перенесенных на бумагу мыслей, чувств, эмоций, моментальных впечатлений от пережитых событий. В этом их документальность и правдивость. Поэтическое творчество для этих людей было своеобразной «отдушиной», способом психологической разрядки в условиях войны и посттравматического синдрома, который испытали советские люди, вернувшись на родину. Военные, находясь вдали от дома, стремились запечатлеть важные моменты собственной жизни для друзей и потомков, отвлечься от рутины повседневной военной жизни. Вот как об этом пишет Г.М. Логунов, служивший в качестве советника по боевому применению ЗРК в Анголе в 1991-1992 гг.:

Когда-нибудь, кто-то возьмет,
Исписанную мною тетрадь,
И думаю, все же, поймет
О чем я хотел рассказать.
Что в жизни, порой, пережил,
В каких переделках бывал,
Как жил, веселился, любил,
Пусть коротко, все ж, рассказал...
(Г. Логунов «Когда-нибудь кто-то возьмет...»)⁴

Большинство стихотворений с сайта в полной мере можно считать историческими источниками, поскольку в них мало вымысла, но много эмоциональности, чувственности. Именно этим объясняется вторая причина обращения к поэзии, главное в которой отражение действительности посредством чувственных образов. Стихи, пожалуй, в не меньшей степени чем другие виды исторических источников позволяют нарисовать образ Анголы посредством наиболее часто встречающихся в них характеристик, метафор, эпитетов.

Тема использования художественных произведений в качестве исторических источников неоднократно поднималась исследователями⁵. Большинство историков считает, что при всей специфичности и сложности литературного материала «художественно-историческое произведение может быть рассматриваемо как источник для изучения тех событий и явлений, которые современны созданию этого произведения, а также тех, которые в нем отражены»⁶. В данном случае речь идет о гражданской войне в Анголе. Представители «новой исторической науки» пошли еще дальше, утверждая, что хоть и вопрос о том «Как было?» не лишился своей значимости, полно ответить на него профессиональный историк может, только предварив этот вопрос другим: «Как это было записано?»⁷. Поэтому в работах многих представителей данного направления вымышленные тексты анализируются наравне с документальными⁸.

Проблемы отражения африканской тематики в русской и советской литературе были предметом изучения и отечественных филологов⁹. Однако их интерес вызывали профессионалы, то есть люди, для которых литература была основным видом деятельности и источником существования и которые создавали словесные произведения для общественного потребления. Новизна данной статьи состоит в том, что впервые источником анализа выступает любительская поэзия советских офицеров, посвященная их службе на Африканском континенте.

Наконец, несмотря на большое количество работ, посвященных этническим стереотипам и проблеме образов, изучение Анголы в данном контексте и представлений о ней в нашей стране находится в начальной стадии¹⁰, поэтому видится важным и актуальным в научном плане обратиться в предлагаемой статье к этой теме.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Так какой же видели наши соотечественники Анголу и ее жителей в 1970-1990-е гг.?

Перцепция ангольцев осложнялась тем, что ангольское общество было расколото на части: одна часть рассматривала вмешательство СССР во внутренние дела Анголы как союзнический долг и братскую помощь, другая – как агрессию и навязывание своих порядков. Можно отметить несколько аспектов восприятия советскими военными Анголы и ангольцев. Во-первых, это было личностное восприятие, основанное на конкретном опыте взаимодействия с представителями иной культуры. Во-вторых, это было восприятие в экстремальных обстоятельствах, в условиях войны на чужой территории, поэтому на этнический образ накладывался сложный комплекс чувств, отношение к ангольцам и как к союзникам, и как к противникам, способным в любой момент напасть, убить, захватить в плен. Отсюда высокая степень эмоциональности в отношении к окружающей действительности, что нашло отражение в стихах и песнях ветеранов Анголы.

Первоначальные представления о событиях в Анголе были смутными. Господствовали стереотипы, навязанные советской пропагандой: ангольский народ, строящий «светлое социалистическое общество», противостоит международному империализму, нуждается в моральной, материальной, военно-технической поддержке СССР в борьбе с империалистами и колонизаторами. Отсюда задачей советских офицеров было помочь ангольскому народу в создании собственных вооруженных сил и строительстве нового независимого государства. Вот как об этом пишут военный переводчик В. Шальнев и инженер связи А.П. Хекалов:

С судьбой зеркальной Ангола,
Сестра – страна, была в огне,
И знали мы, что все там голо,
Приказ пришел тебе и мне.
(В. Шальнев «С судьбой зеркальной Ангола...»)¹¹

Стране помогали советские люди –
Мосты возводили, дороги тянули.
И чудеса там творили врачи,
Были военных дела горячи.
(инженер связи аппарата Советника
по экономическим вопросам
Посольства СССР в Народной Республике
Ангола А.П. Хекалов «Откуда у парня
Ангольская грусть...»)¹²

Таким образом, в системе образов самодостаточной поэзии важное место отводилось Советскому Союзу как защитнику свободы и интересов ангольского народа и советским доблестным вооруженным силам. Поэты-любители героизировали советских воинов-интернационалистов, превозносили их боевые заслуги, сочувствовали павшим на этой войне.

Первоначально на территории Анголы воины-интернационалисты готовились к войне «малой кровью», слабо представляя особенности природно-климатических, социально-политических, этно-культурных условий, в которых им придется работать. Неадекватности первоначальных представлений об Анголе придавал тот факт, что советское присутствие там было «неофициальным», «тайным», «секретным». Вот как об этом пишут в своих стихотворениях Г.М. Логунов и И. Ждаркин:

*Нас здесь быть не могло*¹³,
Так, однажды, газеты писали,
Но казалось, кому-то назло,
Они все же, туда, улетали.
Улетали туда, где война,
Где снаряды рвались заывая,
Неужели не знала страна
В ту войну нас опять отправляя...
(Г. Логунов «Нас здесь быть не могло...»)¹⁴

*В газетах про нас не напишут ни слова,
И по радио тоже не передадут.*
Только письма приходят к нам снова и снова
От родных и любимых, что в Союзе нас ждут.
(И. Ждаркин «Ангола»)¹⁵

Тема Африки, по мнению Ф.В. Кувшинова, не случайно получила свое развитие в русской литературе, поскольку была удобна «своей схематичностью, шаблонностью, когда необходимо было декларировать какие-то идеологические установки без доказательной базы. Сама эта шаблонность объясняется географической и культурной отдаленностью Африки от России, что лишь способствовало ее символизации и мифологизации»¹⁶. Стереотипы, навязанные литературой XX в., получили свое продолжение в поэзии советских воинов-интернационалистов, для которых Ангола – это прежде всего *далекая африканская страна*, правда, в отличие от гумилевского образа Африки как «далекого потерянного рая», Ангола предстала перед советскими гражданами «*далеким адом*», из которого мало кому удастся выбраться.

До Родины – тыщи да тыщи...
Там кличут тебя журавли.
А кто и когда тут отыщет
Останки? Быть может, твои.
(В. Казимиров «Ангола» (1989 г.))¹⁷

*Служу вдали от Родины любимой –
Судьба военная капризная моя.*
То по Арбату ты гуляешь с милой,
То завтра ждут тебя саванные края.
(военный переводчик В. Шальнев
«Пионеры Уамбо (песня)»)¹⁸

*По дорогам – сюда не доедешь,
Мины рвутся на каждом шагу,
Чуть в сторонку с дороги съедешь,
И тебя, не найти никому.*
(Г. Логунов «В этом всеми забытом поселке...»)¹⁹

Действительно, связь с Союзом носила нерегулярный характер, весточки с родины

приходили нечасто, природно-климатические условия континента заметно отличались от привычных на родине, приходилось постоянно приспосабливаться к новой необычной среде обитания. Как оказалось, в действительности советские военные были вынуждены не только консультировать, но и принимать непосредственное участие в боевых действиях ФАПЛА, нередко на собственном примере показывая ангольцам способы ведения современной войны. Находясь на театре военных действий, советские военные постоянно подвергали свою жизнь опасности, могли быть убиты, ранены, могли попасть в плен к противнику. Они наряду с ангольцами в полной мере испытывали все тяготы «военного ада».

Вдали от семей и родительских мест,
мундиров своих и эмблем,
Над нами созвездие Южный Крест
и множество разных проблем.
*Взрывались на минах и, корчась от мук,
глотали горький хинин,*
Но знали, что рядом находится друг,
и помнили: – Ты не один!
(В. Чепига «Ангольский вальс»)²⁰

«Доминантой в создании образа Черной Африки является пейзаж, построенный на узнаваемых образах: знаками африканского становятся пустыня, караван, жара, жажда, пустыня и мираж», – замечают в своей статье А.А. Арустамова и М.Ю. Расторгуева²¹. В поэзии советских военных знаками ангольского стали: *красная земля, живительный океан, саванна, пальмы, папайи, жара.*

Здесь океан волнами дыбась
Бьет мощью, прямо о бетон,
А волны, мчатся извиваясь
Кажись, что «здравствуй» - шепчет он.
И шелест пальм, и шум прибора
Слилось, в единое, шума,
А сердце, непонятно ноя,
Вдруг, защемило у меня.
(Г. Логунов «Все необычно,
все здесь ново...»)²²

*Белое солнце в зените стоит,
в кроне зеленых папай,*
Быстро в работе проносятся дни,
в пыльных дорогах саванн,
Только лишь губы сверкают одни
от принятых солнечных ванн.
Вскоре ты понял, приехав сюда,
что вся наша жизнь – это миг...
(В. Чепига «Ангольский вальс»)²³

Интересно, что эпитет «красная» можно понимать как в буквальном (выжженная солнцем красная почва), так и переносном смысле (красная – политая кровью). В подобном же смысле авторы стихов характеризуют Анголу как «жаркую страну». Действительно, природно-климатические условия Анголы (непривычно высокие температуры, влажность, полчища насекомых) с трудом переносились нашими военными. При этом они были вынуждены все время находиться на марше, подвергались частым нападениям унитовцев, находились в состоянии боевой готовности в любой момент отразить возможное нападение противника.

Атлантика в скорби поблекла.
От горя пожухли сады.
Под крышей, *прожженной от пекла,*
Ни света, *ни капли воды.*
Ветра, как жестокая банда,
Порвали твои паруса.
Луанда, Луанда, Луанда...
Померкла былая краса.
(В. Казимиров «Ангола»)²⁴

*На красной земле кровь почти не видна –
Лишь темные пятна и только.*
А сколько ребят здесь пролили ее?
Пусть Родина скажет нам, сколько.
В руках автомат, по карманам гранаты,
Патроны, аптечка, на поясе нож.
А было ли это? Да, было когда-то!
*Был в жаркой саванне по коже мороз*²⁵.
(С. Рожнов «На красной земле
кровь почти не видна ...» (1983 г.))

Другим мотивом, который можно назвать центральным в советской литературе об Африке, стало представление о ней как «месте противостояния сил империализма и социализма». Именно там народ Анголы ведет кровопролитную многолетнюю войну за свою свободу и независимость, а помогает ему в этом «братский Советский Союз».

Многострадальная земля!

Двенадцать лет идет война.

Двенадцать лет льют люди кровь

За мир, свободу и покой...

(В. Воднев «Я тосковал по родине далекой...» (1987 г.))²⁶

Здесь пыль, война, УНИТА и кошмары

Здесь люди черные – чернее, чем смола.

И черные здесь правят комиссары,

И вместе с ними мы ведем свои дела...

(В. Шальнев «Пионеры Уамбо (песня)»)²⁷

Здесь семнадцатый год притесняют народ,

Рвут саванну на клочья, на части.

Здесь семнадцатый год чернокожий урод

Не дает ни покоя, ни счастья.

(летчик ИЛ-76 А. Николаев

«Песня экипажа» (1993-1995 гг.))²⁸

Необходимость оказания военно-технической, гуманитарной, медицинской помощи ангольцам обосновывалась их неспособностью самостоятельно справиться с ситуацией, в чем нашел отражение еще один важный элемент представлений в советском обществе об Африке – представление о ней как о «символе отсталости/бедности».

Рассказать – как живут анголане,

Неуемный этот народ,

Позавидуешь – вечно с песнями,

Хотя много, всяких невзгод.

Как живут они в мазанках – кимби,

И как – воду берут из реки,

И без света уже привыкли,

И без спичек – не видно тоски.

(Г. Логунов «Я хочу рассказать...»)²⁹

Гражданская война в Анголе продолжалась 27 лет, привела к многочисленным жертвам, экономическому упадку этой африканской страны, усилила миграционные процессы. Ангола стала «полигоном для наемников», испытательной базой для советской и западной боевой техники. Вмешательство внешних сил способствовало тому, что конфликт принял более затяжной и ожесточенный характер. Советские офицеры в Анголе столкнулись с достаточно сильным, хорошо вооруженным противником, на стороне которого были не только самые современные виды вооружений, вплоть до оружия массового поражения³⁰, но и высококлассные специализированные воинские формирования, например, «Буффало»³¹.

Недооценка врага и переоценка сил и морального духа ангольцев обернулись для советских людей недоумением от обманутых ожиданий. Оказалось, что «анголане» – отнюдь не единый народ, а множество враждующих племен и народностей; что советским офицерам придется не столько консультировать и советовать, сколько принимать непосредственное участие в боевых действиях, каждодневно рискуя здоровьем и жизнью. При этом сидящие в министерстве чиновники не хотели признавать советских военных, служивших в НРА участниками боевых действий и предоставлять им какие-либо льготы, что накладывало серьезный отпечаток на психологию этих людей. Им было трудно осознавать, что родина, общество не оценило должным образом их жертвы и лишения. А жертв было немало, только по официальным данным в Анголе погибло 54 советских военнослужащих³². Вот как об этом пишут Д. Бабушкин и С. Рожнов:

Шли мы по глобусу неистово.

Блаженно верили мы в «измы»,

Младое племя интернационалисто,

Потомки тени большевизма.

Стреляли, пили, рвали струны

Чужих устоев и миров.

Ломали, что исправить трудно,

И каждый к смерти был готов.
(Д. Бабушкин «Разрыв натянутой
струны...»)³³

*Что мы пережили, того не понять
Холеным штабным пидо....сам.
И все же ребята обидно одно –
Нас сделали пушечным мясом.*
(С. Рожнов «На красной земле кровь почти
не видна ...» (1983 г.))³⁴

Деятельность клуба ветеранов Анголы, совместное общение, конференции, написание стихов и мемуаров стало для этих людей возможностью вернуться в свою молодость, переосмыслить и вновь пережить наиболее яркие моменты ангольского периода их жизни, отдать дань памяти павшим, поскольку «братской Анголе» они отдали труд и годы своей жизни.

*Песчаная река в саванне африканской.
Песчаная река сквозь сердце пролегла.
И память о чужой войне гражданской
нас не покинет никогда.*
(В. Туник «Песчаная река...»)³⁵

*Течет вода, бегут года
Из памяти отдельные уж стерты эпизоды,
Но точно, ясными останутся всегда
В Анголе нами прожитые годы...*
(В. Шальнев «Течет вода, бегут года...»)³⁶

ВЫВОДЫ. Поэзия является литературным жанром, который наиболее чутко реагирует на происходящие события. В стихотворном творчестве находят воплощение не только личные или аккумулированные чувства людей, их реакции на происходящее, но нередко эмоциональные образы событий. Самодеятельная поэзия советских военных – непосредственных участников гражданской войны в Анголе (1975-2002 гг.) позволяет охарактеризовать сформировавшиеся на конкретном опыте пребывания в Африке и взаимодействия с представителями иной культуры представления об Анголе, которая предстает «далекой» от Союза

страной. Доминантой в создании образа является пейзаж, построенный на узнаваемых мемах: *красная земля, жителенный океан, саванна, пальмы, папайи, жара. Эта бедная и отсталая страна*, по мнению военных, вставшая на путь социализма, не способна без посторонней помощи построить новое общество и отстоять независимость. Поэтому выполнение интернационального долга, сотрудничество с «прогрессивными силами Анголы» видится советским людям вполне естественным и вполне оправданным. Ангола в их представлении предстает «*местом противостояния сил добра и зла, социализма и империализма*», а советский военный – защитником свободы и интересов ангольского народа.

В этом смысле можно говорить о преемственности в создании образа Африки советской литературы и самодеятельной поэзии воинов-интернационалистов. Вместе с тем можно выделить определенную специфику в характеристике Анголы, которая предстает в стихах военных, во-первых, страной «*борющейся*», «*воюющей*». Во-вторых, «*страшным адом*» для советских людей, которым приходится ценою собственной жизни сражаться за «счастье и покой ангольцев». В-третьих, из-за секретности и конфиденциальности факта участия советских военнослужащих в «чужой» гражданской войне для самих участников пребывание в Анголе – неоспоримый факт, а для всех остальных, особенно власть предержащих, – это война, «на которой их быть не могло».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. / Отв. ред. Лабутина Т.Л. С-Пб.: изд-во Алетея, 2019. С. 17.

² «Ангольская» поэзия // Союз ветеранов Анголы. URL: <https://www.veteranangola.ru/>

³ Эти стихотворения вполне сопоставимы с мемуарными текстами, рассмотренными автором в статьях: Григорьева С.В. Мемуары советских военных советников и специалистов в Африке в 1960-1980-х гг.: специфика и практи-

- ка изучения исторической памяти // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 21-28; Она же. Пространства советского влияния в воспоминаниях ветеранов локальных войн и конфликтов в Африке в 1960–1980–е гг. // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 216-226.
- ⁴ Логунов Г.М. «Когда-нибудь кто-то возьмет...» // «Ангольская» поэзия. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/poetry/logunov> (дата обращения 15.08.2022).
- ⁵ См., например, работы: Борозняк А.И. «Их борьба, их страдания не были напрасны». Ганс Фаллада и его роман «Каждый умирает в одиночку» // Новая и новейшая история. 2014. №1. С. 135-156; Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73-82; Курбак М. С. ЮАР в 1960-1990-х годов в романах нобелевского лауреата Дж.М. Кутзее // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 171-183; Манкевич И.А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. 2007. № 5. С. 17-23; Миронец Н.И. Художественная литература как исторический источник: к историографии вопроса // История СССР. 1976. № 1. С. 125-176; Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. М.: Наука, 1982. 321 с.; Предтеченский А.В. Художественная литература как исторический источник // Вестник Ленинградского Университета. Серия истории, языка, литературы. Л. 1964. Вып. 3. № 14. С. 76-85; Сенявская Е.С. Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1. С. 101-109; Смирнова И.В. Художественный образ и реальность: «окопная жизнь» на Западном фронте (1914-1918 гг.) в письмах солдат и романах военного поколения // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 4. С. 102-118; Шершнева С.В. Гражданская война в США в романе Джона Дефореста «Мисс Равенел уходит к северянам» // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург, 2014. № 12. С. 179-195; Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40-49.
- ⁶ Предтеченский А.В. Художественная литература как исторический источник // Вестник Ленинградского Университета. Серия истории, языка, литературы. Л. 1964. Вып. 3. № 14. С. 76.
- ⁷ Анисимова А.Э. «Новый историзм»: науковедческий анализ. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 102.
- ⁸ Там же. С. 46.
- ⁹ См., например, работы: Арустамова А.А., Рас-торгуева М.Ю. Африка на поэтической карте А. Ладинского // Вестник пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Т. 7. Вып. 3 (31). С. 68-76; Иванов Вяч. Вс. Два образа Африки в русской литературе начала XX века: африканские стихи Гумилева и «КА» Хлебникова / Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2. С. 287-326; Кувшинов Ф.В. Тема Африки в русской литературе первой трети XX века // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 45-49; Уде Ф.Е. Образ Африки в русском языковом сознании. Дис... канд. филол. наук. Волгоград: изд-во Волгоград. гос. пед. у-та, 2008. 240 с.; Уде Ф.Е. Способы отражения образа Африки в произведениях Н.С. Гумилева // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та, 2007. № 2. С. 37-40.
- ¹⁰ Следует заметить, что разрабатывается данная проблематика в основном ангольцами, получившими образование в РФ. См., например, работы: Грабельников А.А., Ивандро А.П. Факторы, влияющие на формирование образа Анголы в британских СМИ // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 1. № 5. С. 127-133; Грабельников А.А., Пирес де Кампос И.А.П.Д. Основные характеристики публикаций об Анголе в современных британских СМИ // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 3. № 4. С. 113-118; Калупетека Э.Н. Образ Анголы в электронных СМИ России. Автореф. дис... канд филолог. наук. М.: изд-во РГГУ, 2015. 23 с.; Кампос И.А.П.Д. Образ Анголы в современных британских СМИ: Автореф. дис... канд филолог. наук. М.: изд-во РУДН, 2016. 23 с.; Сорокина О.Г., Килунда да Силва Э. Образ Анголы в российских Интернет-СМИ // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. / Материалы V Международной научно-методической конференции (г. Омск 24 мая 2019). Омск: изд-во Омского автобронетанкового инженерного института, 2019. С. 122-125; Абиодун А.А. Образ Африки в периодической печати (по материалам журналов «Современный Восток» и «Азия и Африка сегодня» в 1957–2000 гг.): Дис... канд. ист.

- наук. М.: РУДН, 2005. 227 с.
- ¹¹ Шальнев В. «С судьбой зеркальною Ангола...» // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/v_shalnev (дата обращения 15.08.2022).
 - ¹² Хекалов А.П. «Откуда у парня ангольская грусть...» // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/a_hekalov (дата обращения 15.08.2022).
 - ¹³ Наиболее яркие характеристики, подтверждающие основные положения статьи, выделены мною курсивом.
 - ¹⁴ Логунов Г.М. «Нас здесь быть не могло...» // «Ангольская» поэзия. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/poetry/logunov> (дата обращения 15.08.2022).
 - ¹⁵ Ждаркин И. Ангола. // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/i_zhdarkin (дата обращения 15.08.2022).
 - ¹⁶ Кувишинов Ф.В. Тема Африки в русской литературе первой трети XX века // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 48.
 - ¹⁷ Казимиров В. Ангола. // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/v_kazimirov
 - ¹⁸ Шальнев В. Пионеры Уамбо (песня). // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/v_shalnev (дата обращения 15.08.2022).
 - ¹⁹ Логунов Г.М. «В этом всеми забытом поселке...» // «Ангольская» поэзия. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/poetry/logunov> (дата обращения 15.08.2022).
 - ²⁰ Чепига В. Ангольский вальс. // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/v_tchepiga (дата обращения 15.08.2022).
 - ²¹ Арустамова А.А., Расторгуева М. Ю. Африка на поэтической карте А. Ладинского // Вестник пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Т. 7. Вып. 3(31). С. 69.
 - ²² Логунов Г.М. «Все необычно, все здесь ново...» // «Ангольская» поэзия. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/poetry/logunov> (дата обращения 15.08.2022).
 - ²³ Чепига В. Указ. соч.
 - ²⁴ Казимиров В. Указ. соч.
 - ²⁵ Рожнов С. «На красной земле кровь почти не видна...» // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/s_rozhnov (дата обращения 15.08.2022).
 - ²⁶ Воднев В. Луанда. // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/valeriy_vodnev (дата обращения 15.08.2022).
 - ²⁷ Шальнев В. Указ. соч.
 - ²⁸ Николаев А. Песня экипажа. // «Ангольская» поэзия. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/poetry/nikolaev> (дата обращения 15.08.2022).
 - ²⁹ Логунов Г. «Я хочу рассказать...» // «Ангольская» поэзия. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/poetry/logunov> (дата обращения 15.08.2022).
 - ³⁰ Ждаркин И.А. «Такого не было даже в Афгане». Воспоминания участника войны в Анголе (1986–1988). М.: «Memoris», 2008. С. 20–21.
 - ³¹ Буффало – 32-й батальон, известный как Батальон «Буйволы» – батальон легкой пехоты Сухопутных войск Южно-Африканских сил обороны, состоявший из белых и черных уроженцев ЮАР, Анголы и Намибии, а также иностранных добровольцев из стран Европы и Америки. Основан в 1975 г. Яном Брейнтенбахом, полковником сил специального назначения ЮАР, для оказания помощи повстанцам из движения УНИТА, воевавшими против правительства МПЛА. Рядовой и сержантский состав батальона насчитывал около 600 человек. Распущен 26 марта 1993 г. по приказу Африканского национального конгресса накануне парламентских выборов. Об участии этих подразделений в Ангольской войне пишут в своих мемуарах: Ковтун Н.Г. Ангола в сердце моем (Путевые заметки – воспоминания советского военного советника). Из серии: Советские военные советники и специалисты в необъявленных войнах СССР. Киев, 2010. С. 222; Ждаркин И.А. «Такого не было даже в Афгане». Воспоминания участника войны в Анголе (1986–1988). М.: «Memoris», 2008. С. 26.
 - ³² Лавренев С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2003. 778 с. С. 222. URL: http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/13.html
 - ³³ Бабушкин Д. «Разрыв натянутой струны...» // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/dmitriy_babushkin (дата обращения 15.08.2022).
 - ³⁴ Рожнов С. Указ. соч.
 - ³⁵ Туник В. Песчаная река // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/v_tunik (дата обращения 15.08.2022).
 - ³⁶ Шальнев В. «Течет вода, бегут года...» // «Ангольская» поэзия. URL: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/v_shalnev (дата обращения 15.08.2022).

**«HERE IS DUST, WAR, UNITA AND NIGHTMARES...»:
THE IMAGE OF ANGOLA IN THE POETRY OF THE SOVIET MILITARY,
PARTICIPANTS IN THE ANGOLAN CIVIL WAR (1975–2002)**

© 2022 S.V. Grigorieva

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

The article is devoted to a socio-historical and cultural phenomenon, designated by the author as «amateur poetry of the Soviet military, participants in the civil war in Angola (1975-2002)». The author reveals the political and psychological reasons for the appeal of soldiers-internationalists to poetic creativity and proves the possibility of using these works as historical sources. A comprehensive analysis of the literary heritage of 17 Soviet military men who served in Angola in the 1970s–1990s was carried out in order to characterize the image of Angola. The author argues that the stereotypes imposed by the literature of the 20th century were continued in the poetry of the Soviet military, for whom the People's Republic of Angola appeared as a «distant» unknown African country. The dominant feature in creating the image of the country was a landscape built on recognizable memes: red earth, life-giving ocean, savannah, palm trees, papaya, heat. Another traditional motive for Soviet literature was the idea of Angola as «a place of confrontation between the forces of good and evil, socialism and imperialism», therefore, the fulfillment of international duty, cooperation with the «progressive forces of Angola» for these people was considered natural and fully justified. The third myth, reflected in amateur poetry, concerned the «poverty and backwardness» of Angola, and, therefore, its inability to defend its freedom and independence without outside help. The author proves that the stereotypes imposed by Soviet propaganda were refracted in amateur poetry under the influence of reality and time. Angola during the years of the civil war turned out to be not Gumilyov's «lost paradise», but a «terrible hell», from which not everyone managed to get out; «angolans» turned out to be not a single people dreaming of a «bright socialist future», but a multitude of warring tribes. The secrecy of the participation of the USSR in the conflict in Angola and the unwillingness of the authorities to recognize Soviet military as combatants entitled to appropriate benefits formed the idea of Angola as a country «where Soviet military personnel could not be».

Keywords: Angola, civil war, image, Soviet military specialists and advisers, poetry.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-51-60

УДК 94(47)

РУССКИЕ ПОСЛЫ В ЛАПЛАНДИИ В 1586 г.

© 2022 М.В. Толкачев

Самарский федеральный исследовательский центр РАН

Статья поступила в редакцию 28.08.2022

В статье рассматривается сюжет, связанный с историей дипломатических отношений Московского государства с Данией-Норвегией. Отправка русских послов на Крайний Север в 1586 году была связана с резким обострением так называемого Лапландского вопроса – крупного территориального спора, существовавшего между Россией и Датско-Норвежским государством в районе Европейской Арктики. В статье рассматриваются предпосылки, сложившиеся для отправки послов, обстоятельства, связанные с посольством, а также факты, отражающие конфигурацию русско-норвежского пограничья. *Ключевые слова:* Лапландия, Норвегия, Крайний Север, граница, рубеж, пограничье, переговоры, послы, грамота.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-61-73

Предисловие

Соседство Русского государства с Данией – Норвегией в Лапландии¹ ознаменовано долгой и насыщенной историей, в ходе которой пересекались и соединялись судьбы различных по происхождению и культуре стран и народов. Начав формироваться в рамках новгородско-норвежских взаимоотношений, русско-норвежское пограничье в дальнейшем перешло в сферу интересов Московского государства после присоединения Великого Новгорода к Москве в конце XV века. Статус Норвежского королевства также менялся со временем. К концу XIV века Норвегия вошла в унию с Данией и Швецией, а после того, как Швеция в 1523 году вышла из унии, Норвегия продолжала оставаться частью Датско-Норвежского объединенного королевства, находившегося под властью датских королей. Таким образом, северное соседство, складывавшееся ранее между норвежцами и новгородцами, оказалось в сфере интересов Москвы и Ко-

пенгагена, часть Лапландии находилась под контролем Швеции.

Русско-норвежское пограничье в Лапландии являлось предметом изучения для разных поколений историков. И все же вопросы, связанные с историей этого пограничья, и сегодня содержат немало противоречий, вызывающих споры среди исследователей. Относительно рассматриваемого в настоящей статье периода для нас по сей день остается не до конца понятным, какова была форма лапландского пограничья, где проходили границы, каким образом пограничные администрации осуществляли взаимодействие между собой. В историографии высказываются различные точки зрения относительно русско-норвежского пограничья в Лапландии в рассматриваемый период. В соответствии с первой точкой зрения в Лапландии существовала единая государственная граница, разделявшая все интересы между русскими людьми, с одной стороны, и норвежцами/датчанами – с другой. К числу исследователей, придерживавшихся этой точки зрения, относится советский и российский исследователь Игорь Павлович Шаскольский, утверждавший, что

Толкачев Михаил Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии. E-mail: mikh.tolkachev@mail.ru

государственная граница была оговорена уже в XIV веке в ходе переговоров между Норвегией и Новгородом, проходивших в 1326 году. До 1326 года, по мнению историка, в Лапландии существовал общий округ по сбору дани с местного населения, но со временем такая форма пограничья устарела. В 1326 году, как отмечает И.П. Шаскольский, была установлена русско-норвежская государственная граница в районе Варангер-фьорда (Варяжский залив, Варенгский залив, см. карту в приложениях), которая в дальнейшем разделяла государственные интересы сторон². Вместе с тем с учетом факта двойного обложения данью местных лопарей-саамов в одной из более поздних публикаций отмечается, что в Лапландии уплата дани не совпадала с подданством³. Вторая точка зрения утверждает, что в рассматриваемое нами время, а также в более раннюю эпоху в Лапландии не было единой государственной русско-норвежской границы. Вместо нее существовал общий налогооблагаемый округ со своими рубежами. К числу ученых, отстаивающих эту точку зрения, относится современный датский исследователь Джон Х. Линд, который категорически отвергает точку зрения И.П. Шаскольского. Дж. Х. Линд считает, что в 1326 году новгородцы и норвежцы договорились не о единой государственной границе, а о рубежах общего налогооблагаемого района, и такая форма пограничья, по мнению исследователя, продолжала существовать на протяжении последующих веков⁴. Современный российский историк Павел Викторович Федоров также отмечает, что точка зрения о появлении единой государственной границы в Лапландии в столь ранний период не может быть принята без критики⁵. Наконец, третья точка зрения гласит, что в Лапландии одновременно существовал общий налогооблагаемый округ и единая государственная граница. О возможности подобной конфигурации пограничья упоминал отечественный исследователь Иван Федорович Ушаков. В своих исследованиях И.Ф. Ушаков отмечал, что в 1326

году, вероятно, произошло разграничение преимущественных интересов Норвегии и Новгорода, в то же время общий округ по сбору дани продолжал существовать на территории Лапландии⁶. К похожему выводу приходит современный датский исследователь Карстен Папе. Примечательно, что К. Папе высказывает мнение о двойной системе границ, основываясь не столько на новгородско-норвежском договоре 1326 года, как это ранее делали исследователи, а рассмотрев более поздний международный договор, заключенный между Московским государством и Данией в 1493 году. По мнению К. Папе, в русско-норвежском пограничье в Лапландии сложилась двойная система границ, состоявшая из государственной «политической» границы и из рубежей общего налогооблагаемого дистрикта, определявших пределы сбора дани обеими сторонами. При этом К. Папе допускает, что подобная двойная система границ перешла в сферу русско-датских отношений «по наследству» от новгородско-норвежских взаимоотношений⁷. Современный норвежский исследователь Ларс Ивар Хансен, проведя исследование податной системы, сформировавшейся внутри общего округа, подтверждает точку зрения К. Папе⁸.

При изучении интересующего нас вопроса (отправка русских послов в Лапландию в 1586 году) мы в первую очередь обращались к двум комплексам источников. Первый комплекс документов содержится в рамках архивного дела №2 от 1578 года (Российский государственный архив древних актов, фонд 53, опись 1, дело 2, 1578 год). Здесь отложились документы, относящиеся к русско-датским дипломатическим отношениям в рамках взаимодействия по Лапландии. Особое внимание привлекает переписка между русскими царями и датскими королями, а также краткие выписки относительно инструкций (наказов), составлявшихся для русских послов при отправке в Лапландию. Несмотря на то, что данные выписки очень малы по объему, тем не менее они имеют огромное значе-

ние, учитывая тот факт, что на данный момент мы не располагаем текстами самих инструкций, составлявшихся для русских послов при отправке на Север в 1586 году. Второй комплекс источников содержится в небезызвестных сборниках, опубликованных дореволюционным исследователем Ю.Н. Щербачевым⁹. В сборниках содержатся документы, извлеченные из Копенгагенского государственного архива, в числе которых – царские и королевские грамоты, международные договоры и текущая документация, относящаяся к положению дел непосредственно на границе.

Предшествующая дипломатическая переписка

В 80-е годы XVI века между Москвой и Копенгагеном велась активная дипломатическая переписка о Лапландии. В 1586 году в королевской грамоте (с гонцом Юстом) датская сторона в очередной раз высказала свои претензии относительно спорных лапландских территорий и предложила организовать пограничный съезд русских и датских уполномоченных судей¹⁰. Король Фредерик II писал в своей грамоте о желании состоять в дружественных отношениях с царем и говорил о необходимости обновить спорные рубежи¹¹. Относительно принадлежности лапландских земель Фредерик II, однако, утверждал, что в соответствии с древними норвежскими летописями Лапландия (в рассматриваемой грамоте король демонстративно именовал ее Мурманской землей, что, по некоторым версиям, является производным от «урманский», «норманский») никогда не принадлежала Новгороду. Король писал, что Мурманская земля всегда принадлежала Норвегии. Также Фредерик II писал, что постройка Печенгского православного монастыря началась всего сорок или пятьдесят лет назад, то есть не так давно, чтобы предъявлять претензии на территорию, где расположен монастырь. Кроме того, король упрекал Федора Иоанновича в том, что он в своих царских грамотах

забыл упомянуть многие лапландские поселения¹². Этим датский король ограничиваться не стал. Помимо прочего Фредерик II попытался предъявить претензии на право сбора дани с Печорской земли¹³, к востоку от Белого моря. Подытоживая, мы можем выделить следующие аргументы, к которым прибегало датское правительство:

- Аргумент 1: Лапландия именуется Мурманской (т.е. Норманской) землей;
- Аргумент 2: принадлежность Лапландии к Новгороду не согласуется с норвежскими летописями;
- Аргумент 3: постройка Печенгского монастыря началась не так давно;
- Аргумент 4: царь в переписке не называет многих поселений в Лапландии;
- Аргумент 5: норвежцы издавна собирали дань не только в Лапландии, но и на Печоре.

В ответ на королевскую грамоту в марте 1586 года была составлена царская грамота¹⁴. В ней от лица Федора Иоанновича прежде всего высказывалось пожелание на сохранение дружественных отношений: «И мы, услышав твое любовное приятельство и суседство, по тому же хотим с тобою, приятелем нашим, быти в любви и в соединенье и в докончанье ...»¹⁵. Вместе с тем относительно Лапландии царь прибегнул к следующим аргументам:

Аргумент 1: Лапландия является исконной русской землей: «... та Лопская земля искони вечная наша (в деле РГАДА 1578 г. – «государя») вотчина за много лет к нашей (в деле РГАДА 1578 г. – «государя») отчине к Великому Новгороду з Двинскую землею»¹⁶.

Аргумент 2: Лапландия вместе с Новгородской землей находится в подчинении у московских государей со времен Ивана III, и с тех пор население Лапландии выплачивает дань в пользу московских государей¹⁷.

Аргумент 3: Лапландия никогда не принадлежала Норвегии, и прежние датские короли не предъявляли на нее претензии¹⁸.

Аргумент 4: при заключении русско-датского договора в 1562 году датская сто-

рона не предъявляла какие-либо претензии относительно Лапландии¹⁹.

Аргумент 5: Печенгский монастырь стоит в Лапландии около ста лет, но даже если Печенгский монастырь стоит 40 лет (как утверждает датская сторона), то это уже достаточный срок, чтобы вступить за него²⁰.

Аргумент 6: город Варгав (Вардёхус) стоит на государственной земле, этот Варгав является Новым, его основали датчане для того, чтобы вступить в земли, принадлежащие Русскому государству; а в землях датского короля есть другой город – Старый Варгав, который находится на рубеже Норвежской земли: «А толко сыскати старых рубежей, ино и Варгав город поставлен в нашей же (в деле РГАДА 1578 г. – «государя») отчине на Лопской земле. А Старой Варгав есть в вашей (в деле РГАДА 1578 г. – «в ево» – т.е. датского короля. – прим. М.Т.) в Дацкой земле на рубеже Норвежские земли. А тот Новой Варгав поставили люди твои (в деле РГАДА 1578 г. – «ево» – т.е. датского короля. – прим. М.Т.), вступаючися напрасно в нашу (в деле РГАДА 1578 г. – «государя») отчину в Лопскую землю»²¹. Таким образом, в соответствии с точкой зрения русской стороны, Старый Варгав должен был располагаться значительно западнее Варгава Нового – на рубеже, отделяющем Лапландию от Норвегии, на что указывает фраза «на рубеже Норвежские земли». Этим аргументом русская сторона попыталась предъявить претензии на западную часть Лапландии – Финнмарк, находившийся под преимущественным контролем датской администрации. По-видимому, это был зеркальный дипломатический ответ на попытки датской стороны предъявлять претензии на Мурманскую и Печорскую землю. Претензии датской стороны на Печорскую землю были не случайны. В Западной Европе ценилась пушнина, а лучшие охотничьи угодья простирались восточнее Белого моря, и европейцам было выгоднее двигаться в ту сторону²².

Аргумент 7: царь не упоминает в переписке села Кандалакша, Ковда, Кереть, Варзуга, Умба (см. карты в приложениях),

потому что эти села, по словам царя, не относятся к Лапландии, они подчинены Новгороду с Двинской землей²³.

Аргумент 8: такого никогда не было, чтобы норвежские короли собирали дань с Мурманской или с Печорской земли, потому что эти земли были отдаленными и не могли принадлежать норвежцам²⁴.

Далее Федор Иоаннович в упомянутой грамоте заявил о согласии направить своих послов в Лапландию к 1 июля 1586 года для встречи с датскими уполномоченными. В соответствии с предложением Федора Иоанновича каждая группа уполномоченных судей, направлявшихся в Лапландию, должна была иметь до двухсот человек сопровождения. При этом Федор Иоаннович предлагал, чтобы русские и датские послы, собрав необходимые материалы, заключили лишь предварительное соглашение о разграничении, после чего датские дипломаты должны были отбыть в Данию, а русские послы – в Двинскую землю. В соответствии с предложением царя, после того как датские послы известят Фредерика II, а русские послы проинформируют государя о результатах лапландских изысканий и переговоров, королю нужно будет направить в Россию своих великих послов для заключения обновленного договора (докончания), содержащего наравне с прочим статьи о разграничении в Лапландии²⁵. При этом Федор Иоаннович уверил короля, что русским людям в Лапландии будет приказано жить в мире с подданными датского короля на период ведения переговоров²⁶. Также Федор Иоаннович в своей грамоте в ответ на просьбу Фредерика II о возобновлении международного торгового дела в Коле сообщил, что вся торговля из Колы переносится в новый Двинский город (Архангельск), куда датские и норвежские купцы могут свободно приезжать и торговать всякими товарами²⁷. Данная мера была предпринята русской стороной, чтобы переместить торговый пункт восточнее – в более безопасное место.

Вместе с царской грамотой в марте 1586 года была составлена специальная «опас-

ная» грамота для датских дипломатов, по которой они могли свободно прибыть в Колу на место переговоров и беспрепятственно отбыть домой в любое время. Примечательно, что в этой «опасной» грамоте также упомянуты важные географические ориентиры. В грамоте сказано, что датским и русским послам дозволяется свободно съехаться между принадлежащей государю Колой и принадлежащим королю Варгавом: «... на съезд с нашими послы межь нашии отчины Колы в Лопской земле и межь твоего города Варгава ...»²⁸. В «опасной» грамоте не указано, какой Варгав имеется в виду – Старый или Новый. Предполагаем, что имелся в виду именно Новый Варгав (по русской терминологии), располагавшийся у Варангер-фьорда, поскольку вместе с ним в паре упоминается Кола. Также вместе с царской грамотой в марте 1586 года была составлена еще одна «опасная» грамота – для свободного проезда великих датских послов в Москву²⁹ на переговоры о заключении окончательного русско-датского договора (докончания).

Подготовка к пограничному съезду

В 1586 году в Колу на пограничный съезд с датскими уполномоченными были направлены князь Иван Михайлович Борятинский в чине дворянина и наместника козельского, Григорий Борисович Васильчиков в чине дворянина и наместника болховского и подьячий Иван Максимов. В качестве сопровождения с русскими послами были отправлены «для береженья» пять дворян из Ярославля, пятьдесят московских стрельцов с сотником, двадцать донских казаков с атаманом³⁰. И.М. Борятинский принадлежал к знатному княжескому роду, имел военный опыт, полученный в том числе во время Ливонской войны. В разные годы И.М. Борятинский был головой в полку, вторым воеводой полка левой руки, вторым воеводой в сторожевом полку³¹. Другой посол, Г.Б. Васильчиков, также принадлежал к знатному роду и занимал видное положение в госу-

дарстве. В марте 1573 года он был отмечен службой по Государеву Двору с окладом в 50 рублей. В 1575 году родственница Г. Васильчикова, Анна Васильчикова, стала женой Ивана Грозного. В 1583 году Васильчиков служил в Балахне осадным головой. В последующие годы Григорий Васильчиков будет активно участвовать в дипломатической жизни страны³². Необходимо отметить, что в свое время Г.Б. Васильчиков являлся кольским воеводой, поэтому он был отлично знаком с ситуацией, сложившейся в лапландских землях. Таким образом, на переговоры с датскими уполномоченными были направлены весьма знатные люди, обладавшие богатым опытом военной и государственной службы, что, в свою очередь, говорит о серьезном отношении русского правительства к обсуждению спорных лапландских вопросов.

Русским послам поручалось обсудить с датскими уполномоченными два основных варианта установления границ в Лапландии. **Первый вариант** предполагал сохранение общего лапландского округа и одновременно установление государственной границы. В соответствии с этим вариантом русским уполномоченным судьям было поручено проложить государственную границу в Лапландии, которая разделяла бы владения датского короля и царя, по реке Полной между Колой и Варгавом. При этом западный налогооблагаемый рубеж, отделявший Лапландию от Норвегии, должен был проходить по реке Ивгей (см. карту в приложениях). Вот небольшая выдержка из инструкции, составленной для русских послов: «велено им по договору з дацкими послы положить в Лопской земле рубеж меж Малмюса, то есть Колы волости, и меж Варгава река Полная, а с норвецкою землею рубеж лопской земли стариной Ивгей»³³. Для более четкого понимания этого небольшого отрывка нам необходимо соотнести его содержание с другим не менее важным для нас источником – жалобой данщика Ефима, составленной несколькими десятилетиями ранее – в 1559 году³⁴. При рас-

смотрении этой жалобы в интересующей нас плоскости можно сформулировать два основных пункта, дающих представление о форме и конфигурации русско-норвежского пограничья в Лапландии.

Пункт 1. Единая граница между владениями русского государя и датского короля. В рамках этого пункта можно отметить несколько моментов:

- В самом начале своей жалобы даньщик Ефим упомянул о некотором рубеже датского короля: «... твое цареве дела твое государеве данщицишко лопское Мурманского моря, датцкого короля рубежа, Ефимко Онисимово сынишко»³⁵. Исходя из общего содержания грамоты можно отметить, что даньщик Ефим находился в районе Варенгского залива поблизости от «датцкого короля рубежа». В своей жалобе даньщик обратился к царю с просьбой потребовать от датчан дозволения о свободном пропуске русских людей для промысла на территорию западнее Варенгского залива³⁶. Таким образом, даньщик Ефим свидетельствует о наличии границы в районе Варенгского залива, за которой начинаются территории, контролируемые датской администрацией.

- Далее в жалобе даньщик Ефим упомянул о том, что в Варенгском заливе есть река под названием Полная. Сборщик дани отметил, что половина этой реки была занята датчанами: «Есть, государь, в твоей государеве отчине на Мурманском море, в Варенской губе, река, рыбная ловля, а имя ей Полная река. И ту, государь, Полную реку прежь сего ловили лопляне Варенские волости ... А нынеча, государь, датцкого короля немцы тое реки половину за себя отняли»³⁷. Этот фрагмент документа свидетельствует о том, что граница проходила по той самой Полной реке, в районе Варенгского залива. Для лучшего понимания было бы желательно идентифицировать реку Полную с каким-либо современным географическим объектом, но здесь мы сталкиваемся с проблемой. Датский историк Дж. Х. Линд считает, что соотнести Полную реку с какой-либо реальной рекой

невозможно, поскольку название «Полная река» использовалось в русских документах в качестве неких общих обозначений для разных водных географических объектов, располагавшихся в районах, прилегающих к Северному Ледовитому океану, а также на территории Финляндии. В связи с этим Дж. Х. Линд предполагает, что название «Полная река» могло применяться по отношению к целой водной системе, которая в нашем понимании термина рекой не является³⁸. На данный момент мы можем для себя отметить лишь то, что рассматриваемая нами граница располагалась в окрестностях Варангер-фьорда (точнее – в районе его западной оконечности).

- В жалобе сборщика дани сказано о городке Варгав, через который датчане не пропускали государевых людей: «Да у тех жо, государь, датцких немец приезной городок Варггав на волоке стоит на море на острову, и мимо, государь, тот свой городок не пропускают те немцы твоих государевых всяких людей в судах в малых и в лодьях на Теную реку промышляти»³⁹. Варгав (Вардехус, совр. Вардё) – небольшой городок на острове у северной стороны Варангер-фьорда (Варенгский залив). Вардё является одним из старейших норвежских поселений, основанных на рубеже с русскими владениями в Лапландии. С самого своего основания одним из основных предназначений этого города являлось сдерживание русского продвижения на Крайнем Севере⁴⁰. Во времена Датско-Норвежского государства эта функция Варгава продолжала играть важную роль в жизни города, здесь находилась датская администрация, осуществлявшая пограничный контроль и управление прилегающими территориями.

Исходя из вышесказанного мы можем предполагать, что рубеж, который предлагалось утвердить по реке Полной в районе западной оконечности Варангер-фьорда, являлся той самой «политической» государственной границей, разделявшей преимущественные интересы двух соседних государств.

Пункт 2. Общий налогооблагаемый округ. В рамках этого пункта можно отметить два момента:

- В рассматриваемой жалобе сборщик дани Ефим упоминает еще один рубеж с владениями датского короля, проходивший по реке Ивгей: «... твои, государь, данщики ходят дани брати за Теную реку и до Ивгея, до твоей, государь, русские межи тысячу верст, которая межа з датским королем»⁴¹. В отличие от Полной реки, мы можем точно идентифицировать реку Ивгей (см. реку Ивгей на карте в приложениях). Эта река на современных картах обозначена как Ivgojohka (на карте Google) или Skibotnelva (на карте Яндекс). Ивгей-река впадает в Люнген-фьорд, расположенный на севере Норвегии в окрестностях города Тромсё (см. карту в приложениях). Теную реку следует соотнести с рекой Тана (Танаэльв), протекающей немного западнее Варангер-фьорда (Варенгский залив). Примечательно, что русский сборщик дани назвал Теную реку, протекающую за Варенгским заливом, государевой отчиной⁴². Но как государева отчина могла располагаться западнее Варенгского залива, на территории, находившейся под преимущественным контролем датского короля? Датчане использовали свое название для обозначения этих территорий – Финнмарк. По мнению данщика Ефима, царь обладал в Финнмарке определенными правами. Но какими? Ответ на этот вопрос кроется в функции, которую выполнял рубеж, располагавшийся по реке Ивгей. Данщик Ефим четко указал на назначение данного рубежа, упомянув, что до реки Ивгей ходили русские сборщики дани. Таким образом, мы можем зафиксировать примерные очертания конфигурации русско-норвежского пограничья в Лапландии: в районе Варенгского залива находилась русско-норвежская «политическая» граница, разделявшая основные полномочия соседних государств, а к западу от Варенгского залива, то есть на территории, находившейся под преимущественным контролем Датско-Норвежского государства, в

районе реки Ивгей и Люнген-фьорда находился западный рубеж, до которого доходили русские сборщики дани. Таким образом, мы можем говорить о существовании в Лапландии общего русско-датского налогооблагаемого округа в тех или иных пределах.

- Рассматриваемая жалоба русского сборщика дани не содержит какой-либо информации о восточных рубежах общего округа, до которых могли доходить датские данщики. Мы можем почерпнуть из жалобы лишь то, что «лопляне Варенские волости» точно попадали под действие общего округа⁴³. Упомянутая нами выше инструкция (наказ) 1586 года для русских послов, направлявшихся в Колу, также не содержит каких-либо упоминаний относительно установления восточного рубежа общего налогооблагаемого округа. При этом разбег между датскими интересами и интересами русской стороны по поводу пределов общего округа был значительный. Так, в 1585 году царь Федор Иоаннович, не желая признавать за датчанами право сбора дани с Кольского Севера, указывал в своих грамотах на то, что датчане собирают дань с лопарей Кольского полуострова вопреки прежним обычаям⁴⁴. Мы с уверенностью можем сказать, что по крайней мере в последние десятилетия XVI века датские сборщики дани точно собирали дань с лопарей Кольского полуострова⁴⁵ и русская часть Лапландии, таким образом, была вовлечена в общий русско-датский округ, из чего следует, что восточный рубеж русско-датского дистрикта в тот период времени фактически находился на территории Кольского полуострова. Вместе с тем на данный момент достаточно сложно судить о том, насколько Кольский полуостров был вовлечен в действие общего налогооблагаемого округа в остальные периоды XVI века.

В случае отказа датских уполномоченных обсуждать установление общего русско-датского дистрикта, западный рубеж которого проходил бы по реке Ивгей, русские послы должны были предложить **второй основной вариант** разграничения.

Этот вариант предполагал создание некой общей территории, но в значительно меньших размерах. Западной границей этой территории должна была стать река Тенуй, а восточным рубежом – река Полная. Вот что сказано в инструкции относительно составления предполагаемой договорной записи по второму варианту разграничения: «А будет дацкие послы по Ивгеи рубежей чинити да говорити о том не похотят ... и послом (русским. – прим. М.Т.), расписав именитые урочища меж Тенуя и Ивгоя, статьи на две и на три поступатися в королевую сторону по статье, а последне по Тенуй реку, а болши того не поступати, а в договорную запись написать (русским. – прим. М.Т.) послом в свой рубеж Тенуй реку, а дацким послом дати на волю в свою им запись писати рубеж Полную реку»⁴⁶. Расстояние между рекой Полной и рекой Тенуй недостаточно большое, чтобы считать его общим налогооблагаемым дистриктом – обе реки протекают в одной окрестности. Вполне возможно, что пространство между рекой Полной и рекой Тенуй должно было выполнять функцию государственной границы, и, следовательно, этот вариант разграничения предполагал установление одной границы, не сосуществующей с рубежами общего налогооблагаемого округа в Финнмарке. Таким образом, русская сторона в качестве крайней меры готова была уступить право сбора дани на территории до Ивгей-реки, чтобы урегулировать спорный вопрос с Копенгагеном. В случае дальнейшего несогласия датской стороны и возникновения новых споров русские послы должны были отложить переговоры и разъехаться с датскими уполномоченными судьями, уведомив об этом государя⁴⁷.

С датской стороны на пограничный съезд в Лапландию были назначены Христиан Фрис, Лоренц Крус, капитан Норман, Симон фон-Салинген. Надо сказать, что датская сторона тоже тщательно готовилась к пограничному съезду и случайных людей для этого дела не назначала. К примеру, капитан Томас Норман был отлично

знаком с регионом и не раз выполнял важные государственные поручения, а Симон фон-Салинген являлся опытным путешественником и настоящим знатоком Крайнего Севера. К слову, именно он составлял перечень и формулировал аргументы, которыми пользовалась датская сторона, а также подготавливал отчеты о Лапландии. В мае 1586 года от имени короля для датских уполномоченных послов была составлена инструкция для ведения переговоров. В соответствии с королевской инструкцией датские дипломаты должны были подтвердить права короля на всю территорию Лапландии, включая Кольский полуостров, а также потребовать выплаты дани в пользу датской короны со всех жителей Лапландии. В случае, если бы русские послы начали предлагать свой вариант разграничения, датские судьи не должны были соглашаться с ним, им следовало выразить решительный протест⁴⁸. Думаем, что такой вариант инструкций вряд ли позволил бы прийти сторонам к согласию. Тогда же, в королевской грамоте от 27 мая 1586 года, Фредерик II уведомил царя об отправке в Лапландию своих уполномоченных судей для участия в пограничном съезде, однако король сообщил, что не намерен на данном этапе направлять своих послов в Москву, по крайней мере до тех пор, пока в вопрос о разграничении Лапландии не будет внесена ясность⁴⁹.

Неудачная попытка встретиться на пограничном съезде

Сразу нужно сказать, что съезд пошел не по запланированному сценарию. Первыми на место прибыли датские уполномоченные судьи, однако русских послов в Коле не оказалось, к намеченному сроку они не явились. В итоге датские дипломаты не дождались русских послов и выдвинулись в обратный путь⁵⁰. Перед отбытием датские уполномоченные составили протест (от 24 июля 1586 года), адресованный кольскому воеводе Адриану Григорьевичу

Ярцеву, по поводу неявки русских послов к сроку, протест был засвидетельствован двумя англичанами, находившимися тогда в Коле⁵¹. Русские уполномоченные судьи, прибыв в Колу с опозданием, не застали убывших датских послов и были вынуждены возвращаться, не проведя переговоров. Русское посольство вернулось в Москву 6 ноября 1586 года⁵². Позднее царь Федор Иоаннович в переписке с датским королем объяснял опоздание своих послов тем, что они задержались в пути из-за болезни князя И.М. Борятинского и из-за сильных встречных ветров: «и мы посылали на съезд в Колу волость послов наших, дворянина и наместника козелского князя Ивана Михайловича Борятинского с товарищи ... А наши послы были уж от Колы блиско, а замешкали за тем, что один посол, князь Иван, розболелся, а се на море было нестроенье великое, ветры противные»⁵³. Федор Иоаннович писал, что уполномоченные люди в Коле говорили датским судьям о скором прибытии русских послов, однако датские дипломаты покинули Колу. Более того, как отмечал Федор Иоаннович в своей грамоте, когда русские послы прибыли в Колу, они отправили сообщение в Варгав о своем прибытии, но датские уполномоченные не стали возвращаться⁵⁴.

Таким образом, пограничный съезд, намечавшийся на 1586 год, не состоялся. Однако было бы ошибкой считать, что подготовка к переговорам прошла безрезультатно. В процессе подготовки русская сторона значительно укрепила свою аргументацию и структурировала представления о конфигурации русско-норвежского пограничья. Кроме того, русские послы привезли из Лапландии важные сведения, которые в дальнейшем активно использовались во время последующих переговоров. Так, старые даньщики рассказали послам, что они хорошо знают лапландскую землю вдоль морского берега за городом Варгавом более чем на тысячу верст до волости Ивгей, где собирали дань на государя. Эти же даньщики собирали государеву

дань и вверх по реке Тенуй. Они утверждали, что «есть ведомо, что рубеж государеве земли з дацкого короля землею река Полная»⁵⁵. Также местные даньщики сообщили, что они слышали от старожил легенду, будто Лапландия подчинилась Русскому государству с тех пор, как ее завоевал карельский военачальник Варент (он же – Валит, он же – Василий в крещении). Варент основал город и назвал его своим именем – Валитово городище. Этот город располагался в сорока верстах за Печенгским монастырем, а Варенгская губа (Варенгский залив) названа в честь него же⁵⁶. Поначалу, как сообщили русским послам старожилы, лапландцы выплачивали дань этому Валиту с карелами, а затем Валит передал в подчинение лапландские земли государю Ивану Васильевичу (видимо, Ивану III), и с тех пор лапландцы выплачивают дань на русского государя. Первое межевание в Лапландии, по словам старожил, произошло как раз при Валите, и проходила граница по реке Полной. В 7080 (1571/1572) году, как сообщили даньщики, царские люди уже проводили расспросы старожил о границе, и тогда местные жители говорили, что граница с владениями датского короля проходит по той же Полной реке, и та река Полная находится в 15 верстах за Варенгской волостью по направлению к городу Варгаву. Старожилы, однако, заявили, что не помнят, как давно Валит подчинил лапландцев и когда произошло размежевание территории с «немцами», потому что это было давно. При этом дань лапландцы дают на обе стороны – царю и датскому королю исстари «дед от прадед»⁵⁷. Вся эта информация была взята на вооружение русской дипломатией, она активно использовалась при отстаивании прав в рамках продолжавшегося лапландского вопроса. В последующие годы между Копенгагеном и Москвой проходили новые посольства для обсуждения разграничения в Лапландии, и не раз предпринимались попытки организовать новый пограничный съезд на Крайнем Севере.

Приложение 1. Карта

Приблизительная область границы между Русским государством и Датско-Норвежским королевством у Варангер-фьорда

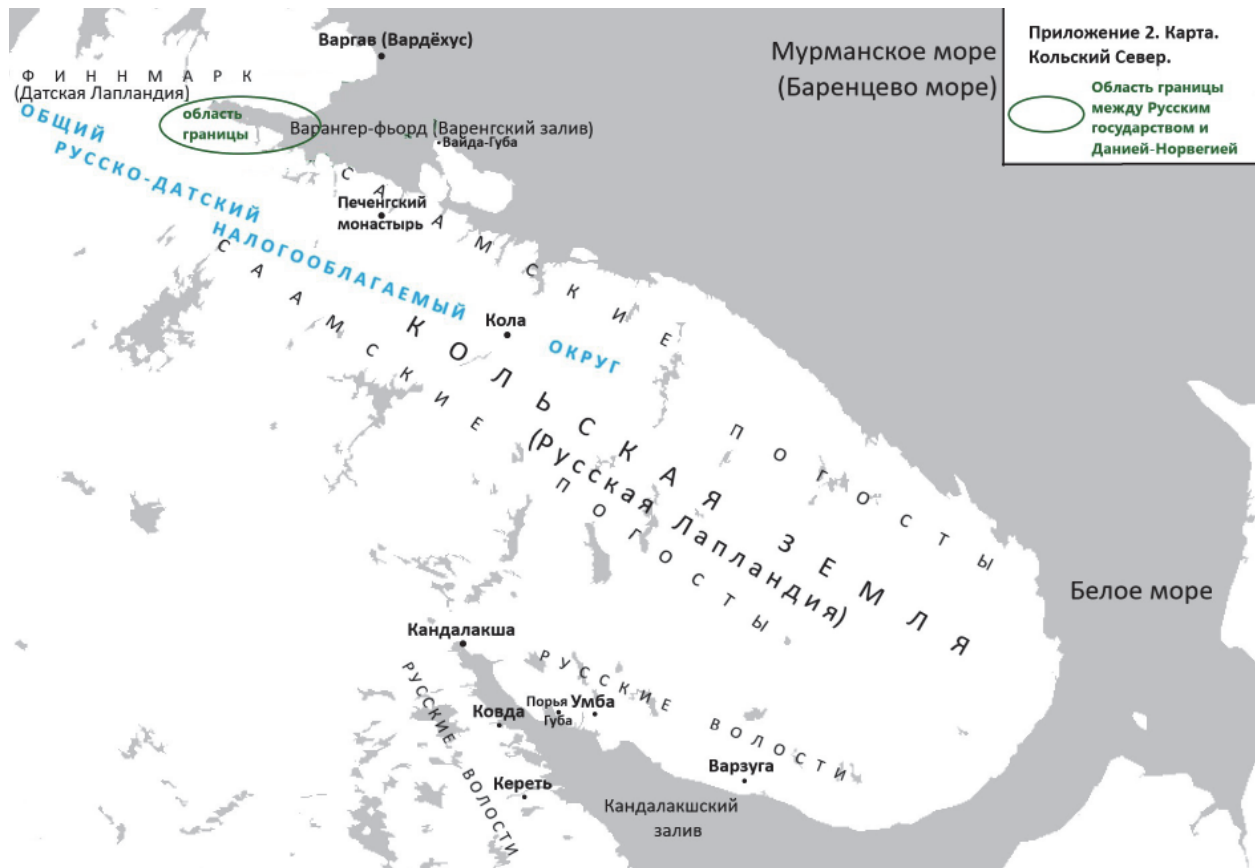

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лапландия (в широком смысле) – обширный историко-географический и культурный регион на территории Кольского полуострова и северной части Скандинавии. Лапландия является исконной территорией проживания для саамов; располагается на территории северных регионов современных Норвегии, Швеции, Финляндии и России (Кольский полуостров, Мурманская область).
- ² Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т.14. С.54–55; Он же. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России, IX–XX вв. Л., 1970. С. 47.
- ³ Шаскольский И.П., Возгрин В.Е., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам

дани в Лопской земле // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И.П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 42.

- ⁴ Линд Дж. Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. №6(16). С. 141–143; Lind J. The Tsar's Patrimony and the Duplication of Vardø-Vargav (Borders at the Arctic Ocean and Levels of Information in the Late Middle Ages and Early Modern Times) // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 245.
- ⁵ Федоров П.В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. №26. С. 60.
- ⁶ Ушаков И.Ф. Кольская земля. Очерки истории

Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 28.

⁷ Pape C. Three Forgotten Border Treaties: Implications for Our Understanding of the Medieval Russian-Norwegian Frontier // *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders* / Ed. by Tatjana N. Jackson and Jens Petter Nielsen. Moscow, 2005. P. 29–39.

⁸ Hansen L.I. The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times // *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders* / Ed. by Tatjana N. Jackson and Jens Petter Nielsen. Moscow, 2005. P. 58.

⁹ Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым (далее – Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев) // *Русская историческая библиотека* (далее – РИБ). Т.16. СПб., 1897; Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. / Собр. Ю.Н. Щербачев (далее – Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев). // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете* (далее – ЧОИДР). М., 1893. Кн.1.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.53. Оп.1. Д. 2, 1578. Л. 29–38; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год) в 4 ч. М.,

1894–1902. Ч.1. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. С.212.

¹¹ РГАДА. Ф.53. Оп. 1. Д. 2, 1578. Л. 29–31.

¹² РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578. Л.34; Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. №464 (418), Грамота короля Фредерика II к царю Федору Ивановичу. 17 декабря 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129; Об этой позиции Фредерика II также упомянуто в ответной царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, Царская грамота к датскому королю Фредерику II. Март 1586 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 225–228.

¹³ Об этой позиции Фредерика II упомянуто в ответной царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, Царская грамота к датскому королю Фредерику II. Март 1586 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 231.

¹⁴ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.39–43; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.225–238; Датский архив. / Собр. Ю.Н. Щербачев. §465(419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129.

¹⁵ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.227; См. об этой грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. §465(419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С.129.

- ¹⁶ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.39; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 229.
- ¹⁷ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.40; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 229.
- ¹⁸ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.40; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 229.
- ¹⁹ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.40; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 229–230.
- ²⁰ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.41; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 230.
- ²¹ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.41; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 230.
- ²² Кристенсен С.О. Датско-русские связи в период 1602–1658 годов // Дания и Россия – 500 лет / Под ред. Л.П. Поульсена-Хансена, пер. с дат. М. Тюриной. М., 1996. С. 38–39.
- ²³ РГАДА. Ф.53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 41–42; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 231.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 42; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 231.
- ²⁵ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.232–235; См. также: Датский архив. / Собр. Ю.Н. Щербачев. §465(419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129.
- ²⁶ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 235.
- ²⁷ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.42–43; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.235–236; См. также: Датский архив. / Собр. Ю.Н. Щербачев. §465(419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129.
- ²⁸ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №58, Опасная грамота на приезд датских послов для определения спорных рубежей между Лопской землей и городом Варгавом, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.237–238; См. об этой опасной грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. §466(420), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129–130.
- ²⁹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №59, Опасная грамота на приезд в Москву датских великих послов, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.237–240; См. об этой опасной грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. §467(421), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 130.
- ³⁰ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.43–44; См. также: Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С.212.
- ³¹ Русский биографический словарь. Том II. Алексинский–Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 544–545.
- ³² Славянская энциклопедия. XVII век: в 2т. Т.1. А–М. / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2004. С. 223.
- ³³ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.44; См. об этом также: Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 212.
- ³⁴ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №17. Жалоба на датчан, стесняющих рыбный промысел на Мурманском море, 1559 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 51–54.
- ³⁵ Там же. Стб. 52–53.
- ³⁶ Там же. Стб. 53–54.
- ³⁷ Там же. Стб. 53.
- ³⁸ Линд Дж. Х. Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля свейского Магнуша» по шведским и русским источникам // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С.220–222.
- ³⁹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №17, 1559 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.53.
- ⁴⁰ Niemi Einar. Finnmark County // Encyclopedia of The Barents Region. Vol.1. (A–M) / Editor-in-chief Mats-Olov Olsson. Oslo, 2016. P.234.
- ⁴¹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №17, 1559 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.53–54.
- ⁴² Там же. Стб. 53.
- ⁴³ Там же. Стб. 53–54.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578. Л.20–23; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №55 (№56 по оглавлению), август 1585 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.221.
- ⁴⁵ См. об этом: Документ №27. «Роспись лопарским погостам», 1623–24 г. // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 55–64.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 44–45.
- ⁴⁷ Там же. Л. 45.
- ⁴⁸ Датский архив. / Собр. Ю.Н. Щербачев. §469(423), 27 мая 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 130. Этот вариант инструкции был утвержден королем, но впоследствии забракован; не исключено, что в инструкцию были внесены какие-то изменения, но нам не удалось обнаружить другого варианта этого документа.
- ⁴⁹ Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. §470(424), 27 мая 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 131.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.45–46; Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С.212.
- ⁵¹ Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев.

- §471(425), 24 июля 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 131.
- ⁵² РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.45; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С.212.
- ⁵³ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 60, Царская грамота к датскому королю Христиану IV, июль 1590 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.242–243.
- ⁵⁴ Там же. Стб. 243.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л. 46.
- ⁵⁶ Там же. Л. 46.
- ⁵⁷ Там же. Л. 47–48.

RUSSIAN AMBASSADORS IN LAPLAND IN 1586

© 2022 M.V. Tolkachev

Samara Federal Research Scientific Center of Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the case related to the history of diplomatic relations between the Moscow state and Denmark-Norway. The sending of Russian ambassadors to the Far North in 1586 was associated with the aggravation of the so-called Lapland dispute, a territorial dispute between Russia and the Danish-Norwegian state in the European Arctic region. The author examines the prerequisites for sending ambassadors, the circumstances associated with the embassy, as well as the facts reflecting the configuration of the Russian-Norwegian border.

Keywords: Lapland, Norway, Far North, border, boundary, borderland, negotiations, ambassadors, charter.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-61-73

УДК93/94.271.2

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРАВОСЛАВНЫХ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ (1741-1761 гг.)

© 2022 М.Ю. Анисимов

Институт Российской истории РАН, г. Москва

Статья поступила в редакцию 20.08.2022

С первых месяцев правления Елизаветы Петровны русский двор предписывал своим дипломатам в Дрездене и Варшаве выступать с представлениями в защиту прав православных в Речи Посполитой. Их права нарушались насильственным отнятием церквей и обращением в унию с католичеством самих православных, а также притеснением православных католическими магнатами, шляхтичами и священнослужителями. Из четырех православных епархий Речи Посполитой в 1686 г., которые польские власти обязались защищать, к 40-м годам XVIII века осталась только одна – Белорусская епархия. Королевский двор Августа III издавал распоряжения по российским жалобам, но в силу республиканского устройства Речи Посполитой король не имел власти предписывать польским дворянам. Польский сейм, главный орган власти в Речи Посполитой, мог принять обязательные для всех решения, но его работа в XVIII веке была парализована внутренними раздорами магнатов. Принять какое-либо решение сейм был не в состоянии. Попытка организации в соответствии с польскими законами специальной комиссии по разбору жалоб православных не удалась. Российскому правительству оставалось только убеждать конкретных обидчиков православных в нежелательности подобных действий, но эти действия тоже не приносили результатов. Успехом русской дипломатии стало только сохранение православной Белорусской епархии от передачи в унию в связи с необходимостью для Дрездена и Варшавы русской защиты от возможной агрессии Пруссии в 1742 и 1756 гг. В это же время в среде самих православных Речи Посполитой росло недовольство как собственным бесправным положением в стране, так и бесполезностью только дипломатических методов их защиты со стороны русского двора.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, русско-польские отношения XVIII в., история Белоруссии XVIII в., диссидентский вопрос, Речь Посполитая.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-74-87

Проблема положения православных (и в целом религиозных диссидентов) в Речи Посполитой была одной из основных проблем, в итоге приведших к исчезновению шляхетской республики во времена Екатерины II в результате разделов Речи Посполитой.

Предпосылки появления этой проблемы и ее развитие относятся к предыдущему периоду русско-польских отношений, в частности к временам правления императрицы Елизаветы Петровны. Русско-польские отношения этого времени - в целом мало-

изученная тема. В 1795 г., после Третьего раздела Речи Посполитой, Н.Н. Бантыш-Каменский составил из материалов архива Коллегии иностранных дел отдельную книгу (впервые опубликованную в 1815 г.), которая представляет собой хронологический перечень жалоб польских православных на факты их притеснения от времен возникновения унии, включая и эпоху российской императрицы Елизаветы Петровны¹. С дипломатической перепиской елизаветинской эпохи между Дрезденом, Варшавой и Петербургом работал С.М. Соловьев для своей многотомной «Истории России с древнейших времён», отметив в своей работе, что «бесконечное дело о притеснении

Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра «Россия в международных отношениях».
E-mail: anisimovm@list.ru

ях православных католиками и униатами, дело чрезвычайно трудное»². Со времен С.М. Соловьёва интерес к дипломатической переписке между Петербургом, Дрезденом и Варшавой в 40-60-е гг. XVIII в. практически не проявлялся. В польской историографии проблема прав православных зачастую просто не признается. Например, исследовательница З. Зелиньска описывает инструкцию к российскому посланнику в Варшаве графу Г.К. Кейзерлингу 1763 г., в которой была упомянута защита прав православных «от обид, нанесенных якобы (rzekomo) поляками православию»³. Современный российский историк Л.М. Аржакова посвятила свои работы борьбе с мифами и стереотипами в отечественной историографии о причинах разделов Речи Посполитой, к числу которых автор относит и диссидентский вопрос⁴.

Какую же роль в действительности сыграл в русско-польских отношениях и в судьбе Польши в целом диссидентский вопрос в свете защиты прав православных русской дипломатией? Каковы были предпосылки решения этого вопроса при Екатерине II?

Наказы о защите прав православных отправляются в Дрезден, к посланнику при королевском дворе (польский король Август III одновременно был курфюрстом Саксонии и большее время проводил в Дрездене) барону Г.К. Кейзерлингу, и в Варшаву, к резиденту Петру Голембиовскому, с первых месяцев восшествия на престол Елизаветы Петровны. 16 августа 1742 г., резюмируя прежние жалобы, к Кейзерлингу был отправлен очень пространный рескрипт о том, что оба дипломата уже получали представления о «на православные греко-российского исповедания в Литве в тамошних епархиях церкви и обывателей весьма несносных и Вечному мирному трактату (1686 г. – М. А.) противных обидах и гонениях, и утеснениях, насильным отнятием поляками на унию церквей, воспрещением вновь вместо сгоревших церквей строением, принуждением людей в римский закон и всякими при том произведенными разорениями, мятежами и смер-

тоубивствами», и ныне Кейзерлингу напоминалось, чтобы он стремился прекратить такие практики в Речи Посполитой. Прежние представления дипломатов польско-литовским официальным лицам не произвели никакого впечатления на утеснителей, «но и паче такие прежние поступки и утеснения беспрестанно умножаются», а угнетаемые православные жалуются на это в Петербург. От лица самой императрицы рескрипт сообщал посланнику: «И понеже мы как по совести и должности христианской, так и для должного же содержания и сохранения свято постановленного Вечного мирного трактата⁵ себя весьма обязанную признаваем». Такие насилия бесчеловечны, православные лишаются божественных служб, то есть средств к душевному спасению, и это при том, что права православных защищают и международные договоры, и внутренние привилегии и вольности Речи Посполитой. Мучения «над людьми одного с нами (т.е. с Елизаветой Петровной. – М. А.) исповедания и для гонения того самого исповедания чинятся», поэтому вопрос их прекращения так важен, и императрица обязана встать на защиту своих единоверцев. Прежние распоряжения о защите православных подтверждаются этим рескриптом, и Кейзерлингу в этом деле велено «стоять вам наикрепчайше»⁶.

Судя по тексту рескрипта, православные Речи Посполитой сами принесли жалобы в русскую столицу, прежде всего в Синод, и они упали на благодатную почву. Елизавета Петровна, известная ревнительница православия, восприняла эти жалобы как свое личное дело, от решения которого она не может уклониться, и именно ее долг – защитить своих единоверцев, которые из-за действий католиков лишаются надежд на вечную жизнь – ведь им невозможно совершать богослужения. И с этой поры защита прав православных в польско-литовском государстве становилась одной из главных задач российских дипломатов.

В то время, когда готовился рескрипт Кейзерлингу, тот уже сам получил письмо от священника русской посольской церкви в

Варшаве иеромонаха Сильвестра Коховского, передавшего ему жалобы православных. Посланник 26 августа сделал письменное представление об этих жалобах королю Августу III, тот был возмущен и обещал сделать все необходимое для пресечения подобного отношения к части своих подданных. Через месяц Кейзерлинг передал королю грамоту Елизаветы Петровны об отзыве главы единственной православной епархии в Речи Посполитой – епископа Белорусского Иосифа Волчанского, которого переводили в Россию в качестве архиепископа Московского и Владимирского. Король Август III снова заявил, что с его стороны будет оказано все необходимое содействие этому отзыву и назначению в Могилев нового епископа.

В декабре 1742 г. Кейзерлинг, реагируя на представления из Петербурга, снова подал жалобы православных королевскому двору. Опытный и умный дипломат прокомментировал пути решения проблем православных: «а между тем я не усматриваю, как и каким образом отсюда сему злу предупредительные меры взяты быть могут, ниже иной дороги и способа к тому не нахожу, как того, что уже в пактах конвентов⁷ дозволено и постановлено, а именно: чтоб комиссия учреждена была, которая благоосновательные жалобы исповедующих греческую веру, по их древнему праву привилегии и правам, прекратить, и сии таким образом право и сатисфакцию достигнуть могут»⁸. Кейзерлинг продолжал делать представления по конкретным фактам жалоб православных, их принимали при королевском дворе, но о каких-либо подвижках в этом направлении посланник сообщить не мог.

1 февраля русский двор отправил посланнику рескрипт с повелением узнать о судьбе королевского привилея о назначении нового белорусского православного епископа, которым должен был стать родной брат предыдущего, иеромонах Иероним Волчанский из Виленского Свято-Духова монастыря. 8 марта повеление добиться наконец получения этого привилея было повторено в новом рескрипте⁹.

22 марта (2 апреля) того же года Кейзерлинг сообщил, что литовский подканцлер князь Михаил Чарторыйский поставил его в известность о том, что привилей для Волчанского задержан королевским двором из-за представлений некоторых духовных и светских вельмож Речи Посполитой.

Кейзерлинг отреагировал незамедлительно, отправив ноту первому министру короля графу Г. фон Брюлю, упомянув, что Белорусская епархия существует и поддерживается русскими благодаря условиям русско-польского Вечного мира 1686 г. и многим пактам конвента. Брюль, принимая ноту, заявил посланнику, что королевский двор не в курсе этой возможной задержки. Как посчитал Кейзерлинг, Белорусскую епархию, последнюю в Речи Посполитой, католики хотели передать в унию и планировали утвердить на кафедре в Могилеве униата.

31 марта (11 апреля) Кейзерлинг получил официальный ответ на свою ноту от королевского двора, в котором утверждалось, что нужный Волчанскому привилей королем подписан без всяких задержек и, вероятно, невручение этой грамоты иеромонаху связано с самим литовским подканцлером Чарторыйским¹⁰. Кейзерлинг действительно узнал, что Чарторыйский не скрепил королевский привилей своей печатью как главное государственное лицо Великого княжества Литовского. Ответа от самого Чарторыйского относительно приложения печати к привилею Волчанскому Кейзерлинг так и не получил.

Только 22 ноября (3 декабря) 1743 г. Кейзерлинг сообщил о судьбе этого привилея – с литовской печатью он был прислан обратно королю, теперь препятствия для его опубликования и передачи Волчанскому не было. Однако первый министр граф Брюль сказал российскому посланнику, что король просит не упоминать об этом привилее до момента окончания сейма 1744 г., так как Август III опасается бури негодования польских магнатов и шляхты на сейме, что может навредить всем королевским планам на нем. Иероним Волчанский может уже начи-

нать работу в новом качестве главы епархии, но негласно¹¹. В начале 1744 г. привилей так и не был отдан, так как король ждал созыва сейма. Это возмущало русский двор, так как вручение привилея было исключительно королевским делом, не касавшимся сейма. Соответствующая промемория с указанием на то, что Речь Посполитая уже давно обязалась соблюдать свободу диссидентов, Иероним Волчанский – природный польский шляхтич, а короли и ранее всегда выдавали привилеи епископам по российским представлениям, была вручена в Петербурге польско-саксонскому посланнику барону Н.В. фон Герсдорфу 25 мая.

Кейзерлинг, работая по общим жалобам, разговаривал с самим королем Августом III о проблемах православных в Речи Посполитой, о чем сообщил в реляции от 10(21) декабря 1743 г. Август III, воспитанный матерью в протестантизме и перешедший в католичество в 16 лет, говорил посланнику, что он сам недоволен тем, чему подвергают в Речи Посполитой православных, и уже отправил множество повелений с требованиями прекратить притеснения, но результатов нет, поляки не слушают его, что «ослепленной в вере ревности, которая злоупотреблением вольности подкрепляется, приписать надлежит», и Август III считал, что только решение сейма, главного и полномочного органа Речи Посполитой, может изменить ситуацию¹².

19 ноября 1743 г. в Варшаву российскому резиденту Голембовскому российские власти писали очень эмоционально и впервые появились даже угрозы в отношении обидчиков православных. Снова констатируя бесполезность, несмотря на текст Вечного мира, прежних дипломатических представлений в защиту своих единоверцев (в минском православном монастыре монахам католики не разрешали починить крышу на погорелой церкви, в Дрогичине были под запретом православные процессии, их участников избивали на улицах, в Белоруссии православные церкви отнимали в унию), рескрипт от лица Елизаветы

Петровны писал, что эти притеснения, вопреки жалобам «паче от времени до времени наижесточайшим и немилосерднейшим, да и прямо Богу противным и ругательным образом умножаются», как будто быть православным – это быть преступником. Российская императрица воспринимает эти действия как личное оскорбление и гарантирует, что будет продолжать заступаться за своих единоверцев. При этом Россия может совместно со своими союзниками принять свои меры для помощи диссидентам, и союзники уже к этому готовы. Русский двор имел в виду соглашение с Пруссией о совместных действиях в случае необходимости защиты прав религиозных диссидентов Речи Посполитой – православных и протестантов, это соглашение было заключено с пруссаками еще Петром I в 1719 г.¹³. Сформулировав угрозу, текст рескрипта делает шаг назад и извещает, что это крайняя мера, которая может принести вред польско-литовскому государству. Поэтому меры воздействия русский двор оставляет прежними – дипломатическими представлениями уговаривать как власти Речи Посполитой, так и конкретных магнатов и шляхтичей прекратить притеснения православных¹⁴. Путь совместных действий с Пруссией, которая быстро превращалась в главного соперника России в Центральной Европе, был для Петербурга неприемлем – там прекрасно понимали, что прусский король Фридрих II готов под любым предлогом захватить западную часть Польши с большим количеством живущих там протестантов.

14(25) января 1744 г. относительно жалоб православных резидент в Варшаве Голембовский сообщил: «для доставления утешением их прежних вольностей всемерно потребно будет серьезно поступать, дабы хотя [бы] угрозами то получить, еже полюбными представлениями исходатайствовать едва ль возможно будет; о чем мои многократно королю поданные мемориалы, також и протчие представления и протчие токмо втуне учиненные домогательства довольно явствуют». Этот метод угроз поляк

Голембовский считал наиболее действенным в своей родине, отмечая, что король и польское министерство не рассылали грамоты с требованиями прекратить притеснения православных до тех пор, «пока ныне не удостоверились, что сие дело серьезнее становится». Голембовского не удивлял тот факт, что польские подданные обращаются за защитой к соседней стране – ожидаемо, что они правосудия «здесь в Польше найти не могут», польские канцлеры, если бы хотели, давно могли бы решить эту проблему, но они сами являются участниками насилия в отношении к православным. Пока же Голембовский велел православным монастырям записывать их жалобы и быть готовыми предъявить их в письменном виде по первой необходимости¹⁵.

Казалось, дело защиты прав православных сдвинулось с мертвой точки – 3(14) марта 1744 г. Голембовский сообщил, что получил письмо от краковского епископа, в котором тот заявлял, что «к исследованию сих жалоб о религии наперед комиссия учреждена быть имеет, точию сие прежде возвращения короля в Польшу учиниться не может»¹⁶.

Созыв официальной комиссии по разбору жалоб уже был серьезным достижением русской дипломатии, признанием польской стороной существования такой проблемы.

Пока официальная комиссия еще не была создана, для разбора жалоб православных в Дрогичине собралась своя местная комиссия, созванная луцким католическим епископом, на которую Голембовский отправил посольского иеромонаха Сильвестра Коховского. «Помянутая комиссия с великим криком чрез целые пять дней продолжалась»¹⁷, как отметил резидент со слов вернувшегося иеромонаха, и никакого результата дать не могла. Сам Коховский в мемориале русскому двору сообщил, что на комиссии отказались слушать свидетелей со стороны православных, одного из них запугивали угрозами как «богоотступника»¹⁸. В июне Голембовский сообщил, что комиссия в Дрогичине по-прежнему

не обращает внимания на свидетельские показания православных и вообще желала бы запретить в городе похороны по православному обряду¹⁹.

В январе 1744 г. в Петербурге был подписан союзный договор между Елизаветой Петровной и Августом III как саксонским курфюрстом. Это позволило обращаться к королевскому двору с жалобами на притеснения православных как к союзнику: «коль по единоверию нам таковые гонения в толь тесно союзном с нами государстве чувствительны»²⁰. Проблема защиты прав православных в Речи Посполитой не отходила на второй план даже в условиях стремительного обострения отношений в Центральной Европе.

Сейм 1744 г. ожидался как в Речи Посполитой, так и в столицах европейских государств с особым вниманием. В связи с быстрым ростом военного могущества Пруссии и явными интересами прусского короля Фридриха II в отношении как польского престола, так и польских земель, и саксонский двор, и польские магнаты хотели бы обеспечить защиту и своего положения, и своих территорий от пруссаков. На сейме должен был поднят вопрос об увеличении польской армии, а также поиска союзников при возможном вторжении в Речь Посполитую прусской армии. Лучшим из возможных союзников и Дрезден, и польские магнаты считали Россию. В России в это время тоже планировали как решить на сейме вопросы двухсторонних отношений, так и включить теперь уже и польско-литовское государство в свой союз с Саксонией и лично с польским королем Августом III.

Во время нахождения короля и Кейзерлинга в Варшаве посланнику удалось решить долгий вопрос о привилее для Иеронима Волчанского на могилевскую православную кафедру. В привилее содержались слова о том, что посвятить Иеронима в епископы должен находившийся во Львове предстоятель русской униатской церкви в Речи Посполитой Афанасий Шептицкий, имевший сан митрополита киевского и

всёя Руси. Для России было неприемлемо поставление православного епископа из рук униата, поэтому Кейзерлинг попросил короля издать рескрипт, чтобы Волчанский сам принял епископство, минуя униатов, и король это тут же сделал, явно желая добиться расположения русского двора в условиях прусской угрозы.

Сменившему Кейзерлинга новому российскому посланнику в Дрездене графу М.П. Бестужеву-Рюмину был отправлен рескрипт от 13 сентября 1744 г. В нем сообщалось, что в Петербурге заинтересовались вопросом, каким образом в Речи Посполитой исчезли упомянутые в Вечном мире 1686 г. три из четырех православных епархий – Перемышльская, Львовская и Луцкая, превращенные теперь в униатские: «в котором году и по какой причине оное учинено, яко о давнем деле здесь вскоре известия сыскать не мочно»²¹.

Особый интерес российской дипломатии к выяснению этого вопроса показывает и отдельное дело, в котором была сведена копия переписки по этому поводу.

Надеждой Петербурга на получение ответа был резидент в Варшаве, которому и был направлен соответствующий рескрипт. 26 января 1745 г. Голембовский доложил, что так и не смог узнать в Варшаве, кто, когда и каким образом передал три епархии в унию. Голембовский изложил те сведения, которыми он лично располагал, – Луцкая, Перемышльская и Львовская епархии были в униии уже во время правления короля Иоанна III, то есть Яна III Собеского, скончавшегося в 1696 г. Во время Северной войны Петр I, находясь в Луцке, уже имел дело с униатами, его попытки вернуть на кафедру православного епископа в итоге не удались, а после этого никаких перемен уже не было. Голембовский в реляции обещал продолжить расследование, но на этом дело об обстоятельствах перехода трех епархий в унию завершается. Вероятно, других сведений так и не удалось найти, в любом случае, давнее время этих событий уже не могло влиять на судьбу трех бывших православ-

ных епархий.

Можно сказать, что не все епархии официально перестали существовать как православные при Яне Собеском, но резидент не так уж и ошибся – именно при Яне Собеском и при его непосредственном участии (именно король утверждал епископов) во главе епархий оказались тайные униаты.

После Вечного мира 1686 г., потеряв большую часть православных подданных на Левобережье Днепра, польские власти и шляхта стали все более негативно относиться к православным Правобережной Украины, считая их неблагонадёжным элементом и стремясь вывести их из подчинения православного митрополита киевского, находившегося теперь в российских владениях, и передать их римскому престолу через принятие униии. Король утвердил епископом львовским Иосифа Шумлянського, а епископом перемышльским – Иннокентия Винницкого, тайных униатов.

В 1691 г., на пятый год после подписания Вечного мира 1686 г., в котором Речь Посполитая подтверждала существование и свободу православных епархий, Иннокентий Винницкий одновременно стал униатским епископом и объединил под своей властью православную и униатскую перемышльские епархии, а в 1694 г. окончательно прекратил сопротивление православных этому решению.

Львовский епископ Иосиф Шумлянський в 1694 г. на соборе духовенства своей епархии предложил перейти в унию, но получил тогда отпор и отложил идею. В 1700 г., после того, как католики обнародовали факт его личного перехода в унию, Шумлянський объявил о переходе епархии в унию. Попытки сопротивления части горожан Львова, не пускавшего его в свои церкви, были подавлены солдатами польской коронной армии, к которой епископ обратился за поддержкой.

Луцкая епархия при Яне Собеском тоже получила в епископы тайного униата, Афанасия Шумлянського, брата львовского епископа, но тот умер в 1694 г., так и не успев

ввести унию. Православные избрали новым епископом писаря Дмитрия Жабокрицкого за его строгие православные убеждения, но он был женат на вдове. Для получения сана он развелся и принял монашество с именем Дионисий, при этом его жена отказалась принимать монашество, что стало каноническим препятствием при его рукоположении в епископы киевским митрополитом, обратившимся за разрешением на поставление в епископы, ввиду исключительных обстоятельств, к московскому патриарху Адриану. Тот запросил мнение других православных патриархов и получил отказ от константинопольского и иерусалимского патриархов, предложивших Адриану найти нового кандидата в луцкие епископы. Жабокрицкий, уже не желая терять такое место, сам получил поставление от одного из подчиненных константинопольскому патриарху архиереев в Закарпатье и был запрящен в служении патриархом Адрианом. После этого Жабокрицкий начал переговоры о переходе в унию и сохранении за ним места епископа уже в униатской церкви. В 1701 г. он переводит епархию в унию, в 1702 г. униатский митрополит киевский назначил его епископом луцким. Дионисий Жабокрицкий недолго им оставался – в 1709 г. его по обвинению в вероотступничестве и связях с Мазепой и шведами арестовал Петр I, находившийся тогда в Луцке, и Жабокрицкий умер в заключении в Москве. Однако епархию вернуть уже не удалось²².

России оставалось заботиться только о последней епархии, упомянутой в Вечном мире 1686 г. и единственной из четырех, находившейся на территории Великого княжества Литовского – Белорусской (Могилёвская, Мстиславская и Оршанская), с кафедрой в Могилеве.

Русские условия, в начале ноября 1744 г. переданные польским сенаторам для принятия решения на сейме, содержали пункт сохранения прежних прав православных и возвращения им отнятых храмов²³. Но, как и прежние сеймы, сейм 1744 г. тоже распустился, не приняв никакого решения.

5 января 1745 г. посланник М. Бестужев-Рюмин сообщил, что, как и ожидалось, после роспуска сейма король созвал специальную комиссию для исследования жалоб православных. В Варшаве Голембовский, поляк и католик, в это время стал высказывать недовольство размерами претензий православных. Опираясь на письма Иеронима Волчанского, он отметил, что белорусский епископ хочет, чтобы его жалобы на католиков принимались без суда, как Евангелие, на веру. И очень нехорошо, что Волчанский ругает веру своего короля, отметил Голембовский. В польских реалиях к судам нужно готовиться очень тщательно, считал резидент – даже сам король не смог доказать в суде обвинения против одного шляхтича в личном оскорблении.

Относительно конфликтов между клиром православных церквей и магнатами и шляхтой, на чьих землях располагались эти церкви, Голембовский сообщил, что сами эти церкви были построены православными предками этих нынешних дворян-католиков, которые, таким образом, унаследовали права протекторов этих церквей. Священники не слушают слов покровителей своих церквей – и последние забирают церкви в унию. По мнению резидента, тут были неправы обе стороны – дворяне-землевладельцы, нарушавшие трактаты, и православные священники, не слушавшиеся своих католических опекунов²⁴.

Комиссия по разбору жалоб православных сразу столкнулась с трудностями. В 1747 г. Голембовский стал высказывать свое недовольство нежеланием лидеров православия Белоруссии участвовать в комиссии. По его словам в реляции от 27 июня, сам резидент с посланником М. Бестужевым-Рюминым все сделали для созыва такой комиссии, а лидеры православных не хотят ехать в Варшаву на заседания, а это очень опасно, так как магнаты, на которых есть жалобы, приедут, увидят, что обвинителей нет, рассердятся и объявят все жалобы ложными. Католика Голембовского поддержал и посольский иеромонах Сильвестр Кохов-

ский, хотя и опасаясь получить выговор от киевского митрополита и Синода за такую позицию.

Иероним Волчанский 27 мая того же года писал Голембовскому, что он болен и не может ехать, католический епископ виленский Михаил Зенкович вместо удовлетворения его жалоб сам стал обвинять его в несуществующих нарушениях, а «всегда легче спорить, нежели доказывать», и по практике судов в Польше он может сказать, что очень тяжело и шляхтичам отстаивать свое дворянство, если кто-то в этом усомнится и обратится в суд.

Кроме того, писал епископ, среди его людей нет ни одного способного к участию в комиссии, «ибо ни в Польше, ни в Литве никого из наших как до школ, так и до канцелярии нигде не допускают». Вариант с предложением защищать интересы православных обычному юристу-католику возможен, но были попытки отлучить адвокатов от католической церкви за защиту схизматиков, и теперь желающих найти трудно. Также в дворянском государстве Речи Посполитой нельзя жаловаться на своих владельцев, в том числе и священникам. Шляхтич или магнат, которого вызовут в комиссию, просто прикажет повесить и любого своего жалующегося холопа, и живущего в его владениях попа. В Польше не как в «абсолютных государствах», где господину и крестьянину от монарха дается равная справедливость, жаловался епископ, отмечая, что рассылаемые королевские универсалы здесь никого не пугают. Когда православные жаловались на отнятие в унию православных церквей во владениях воеводы русского князя Чарторыйского и виленского коадьютора Сапег, оба магната были назначены судьями по разбору жалоб на них же. Поэтому тягаться в судах с магнатами – все равно что стараться «от громовой стрелы себя защитить». Например, влиятельный надворный маршал граф И. Огинский в Борисове построил всех православных перед собой и уговаривал их принять унию, а местному подстаросте велел для тех, кто будет жаловаться свое-

му епископу, построить виселицы и колья. Кроме этого, Огинский снова запретил православным проводить венчания, крещения и прочие таинства – и это государственный человек, который хорошо знает все права православных в стране²⁵.

Архимандрит православного случского монастыря Иосиф Оранский, со своей стороны, доложил Голембовскому, что он разослал письма к игуменам православных монастырей по поводу работы комиссии, но ответа до сих пор не получил, не было писем и от православных братств. В самом Слуцке у него ученых людей тоже нет, да и вообще большинство православных едва могут написать только свое имя, и представителя на комиссию нужно искать в Варшаве²⁶.

Голембовский и Коховский провели совещание вдвоем 26 июня и предложили, если в Белоруссии нет достойных комиссии людей, пусть туда едет сам епископ Волчанский, как это делают католические и униатские епископы. В случае необходимости можно нанять профессионального адвоката, по словам Голембовского и Коховского, его никто не тронет, в Польше все знают, что это просто профессия, и за деньги юристы служат кому угодно, тем более в данном случае они будут защищать древние права, данные республикой своим жителям. Пугать виселицами смысла нет, православные сами имеют защитников столь высокого уровня, что могут добиться наказания и для влиятельных людей. Раз епископ сам признает, что в Польше одно право для воевод и другое – для убогих шляхтичей, то пусть сам этим и пользуется как назначенный королем и Речью Посполитой глава епархии. Да, из-за жалоб помещики могут озлобиться и стремиться совсем изгнать православие, но сам епископ может решать – жить православным так, как сейчас, или изменить это. Если комиссия примет его жалобы, то запретит продолжать эти нарушения, а значит, такое решение легко примет и сейм. Выпад Волчанского против шляхетской республики относительно разных судов для магнатов и шляхтичей Голембовский резонно

парировал тем, что в абсолютистских государствах господин тоже может куда больше убогого человека, а в Польше бывает и такое, что простой шляхтич выигрывает дело у магната, потому вместо того, чтобы пугать казнями, епископ может взять и защитить своих людей, пользуясь своими покровителями – королем и российской императрицей²⁷. Обо всем этом резидент написал епископу Волчанскому.

Коховский не зря боялся, что письмо Голембовского не понравится Синоду. 22 сентября 1747 г. посланнику М. Бестужев-Рюмину был отправлен рескрипт, в котором сообщалось, что, по мнению Синода, очень сомнительно, что папист Голембовский действительно старается в пользу православных в их конфликтах с католиками. Пусть в комиссию по рассмотрению жалоб будут включены только те, кого назначит епископ Иероним Волчанский, или пусть туда войдет духовник русской миссии Сильвестр Коховский.

Самому Голембовскому в этот же день был отправлен рескрипт с извещением о том, что из-за его католицизма русский двор исключает его из дела комиссии по жалобам православных. В Петербурге не сомневаются в верности резидента, которую он демонстрировал долгим опытом службы российским дипломатом, все его действия императрица одобряет, но следует уклониться от участия в комиссии, направив туда православных духовных – архимандрита слущкого Троицкого монастыря Иосифа Оранского, иеромонаха Коховского или кого ещё. Если им потребуется совет резидента, то тот окажет им помощь²⁸.

3(14) октября Голембовский, явно после перенесенного инсульта ставший более обидчивым и раздражительным, что видно не только в реляциях о комиссии по жалобам православных, направил в Петербург ответ, что епископ белорусский напрасно обвиняет его перед Синодом и другими влиятельными людьми в Петербурге – он верный слуга государыни и всегда защищал православие, что можно видеть в его

ранних донесениях. Обиженный поляк сообщил, вероятно, откуда-то зная суть жалоб Волчанского, что пассаж о совести поляков, которая одному Богу известна, он пропустит, «ибо, кажется, якобы епископ белорусский сперва свою совесть притом вовсе позабыл». В Речи Посполитой свое устройство, своя практика судов, и иначе справедливости никак не получить, если только всех поляков не вывести, потому тут всегда слушают и вторую сторону²⁹.

10 ноября Голембовскому было отправлено более суровое письмо. Ему сообщили, что его призыв, чтобы православные на комиссии воздерживались от угроз, был передан в Синод, а самому резиденту русский двор напоминает, чтобы он не вмешивался в это дело³⁰.

Комиссия по разбору жалоб собиралась начать свою работу в ноябре 1747 г., но начало заседаний было отложено по распоряжению короля до его приезда в Варшаву. Это обстоятельство усложнило положение православных, так как они уже прибыли в город и вынуждены были набирать долги, чтобы прожить в польской столице. Но ничего сделать было нельзя, сообщал Голембовский – эмиссары католиков и униатов находились в том же положении, а король не обязан ни перед кем отчитываться. Из Петербурга были оперативно присланы 2 тысячи рублей эмиссарам и юристам и 1000 рублей – епископу Волчанскому.

6 ноября комиссия начала работу, но через полчаса снова по указу короля была отложена. В указе, копия которого была у Голембовского, резидент отметил, что король сам собирается быть в комиссии, чтобы защищать униатов, однако новый указ короля снова отложил заседания на неопределенный срок – почти год назад во Львове скончался униатский митрополит всея Руси Афанасий Шептицкий, все его бумаги были опечатаны, и для работы комиссии следовало ждать выборов нового митрополита или каких-либо других решений. Новый митрополит вступил в должность только в декабре следующего, 1748 г.

В этот год должен был состояться очередная сейм, на котором Петербург снова собирался поставить вопрос о защите прав православных. Повеление об этом было отправлено посланнику М. Бестужеву-Рюмину 12 июля³¹. 6 сентября ему велели помогать православным, которые прибудут на сейм для рассмотрения своих жалоб. Сейм начался, и 8 октября 1748 г. посланник Бестужев-Рюмин сообщил, что на нем в негативном ключе говорят о комиссии по разбору жалоб православных. Шляхта была недовольна самим ее созывом, как и открыто выступившие против нее некоторые сенаторы, придерживающиеся профранцузской ориентации (воевода сандомирский Ян Тарло и великий коронный маршалок Франтишек Белиньский). Сменивший умершего 12(23) февраля Голембовского секретарь российской миссии в Варшаве Ян Ржичевский (Ржишевский) также сообщил, что магнаты «комиссиею о вере по-видимому не весьма довольны». Очень влиятельный в Литве великий гетман литовский князь М.К. Радзивилл говорил Ржичевскому, что у него самого много жалоб на православное духовенство, которые он может доказать, и в целом король мог созвать комиссию только с согласия сейма³².

Это уже было более серьезно. Постоянные претензии к королю по поводу нарушения прав польского дворянства заставляли того относиться к новым таким случаям очень внимательно.

29 октября (9 ноября) посланник Бестужев-Рюмин сообщил, что сейм, так ничего и не рассмотрев, разошелся по примеру предыдущих.

Посланник решил тогда снова вернуться к идее комиссии и через Брюля спросил о том, когда она может начать работу. Первый министр ответил, что на нее сейчас нет времени. В связи с этим М. Бестужев-Рюмин предложил православным эмиссарам вернуться в свои монастыри, чтобы не вводить себя в напрасные траты. 20 января 1749 г. посланник получил официальный ответ польского министерства на его представ-

ления о правах православных. В нем говорилось, что в 1746 г. король для разбора их жалоб велел созвать комиссию, а православные по-прежнему жалуются русским, а не своим властям, сами же жалобы их пустые и недоказуемые.

Комиссия так больше и не заработала, этот путь прекращения нарушения прав православных был закрыт. Комиссия имела своим результатом только то, что один из руководителей православной делегации архимандрит слущкого монастыря Иосиф Оранский своими трудами ради комиссии обратил на себя внимание Синода и в мае того же 1748 г. был назначен архимандритом Киево-Печерской лавры, в качестве которого и скончался в 1751 г.

Постоянные бесплодные роспуски официального главного государственного органа Речи Посполитой приводили к тому, что в России не могли рассчитывать в этом деле и на сейм. Кроме того, выявившееся на сейме 1748 г. возмущение шляхтой и магнатами самим фактом созыва комиссии для рассмотрения жалоб православных означало, что государственные органы шляхетской республики вряд ли бы пошли навстречу своим православным подданным.

Оставался лишь путь увещевания конкретных обидчиков православных и продолжения дипломатического давления на польские власти. Кого-то убедить удавалось, но были и католики, которых уговаривать было бесполезно в принципе, как уже упоминавшегося виленского епископа Михаила Зенковича. Православный епископ белорусский Иероним Волчанский жаловался на его действия регулярно, эти жалобы русские дипломаты передавали польским властям. Осенью 1754 г. епископ Иероним Волчанский скончался. Снова возник вопрос о назначении на епископскую должность униата и ликвидации последней православной епархии Речи Посполитой. За это выступали как в Польше – например, коронный подканцлер Воджицкий, униатский митрополит Киевский и всея Руси Флориан Гребницкий, так и за ее пределами – сам

папа римский Бенедикт XIV.

Однако белорусской епархии снова, как и в 1742 г., повезло – саксонский двор, как и в 1742 г., накануне ожидавшейся войны с Пруссией, снова стал нуждаться в русской защите. Отношения между державами Европы в 1754-1756 гг. стремительно обострялись, и в Дрездене понимали, что прусский король в любой момент может начать новую войну атакой Саксонии. Поэтому королевский двор любыми способами стремился получить поддержку русского. Август III сразу же сообщил Елизавете Петровне о смерти епископа и о согласии выдать привилегий на епархию тому человеку, которого определит российская императрица, и готовности ждать ее решения этого вопроса.

Петербург быстро определился с кандидатом в епископы – им стал ректор Киевской духовной академии Георгий Конисский, знаменитый философ и богослов. Хотя ранее белорусским епископом мог стать только польско-литовский шляхтич (Конисский родился в левобережном российском Нежине, кроме того, происходил из казачьей старшины, и его украинское шляхетство поляками не признавалось – у украинцев не может быть шляхты), король все равно утвердил его на кафедре в Могилеве.

Российские жалобы на обиды православных в последней православной епархии Речи Посполитой были постоянным явлением, но кроме них никаких средств воздействия на притеснителей Петербург не использовал даже тогда, когда русские войска, отправляемые на войну с Пруссией, находились на территории Речи Посполитой в 1757-1761 гг. На это надеялись и православные, что уж теперь-то, когда русские войска находятся на их землях, они сумеют прекратить все утеснения своих единоверцев со стороны их врагов. Показателен такой пример: в 1756 г. в пределы Речи Посполитой прибыл капитан российского Ямбургского полка фон Зейферт, по слухам, якобы следовавший в Вильну для расследования обид, нанесенных местному

православному монастырю. Это произвело на виленских католиков такое впечатление, что все они стали клятвенно просить примирения у монахов. Однако оказалось, что капитан следует в Дрезден по совсем другому делу, и все те, кто только что испуганно просил примирения, разом отказались от своих прежних намерений, и притеснения монахов только усилились³³.

Петербург и тогда, несмотря на оказавшуюся действенной отправку русского военного, отказывался вмешиваться во внутриваршавские дела, ограничиваясь представлениями польским властям в защиту православия.

Следует отметить, что в среде самих православных Белоруссии идеи активной защиты Россией православия в Речи Посполитой уже начали оформляться в своеобразную политическую программу. Ее автором был старший иеромонах виленского Свято-Духова монастыря Феофан Леонтович, к тому времени уже отозванный в Россию. 29 августа 1758 г. он по указанию Коллегии иностранных дел составил для нее доклад, сообщив, что никакими представлениями и жалобами на нарушение статей Вечного мира Петербургу до сих пор не удалось вернуть ни одной из захваченной католиками и униатами православных церквей. В конечном итоге поляки и вовсе истребят православие в Речи Посполитой. Леонтович предлагал конкретные меры – следует объявить российским католикам, что если в Польше и Литве власти будут запрещать ремонт хоть одной православной церкви, то в России будут опечатаны все католические храмы; если отнимут хоть одну православную церковь – то в России у католиков отнимут все их церкви; если в Речи Посполитой будет избит православный священник, то в России католические священники публично будут наказаны кнутом. Такие меры, по мысли Леонтовича, будут куда более действенны, чем все дипломатические представления Петербурга и клятвы польских властей. Леонтович даже предлагал привлечь к обсуждению диссидентского во-

проса европейское общественное мнение и показать, что изданные только одной католической нацией законы страны должны быть согласованы как с международными договорами, так и с волей других народов Речи Посполитой, исповедующих иные направления христианства. В заключение Феофан Леонтович рекомендовал отправить в Речь Посполитую специальные воинские команды для бескровного возвращения захваченных монастырей и церквей³⁴.

Коллегия иностранных дел признала невозможным принять рекомендации Леонтовича относительно ответных притеснений католиков в России и каких-либо иных недипломатических действий против польских шляхтичей и магнатов. Белорусский историк Е.К. Анищенко считал Феофана Леонтовича человеком, стоявшим у самых истоков диссидентского вопроса Речи Посполитой³⁵, который пришлось разрешать уже Екатерине II.

Можно резюмировать, что, в отличие от политики Екатерины II³⁶, диссидентский вопрос для Елизаветы Петровны носил личный, искренний характер. Нет никаких сведений о том, что этот вопрос рассматривался как способ присоединения к России части населенных православными земель Речи Посполитой. Более того, в 1756 г., оформляя секретные цели российского участия в приближавшейся Семилетней войне, главные советники Елизаветы Петровны упомянули и о Речи Посполитой: «одолжа Польшу доставлением ей Королевской Пруссии (Восточной Пруссии. – М. А.), во взаимство получить не токмо Курляндию, но и с польской стороны такое границ окружение, которым бы не токмо нынешние беспрестанные хлопоты и беспокойства пресеклись, но может быть и способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»³⁷. Под «хлопотами и беспокойствами» имеются в виду постоянные пограничные конфликты, и характерно, что русский двор больше волнует присоединение лютеранской Курляндии, чем той же Белоруссии с ее православным населением.

Тогда Петербург собирался только прекратить постоянные притеснения православных в Речи Посполитой, но 20-летняя борьба за это и елизаветинской дипломатии успехом не увенчалась – и жалобы, и требования со стороны русских дипломатов остались без удовлетворения. При всей практичности польской политики Екатерины II и Н.П. Панина невозможно не согласиться с утверждением, высказанным еще С.М. Соловьёвым, что «русское национальное движение под религиозным знаменем»³⁸, которое десятки лет с поддержкой России безуспешно выступало за сохранение своих прав в польско-литовском государстве, действительно было одной из главных причин падения Речи Посполитой, неспособной как избавиться от диссидентов, так и дать им политические права. Современный польский историк белорусского происхождения А. Миронович из Белостока, специалист по истории православия в Речи Посполитой, в изданной в Польше работе также указывает, что «последним шансом прекращения сепаратистских тенденций у верующих Православной Церкви был Гадячский договор» 1658 г., когда украинский гетман И. Выговский договорился о политических и религиозных правах православных в восточных воеводствах Речи Посполитой, но этот договор под давлением папских нунциев и униатов так и не был утвержден в Варшаве. Так шанс интеграции православных в Речи Посполитой был упущен окончательно³⁹. Мы видим, как современный польский историк, вполне свободный от российских имперских мифов, по сути приходит к той же идее, что и С.М. Соловьёв – отсутствие интеграции православных (и даже униатов) в Речи Посполитой делало их чужими в этом государстве. И действительно, национально-религиозное движение на землях бывшей Киевской Руси было одной из главных причин падения Речи Посполитой, и это не имперский миф российского сознания.

Войска Екатерины II пришли именно туда, где их ждали обширные массы населения, ждали как освободителей и защит-

ников от притеснений, что показывают и более ранние случаи с капитаном Зейфертом, и представления Феофана Леонтовича. Не будь этого, относясь православные к Речи Посполитой как к своему государству, в котором они хотят жить и которое готовы защищать, Екатерине II не удалось бы реализовать никакие территориальные планы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии. Вильна, 1866.
- ² Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Кн. IX // Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. С. 459.
- ³ Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001. S. 61.
- ⁴ Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1. С. 31-39. Впрочем, борьба со стереотипами закономерно приводит автора к чрезмерно личному отрицательному отношению к прежним точкам зрения, считая их обусловленным имперскостью тогдашнего сознания, а потом и «имперскими нотками в политике Советского Союза» (С. 35).
- ⁵ Имеется в виду «Вечный мир» России и Польши 1686 г.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. 1742 г. Д. 5. Л. 318-320.
- ⁷ Pacta conventa (лат. «всеобщие соглашения») – соглашения, заключаемые дворянами Речи Посполитой и новым королем при его избрании на польский престол, заключали в себе условия соблюдения прав подданных и другие условия правления и ограничения королевской власти.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1742 г. Д. 76. Л. 187.
- ⁹ Там же. 1743 г. Д. 5. Л. 45, 71.
- ¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 450об.
- ¹¹ Там же. Д. 7. Л. 537.
- ¹² Там же. Л. 580об.
- ¹³ Любавский М.К. История западных славян. М., 2004. С. 411. Это соглашение входило и в по-

следующие тексты договоров между Россией и Пруссией. Текст союзного договора России и Пруссии, подписанный Елизаветой Петровной в этом же 1743 г., включал и отдельную статью о совместной защите в случае необходимости прав религиозных диссидентов (т.е. некаатоликов) в Речи Посполитой.

- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1743 г. Д. 8. Л. 95-96об.
- ¹⁵ Там же. 1744 г. Д. 10. Л. 16-20.
- ¹⁶ Там же. Л. 178об.-179.
- ¹⁷ Там же. Л. 269об.
- ¹⁸ Там же. Л. 273об.
- ¹⁹ Там же. Л. 328.
- ²⁰ Там же. Д. 4а. Л. 60об.
- ²¹ Там же. Д. 4б. Л. 194.
- ²² Петрушко В. Из истории утверждения унии на западной Руси. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/uniazaprus.htm> (дата обращения: 19.05.2022).
- ²³ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1744 г. Д. 8. Л. 278-282об.
- ²⁴ Там же. 1746 г. Д. 7. Л. 343-348об.
- ²⁵ Там же. 1747 г. Д. 8а. Л. 39об.-43.
- ²⁶ Там же. Л. 46-47об.
- ²⁷ Там же. Л. 51-59кв.
- ²⁸ Там же. Д. 7. Л. 65-65об.
- ²⁹ Там же. Д. 8а. Л. 227-230.
- ³⁰ Там же. Д. 7. Л. 81об.
- ³¹ Там же. 1748 г. Д. 4. Л. 79.
- ³² Там же. Д. 7. Л. 508.
- ³³ Там же. 1756 г. Д. 22. Л. 1об.
- ³⁴ Анішчанка Я. Інкарпарацыя. Літоўская правінцыя ў падзелах Рэчы Паспалітай. Мінск, 2003. С. 42-47.
- ³⁵ Там же. С. 42.
- ³⁶ Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1. С. 31-39.
- ³⁷ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 136. СПб., 1912. С. 33.
- ³⁸ Соловьев С.М. История падения Польши. М., 1863. С. 6.
- ³⁹ Мірановіч А. Праваслаўная Беларусь. Беласток, 2009. С. 117-118.

**THE RUSSIAN DIPLOMACY IN PROTECTING THE RIGHTS
OF THE ORTHODOX CHRISTIANS IN THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH
IN THE REIGN OF ELIZABETH PETROVNA (1741-1761)**

© 2022 M.I. Anisimov

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow

From the first months of the reign of Elizabeth Petrovna the Russian royal court ordered diplomats in Dresden and Warsaw to make statements in defense of the rights of Orthodox Christians in the Polish-Lithuanian Commonwealth. Their rights were violated by the forcible seizure of churches and the conversion of Orthodox Christians to Uniatism, as well as the oppression of Orthodox Christians by Catholic magnates, noblemen and priests. By the 1740s, of the four Orthodox dioceses in the Polish-Lithuanian Commonwealth, which the Polish authorities pledged to protect in 1686, only one remained, the Belarusian diocese. The royal court of Augustus III issued disposals on the basis of Russian complaints, but due to the republican structure of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the king did not have the right to order the Polish noblemen. The Polish Sejm, the main authority of the Polish-Lithuanian Commonwealth, could make decisions binding on all subjects, but its work in the 18th century was paralyzed by the internal conflicts of the magnates. An attempt to form a special commission to consider the complaints of Orthodox Christians according to the Polish laws was not successful. The Russian government could only convince every offender of the Orthodox Christians of the undesirability of such actions, but these measures also did not bring results. The only success of the Russian diplomacy was preventing the transition of the Orthodox Belarusian diocese to the Uniate Church since Dresden and Warsaw needed Russian protection from possible Prussian aggression in 1742 and 1756. In the same time, the Orthodox population of the Polish-Lithuanian Commonwealth was increasingly dissatisfied with both their own disenfranchised position and the futility of diplomatic methods of their protection on the part of the Russian royal court.

Keywords: Elizabeth Petrovna, Russian-Polish relations of the 18th century, history of Belarus in the 18th century, dissident question, Polish-Lithuanian Commonwealth

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-74-87

УДК 94

«ПИОНЕРЫ» СОВЕТСКОЙ ФИЗИКОХИМИИ (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ Я.М. КОЛОТЫРКИНА И Н.А. ФУКСА)

© 2022 Е.И. Сумбурова

Самарский государственный экономический университет

Статья поступила в редакцию 02.08.2022

В статье рассматривается участие двух выдающихся советских физикохимиков Я.М. Колотыркина и Н.А. Фукса в международном научном трансфере в 1950–1960-е гг. Автор использует биографические материалы ученых, воспоминания о них близких и учеников и вводит в научный оборот ранее не использовавшиеся письма из архивного фонда Физико-химического научно-исследовательского института им. Л.Я. Карпова. Отмечается вклад ученых в изучение физико-химических проблем: Я.М. Колотыркина – в области коррозии и защиты металлов, Н.А. Фукса – в учение об аэрозолях; подчеркивается, что научная деятельность советских ученых была высоко оценена как отечественными коллегами, так и зарубежными специалистами.

Ключевые слова: СССР, советская наука, физикохимия, Я.М. Колотыркин, Н.А. Фукс, научный трансфер, международное сотрудничество.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-88-97

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 21-09-43084.*

Российская наука славится громкими именами ученых – математиков, физиков, химиков, биологов и др. Среди них есть нобелевские лауреаты, мировые светила, получившие широкое научное признание и государственные награды, но есть и менее известные, не такие раскрученные в медиапространстве лица. В данной работе нам бы хотелось остановиться на некоторых моментах жизни и профессиональной деятельности двух замечательных советских физикохимиков – Якова Михайловича Колотыркина¹ и Николая Альбертовича Фукса². В разное время иностранные коллеги называли их «пионерами» науки. Японский профессор Норио Сато³ высоко оценил «пионерский» вклад Я.М. Колотыркина в развитие современного коррозионного учения⁴, а чешский исследователь Кветослав Спурны⁵ назвал

Н.А. Фукса «пионером» аэрозольной науки⁶. Оба советских ученых работали в одном институте – Физико-химическом научно-исследовательском институте им. Л.Я. Карпова (НИФХИ им. Л.Я. Карпова) и расцвет их научной деятельности пришелся на послевоенные годы. На этом, пожалуй, сходство их биографий заканчивается, и к научному признанию они шли разными путями.

Яков Михайлович Колотыркин родился в Смоленской губернии в 1910 г. в крестьянской семье. Тяга к знаниям и трудолюбие помогли ему получить не вполне обычное для деревенского мальчика того времени образование: сельская начальная школа – средняя школа в ближайшем городе Духовщина – химический факультет МГУ – аспирантура НИФХИ им. Л.Я. Карпова. Пройденный им путь от простого крестьянского парнишки до академика не был простым и легким. Как вспоминал Я.М. Колотыркин, его мать, прожившая до 91 года, так и не научилась

Сумбурова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и философии. E-mail: elena-sumburova@yandex.ru

ни писать, ни читать. Отец во время действительной службы в царской армии освоил лишь начальную грамоту. Тяжелые условия крестьянского быта препятствовали обучению детей, так как посещение школы рассматривалось как серьезная помеха ведению хозяйства. С окончанием зимы, как правило, кончалось и посещение школы. По мнению Якова Михайловича, трудности только закаляли тех ребят, кто имел непреодолимую тягу к учебе. Сам он «ходил в школу за десятки километров (часто босиком), жил впроголодь, каждую неделю за 30 - 50 км бегал домой за продуктами»⁷. После окончания университета Я.М. Колотыркин по распределению оказался в НИФХИ им. Л.Я. Карпова и за 57 лет работы в нем (1938 - 1995) прошел путь от младшего научного сотрудника до почетного директора знаменитого советского НИИ.

Николай Альбертович Фукс родился в 1895 г. в семье известного московского адвоката. Все дети в семье получили высшее образование, говорили на нескольких иностранных языках, играли на музыкальных инструментах. В 1917 г. Н.А. Фукс окончил Московский коммерческий институт. Революция и гражданская война осложнили поиск своего дела. Н.А. Фукс сменил несколько мест работы, пока в 1932 г. его не пригласили в НИФХИ им. Л.Я. Карпова. Руководители НИИ – академики А.Н. Бах⁸ и А.Н. Фрумкин⁹ поручили Н.А. Фуку создать и возглавить первую в СССР лабораторию аэрозолей. Изучение аэрозолей станет смыслом жизни профессора Фукса, но так же, как и у Я.М. Колотыркина, путь к научному признанию оказался непростым. По ложному доносу блестящая карьера ученого была прервана на самом взлете. Н.А. Фукса арестовали в 1937 г., за 2 дня до защиты докторской диссертации. Открытие, сделанное под его руководством, впоследствии будет отмечено Государственной премией, но имя Н.А. Фукса при этом никогда не упоминалось. Наконец, 8,5 лет заключения, во время которых ученый не мог заниматься любимой наукой. После освобождения и реабилитации

Н.А. Фукс защитил докторскую диссертацию, опубликовал монографию «Механика аэрозолей» (1955), поработал в нескольких НИИ, пока в 1959 г. новый директор НИФХИ им. Л.Я. Карпова – Я.М. Колотыркин, не пригласил Н.А. Фукса в институт. Как и 27 лет назад Николаю Альбертовичу поручили создать и возглавить новую лабораторию института – лабораторию физики аэродисперсных систем, в которой он трудился до самой смерти в 1982 г.

Таким образом, жизненный путь и научная деятельность двух советских физико-химиков – Я.М. Колотыркина и Н.А. Фукса, проходили в достаточно сложных условиях, однако это не помешало замечательным ученым добиться признания как среди отечественных специалистов, так и среди иностранных коллег.

Главными источниками для написания данной статьи послужили воспоминания академика Я.М. Колотыркина¹⁰, жены Н.А. Фукса – Марины Семеновны Гусевой¹¹, воспоминания коллег и учеников¹², а также архивные документы НИФХИ им. Л.Я. Карпова¹³. О «карповском институте» и его сотрудниках на сегодняшний день написано не так много, как, скажем, о физиках-ядерщиках, участниках атомного проекта. В основном это юбилейные статьи или работы исследователей, затрагивающие отдельные аспекты деятельности НИФХИ им. Л.Я. Карпова¹⁴. Вопрос об участии советских ученых в международном научном трансфере в современной литературе изучен еще недостаточно¹⁵, и нам бы хотелось отчасти восполнить этот пробел и, введя в научный оборот новые материалы, рассмотреть участие Я.М. Колотыркина и Н.А. Фукса в международной научной жизни второй половины XX столетия. Архивные документы позволяют проследить, как складывалось знакомство иностранных специалистов с советскими коллегами, как формировался научный авторитет и взаимное признание заслуг представителей разных научных школ.

Физико-химический научно-исследовательский институт им. Л.Я. Карпова, соз-

данный в 1918 г., к середине XX в. являлся крупным научно-теоретическим центром в сфере физикохимии как в Советском Союзе, так и за рубежом. Работы его сотрудников пользовались заслуженным авторитетом. В институте работали ученые мирового уровня – С.С. Медведев¹⁶, В.А. Каргин¹⁷, Г.К. Боресков¹⁸, Н.М. Жаворонков¹⁹, Г.С. Жданов²⁰, Х.С. Багдасарьян²¹ и другие. Советский НИИ имел обширные научные связи с коллегами из разных частей света – Европы, США, Канады, Японии, Австралии, Южной Америки и Африки. Среди основных научно-технических разработок НИФХИ в 1950-1960-е гг. можно выделить изучение коррозии и электрохимии металлов и исследование аэрозольных систем. Первое направление разрабатывалось в лаборатории под руководством Я.М. Колотыркина, второе – в лаборатории Н.А. Фукса.

До 1960 г. Я.М. Колотыркин имел значительные международные контакты, которые в основном касались обмена научными работами. Нужно отметить, что советское общество в этот момент как раз преодолевало последствия политики изоляционизма и происходило восстановление прежних и зарождение новых международных научных связей. Среди контактов Колотыркина этого периода можно выделить переписку с английским химиком Роджером Парсонсом²² о подготовке к публикации рукописи Якова Михайловича²³. В результате общения были исправлены замечания рецензентов, вышла статья в «Трудах Общества Фарадея»²⁴ и завязались научные связи на последующие годы. Во-вторых, был установлен контакт с сотрудником Лондонской лаборатории исследования коррозии котлов Эдмундом Поттером, который просил Я.М. Колотыркина уточнить время выхода сборника трудов конференции по коррозии, проходившей в мае 1958 г. в Москве²⁵. Два года спустя именно Э.К. Поттер, являясь одним из организаторов I Международного конгресса по коррозии металлов, будет вести деловую переписку с Я.М. Колотыркиным по поводу его участия в Конгрессе.

Третий важный научный контакт был установлен с группой американских ученых в ходе взаимного обмена оттисками работ – Дж. Бокрисом²⁶, П. Делахеем²⁷, Э. Йегером²⁸, Н. Грином²⁹, Х. Марком³⁰ и Г. Улигом³¹, что, вероятно, в совокупности с принятием Я.М. Колотыркина в члены CITCE³² способствовало его приглашению на Гордоновскую конференцию 1960 г.

Международные конференции Гордона представляют собой не вполне традиционный вид научного общения. Во-первых, это тематические конференции, охватывающие междисциплинарные исследования в области биологических, химических и физических наук³³. Во-вторых, место проведения конференции выбирается на живописной и часто изолированной природе, чтобы создать неформальную атмосферу сообщества. В-третьих, материалы конференции являются «неофициальными», на площадках приветствуется свободное обсуждение неопубликованных исследований, и поэтому ссылки на них запрещены в любой публикации. Советских исследователей по политическим мотивам на такие собрания приглашали нечасто³⁴, поэтому приглашение, поступившее в Академию наук СССР от директора Гордоновских конференций профессора У. Джорджа Паркса³⁵, было встречено с интересом. В результате Я.М. Колотыркин и профессор Н.Д. Томашов³⁶ получили персональные приглашения для участия в работе секции по коррозии в колледже Колби Джуниор (штат Нью-Гэмпшир) с 18 по 22 июля 1960 г.³⁷. Впоследствии Яков Михайлович писал, что контакты и обсуждения, которые завязались во время прошедшего мероприятия, способствовали лучшему пониманию между учеными разных стран и новым успехам в области науки о коррозии³⁸. За время поездки Я.М. Колотыркин посетил различные научно-исследовательские центры и лаборатории США, установив личные контакты с их руководителями, побывал в гостях у профессора Г. Улига и Р. Бродда³⁹. Уже вернувшись в Советский Союз, Я.М. Колотыркин получил несколь-

ко писем с высокой оценкой своего выступления и пожеланиями о продолжении научного общения. Например, в письме от 28 июля 1960 г. от инженера-металлурга химической компании «Монсанто» Дж. Карла Бованковича⁴⁰ мы читаем: «было приятно познакомиться с вами на Гордоновских исследовательских конференциях по коррозии и услышать ваш превосходный доклад», «я искренне надеюсь, что вам понравился ваш короткий визит в нашу страну, и что вы скоро сможете вернуться, чтобы снова принять участие в такой интересной дискуссии в приятной обстановке, в месте, подобном тому, которое предоставляется в колледже Колби Джуниор»⁴¹.

Итогом данной поездки, на наш взгляд, можно считать начало мирового признания Я.М. Колотыркина как специалиста в области коррозии металлов. Этот путь был непростой. Два десятилетия «железного занавеса» привели к тому, что западные ученые не всегда были осведомлены о происходящем в советском научном сообществе. Так, Джон Бокрис вспоминал, что на первых собраниях CITCE один из его основателей, бельгийский ученый Марсель Пурбэ⁴², очень удивился, что в СССР существует советская электрохимическая школа, возглавляемая А.Н. Фрумкиным. А по мнению Бокриса, исследования Фрумкина в то время значительно опережали европейские⁴³.

Начиная с 1961 г. Я.М. Колотыркин являлся активным участником и организатором изучения различных аспектов коррозионно-электрохимических процессов. Он был приглашенным лектором на I и II Международных Конгрессах по коррозии металлов, созданных по инициативе IUPAC и правительств Великобритании и США⁴⁴. Интересно отметить, что первым пленарным докладом при открытии I Лондонского Конгресса стало выступление Якова Михайловича Колотыркина⁴⁵, а следом за ним выступили мировые корифеи электрохимии – Поль Лакомб⁴⁶, Герберт Г. Улиг и Улик Р. Эванс⁴⁷.

Западное научное сообщество обратило внимание на успехи советской физикохи-

мии – работы А.Н. Фрумкина, Н.Д. Томашова, Я.М. Колотыркина и др., и право на проведение III Международного Конгресса по коррозии металлов было предоставлено Советскому Союзу. 16-25 мая 1966 г. в Москве прошел очередной Конгресс коррозионщиков, получивший положительные отзывы от ученых всего мира. В письме от 14 июня 1966 г. Эдвард Греко⁴⁸ (один из организаторов Нью-Йоркского конгресса) писал, что прошедший в Москве конгресс не только способствовал свободному обмену идеями и информацией о коррозии, но также был очень эффективным в обеспечении международного взаимопонимания между специалистами по коррозии многих стран, и успех этого мероприятия, по его мнению, был обусловлен личными усилиями и руководством Якова Михайловича⁴⁹.

Николай Альбертович Фукс в истории НИФХИ им. Л.Я. Карпова занимает особое место – не каждому из переживших сталинские лагеря удавалось вернуться к своим прежним занятиям и заслужить признание коллег. Он вошел в мир науки на рубеже 1920 -1930-х гг., когда возглавил первую в СССР аэрозольную лабораторию. Его исследования в области аэрозольной коагуляции и участие в разработке первых волокнистых аэрозольных фильтров привлекли внимание иностранных коллег. Гостями его лаборатории были Ирвинг Ленгмюр⁵⁰, Фредерик Жолио-Кюри⁵¹, Ирен Жолио-Кюри⁵² и др. Однако арест и последующее заключение почти на 10 лет отстранили Н.А. Фукса от занятий наукой. После реабилитации Николай Альбертович по приглашению Я.М. Колотыркина возглавил в НИФХИ им. Л.Я. Карпова лабораторию физики аэродисперсных систем. К сожалению, полного восстановления в правах Н.А. Фукс так и не получил. Ему было запрещено выезжать за границу, за исключением социалистических стран. Однако это не помешало ему добиться научного признания не только отечественных, но и зарубежных коллег. Он создал вокруг себя круг единомышленников – аэрозольщиков, поддерживая с ними кон-

такты по переписке и во время их пребывания в СССР. По воспоминаниям жены Н.А. Фукса – М.С. Гусевой, профессор за время новогодних праздников ежегодно получал 50 -60 поздравлений с разных концов света – из Европы, США, Японии⁵⁵. Самому Фуксу удалось побывать за границей лишь дважды – в 1966 г. он был гостем Чехословацкой Академии наук, а в 1972 г. участвовал в конференции по фильтрующим материалам в Дрездене.

Одним из главных дел своей жизни профессор Фукс считал превращение учения об аэрозолях в научную дисциплину. Для популяризации этой области знания он решил создать единую картотеку аэрозольной литературы, включив в нее многочисленные статьи, вышедшие в период с 1890 г. по 1953 г. В итоге его библиографическая коллекция составила 22 тысячи наименований на русском, английском и немецком языках⁵⁴. Эта ценнейшая картотека по аэрозолям была собрана буквально «с миру по нитке» благодаря энтузиазму Николая Альбертовича и его коллег - аэрозольщиков. Сбор материала осуществлялся на основе уже изданных библиографических сборников, например таких, как «Библиография по аэрозолям», составленная Р. Стрелоу,⁵⁵ и материалов специализированных журналов, например немецкого «Staub» и др. Сложность заключалась в отсутствии подобной литературы в Советском Союзе. Большую помощь в сборе информации Н.А. Фуксу оказал чехословацкий ученый Кветослав Спурны, с которым он познакомился в Москве в 1956 г. и дружба с которым продолжалась всю оставшуюся жизнь. Доктор Кветослав Спурны прислал Н.А. Фуксу выпуски «Staub» с 1937-го по 1943 год⁵⁶. Другие недостающие номера в результате переписки удалось получить от редактора журнала «Staub» А. Шутца и от сотрудника Staubforschungsinstitut инженера Д. Хасенклевера. С присланных номеров были сняты фотокопии, а затем их вернули назад в Бонн⁵⁷.

Лаборатория Н.А. Фукса в 1960-х гг. занималась изучением образования конден-

сационных аэрозолей, теорией фильтрации аэрозолей и рассеивания пыли. Вместе с молодыми коллегами Н.А. Фукс опубликовал несколько десятков работ по диффузионному методу измерения распределения ультрадисперсных частиц по размерам, генерации монодисперсных частиц и исследованию свойств аэрозолей⁵⁸. Профессор Фукс понимал, что для эффективной научной работы, для избегания параллелизма нужно, во-первых, иметь представление о том, что сделано до тебя, а во-вторых, быть в курсе современных исследований и разработок, поэтому он обращался напрямую к авторам последних аэрозольных публикаций. Так, в письме от 16 марта 1962 г. профессору Ч.Т. О'Конски⁵⁹ Н.А. Фукс писал: «Меня очень заинтересовала ваша статья «Приборы для рассеяния света для измерения распределения частиц по размерам», опубликованная в № 250 «Специального технического издания Американского общества испытательных материалов» в 1959 г. Поскольку эта публикация недоступна в наших библиотеках, не могли бы вы быть так любезны, прислать мне ее копию?»⁶⁰. Подобные письма рассылались многим зарубежным исследователям, чьи работы показались Н.А. Фуксу интересными. Так, сохранилась его переписка с такими американскими учеными, как Виктор Ла Мер⁶¹, Клайд Опп⁶², Фрэнк Гукер⁶³, Шелдон Фридлендер⁶⁴, Джеймс Вестуотер⁶⁵, Александр Гетц⁶⁶, Кальман Де Юхаш⁶⁷, Джеймс Брок⁶⁸, Джордж Хиди⁶⁹ и др.

Среди английских исследователей Н.А. Фукс наиболее выделял Нормана Дэвиса⁷⁰, ставшего ему преданным другом и научным оппонентом. Их тридцатилетняя дружба зародилась после публикации на Западе неофициального английского перевода монографии Н.А. Фукса 1955 г. «Механика аэрозолей». Этот перевод 1958 г. был выполнен по заказу Лаборатории химического оружия армии США и не был научным изданием. Кветослав Спурны, понимая ценность монографии, предложил английскому издательству «Пергамон Пресс» сделать академический перевод книги, кото-

рый как раз был поручен Норману Дэвису. Как нам представляется, Н. Дэвис взялся за поручение с удовольствием, так как увидел в книге Н.А. Фукса идею, схожую со своей, а именно то, что аэрозольное учение – это не разрозненный набор технических специальностей, а стройная научная дисциплина. Н.А. Фукс подготовил к английскому изданию дополнения, включавшие новые данные, появившиеся с момента выхода книги на русском языке. Однако процесс издания растянулся почти на 4 года. В письме к К.Э. Лэппле⁷¹ от 20 июня 1961 г. Н.А. Фукс писал, что «перевод продвигается довольно медленно, поскольку каждая глава отправляется мне на утверждение и исправление»⁷². Через год в письме от 19 сентября 1963 г., адресованном К. Спурни, читаем: «С изданием моей книги в Англии дело идет плохо. Печатается она в Лейпциге. Первая верстка была ужасная, и я потратил неделю на исправления. Во второй верстке остались не исправленными одна треть ошибок, и появилось несколько новых. Если дело пойдет так и дальше, книга выйдет не раньше, как через 3 года и к тому времени сильно устареет. Пергамон хотел сэкономить, так как в Лейпциге печатают вдвое дешевле, чем в Англии, но экономия получилась очень плохая»⁷³. Фукс сетовал на отсутствие личного контакта между автором, с одной стороны, и редактором и типографией – с другой. «Все трудности, которые обычно можно было бы устранить за пару часов, в нашем случае потребовали много переписки и большой траты времени»⁷⁴. Классическое английское издание «Механики аэрозолей» Н.А. Фукса появилось летом 1964 г. и превзошло все ожидания автора. В благодарственном письме Н. Дэвису профессор Фукс отмечал, что «издание действительно великолепно, и я понимаю, что обязан этим вашей энергии, настойчивости и доброй воле»⁷⁵.

По воспоминаниям жены, Николай Альбертович был очень высокого мнения о Нормане Дэвисе как об ученом и очень ценил его дружбу. Марина Семеновна считала, что Норман Дэвис как преданный товарищ

взял на себя решение тех проблем в общении с иностранными коллегами, которые Николай Альбертович не мог решить самостоятельно из-за особенностей жизни в СССР (запрет валюты, ограничение зарубежных командировок, недостаток научной литературы)⁷⁶. Например, когда профессор Фукс задумал провести сравнительный анализ аэрозольных фильтров, изготавливаемых в разных странах с целью выявления их достоинств и недостатков, он обратился напрямую к своим коллегам с просьбой прислать ему лучшие образцы, продающиеся у них, так как запрос по официальным каналам, по его словам, занял бы слишком много времени. Предполагаемые расходы – на покупку и пересылку – предложил взять на себя Н. Дэвис⁷⁷.

В результате чешские фильтры из стеклянных волокон он получил от К. Спурны⁷⁸. Фильтры западногерманского производства из асбеста и стекловолокна ему прислал Д. Хасенклевер⁷⁹, британские образцы GF/B и GF/C – Н. Дэвис⁸⁰, американские пытался приобрести К. Лэппле, но из имеющихся в архивном фонде писем остается непонятным, удалось ли Фуксу их получить⁸¹. Из всех присланных ему образцов после проведенного эксперимента Фукс особо выделил превосходное качество фильтров фирмы «Auer-Gesellschaft», произведенных в Западной Германии⁸².

В заключение стоит отметить, что не смотря на трудности и жизненные обстоятельства и Яков Михайлович Колотыркин, и Николай Альбертович Фукс сумели внести весомый вклад в развитие физикохимии. Их работы были высоко оценены научным сообществом и правительством. Я.М. Колотыркин в 1970 г. стал действительным членом АН СССР, в 1980 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Он также являлся иностранным членом Саксонской академии наук (Лейпциг), членом-корреспондентом Югославской академии наук, почетным доктором Будапештского университета им. Л. Этвеша. Н.А. Фукс за научные заслуги был награжден советским пра-

вительством орденом Трудового Красного Знамени, но большее признание он получил все же за рубежом, где память о нем хранится и сегодня⁸⁵. В честь него названа улица в немецком городе Ганновер (земля Нижняя Саксония). С середины 1980-х гг. существует Мемориальная премия Фукса в области аэрозольной науки, учрежденная аэрозольными обществами США (AAAR), Германии (GAEF) и Японии (JAAS) и вручаемая раз в четыре года ученым в области аэрозолей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Колотыркин Яков Михайлович (1910–1995) – советский физикохимик, создатель теории коррозии и защиты металлов, доктор химических наук, директор НИФХИ им. Л.Я. Карпова, академик АН СССР и РАН.
- ² Фукс Николай Альбертович (1895–1982) – советский физикохимик, основоположник аэрозольных исследований в СССР, доктор химических наук, профессор, заведующий лабораторией физики аэродисперсных систем НИФХИ им. Л.Я. Карпова.
- ³ Сато Норио (род. в 1927 г.) – японский ученый-коррозионист, доктор технических наук, профессор университета Хоккайдо.
- ⁴ Колотыркин Я.М. Автобиографические записки. Избранные статьи и интервью. Воспоминания. М.: НИФХИ им. Л.Я. Карпова, 2004. С. 285.
- ⁵ Спурны Кветослав Рудольф (1923–1999) – чехословацкий физикохимик, исследователь аэрозолей, сотрудник научно-исследовательских институтов Чехословакии и ФРГ.
- ⁶ Nicolai Albertowich Fuchs – The Pioneer of Aerosol Science – Biography. Delft: Delft University Press, 1998. 82 p.
- ⁷ Колотыркин Я.М. Указ. соч. С. 9.
- ⁸ Бах Алексей Николаевич (1857–1946) – советский биохимик и физиолог растений, основоположник биохимии в России, первый директор НИФХИ им. Л.Я. Карпова (1918–1946), академик АН СССР.
- ⁹ Фрумкин Александр Наумович (1895–1976) – советский физикохимик, основоположник современной теоретической электрохимии, научный сотрудник НИФХИ им. Л.Я. Карпова (1922–1946), директор Института физической химии АН СССР (1939–1949), основатель и первый директор Института электрохимии АН СССР (1958–1976).

- ¹⁰ Колотыркин Я.М. Указ. соч. 317 с.
- ¹¹ Гусева Марина Семеновна (1914–1991) – жена Н.А. Фукса, переводчик, преподаватель английского языка.
- ¹² См., например, след. работы: Spurny K.R. Nikolai Albertowich Fuchs (1895–1982) – aerosol scientist and humanist memories on the occasion of his 100th birthday // Journal of Aerosol Science. 1996. Vol. 27. № 6. P. 833–852; Кириш А.А. Николай Альбертович Фукс, 1895–1982 // Российский химический журнал. 1999. Т. XLIII. № 2. С. 108–111; Guseva-Fuchs Marina. My husband's life story // Nicolai Albertowich Fuchs ... Указ. соч. Р. 43–81; Цивадзе А.Ю., Давыдов А.Д., Лазоренко-Маневич Р.М., Сафонов В.А. Один из первых коррозионистов. К 100-летию со дня рождения академика Я.М. Колотыркина // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 12. С. 1103–1109; Академик Яков Михайлович Колотыркин. К 100-летию со дня рождения (14.11.1910–05.11.1995): краткая биография и основные достижения // Физикохимия поверхности и защита материалов. 2010. Т. 46. № 6. С. 671–672.
- ¹³ Российский государственный архив в г. Самара (далее РГА). Ф-Р. 16. Физико-химический научно-исследовательский институт им. Л.Я. Карпова.
- ¹⁴ См., например, след. работы: Банникова Н.Ф. Влияние интеграции ученых Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова и специалистов отраслевых предприятий на развитие экономики страны в 1920–1950-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 3. С. 47–58; Будыка А.К. 90 лет Карповскому институту // Российский химический журнал. 2008. Т. LII. № 5. С. 3–7.
- ¹⁵ Сумбунова Е.И., Тагирова Н.Ф. Международный трансфер в советской науке в 1950–1960-е гг. (на примере НИФХИ им. Л.Я. Карпова) // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66. № 3. С. 183–198.
- ¹⁶ Медведев Сергей Сергеевич (1891–1970) – советский физикохимик, создатель теории полимеризационных процессов, доктор химических наук, заведующий лабораторией полимеризационных процессов НИФХИ им. Л.Я. Карпова, академик АН СССР.
- ¹⁷ Каргин Валентин Алексеевич (1907–1969) – советский физикохимик, основатель советской полимерной школы, доктор химических наук, заведующий лабораторией коллоидной химии НИФХИ им. Л.Я. Карпова, академик АН СССР.
- ¹⁸ Боресков Георгий Константинович (1907–1984)

- советский физикохимик, доктор химических наук, заведующий лабораторией технического катализа НИФХИ им. Л.Я. Карпова, академик АН СССР, инициатор создания и первый директор Института катализа СО АН СССР.
- ¹⁹ Жаворонков Николай Михайлович (1907–1990) – советский химик, доктор технических наук, профессор МХТИ, специалист в области неорганической химии и химической технологии, академик АН СССР.
- ²⁰ Жданов Герман Степанович (1906–1991) – советский физик, доктор физико-математических наук, профессор МГУ, основоположник советской школы радиационной кристаллографии, иностранный член Саксонской Академии наук.
- ²¹ Багдасарьян Христофор Степанович (1908–2000) – советский физикохимик, открыл новую область физической химии – двухквантовую фотохимию, доктор химических наук, заведующий лабораторией химической реакционности и полимеризации НИФХИ им. Л.Я. Карпова, академик АН СССР и РАН.
- ²² Парсонс Роджер (1926–2017) – английский химик, профессор Бристольского университета, член Королевского химического общества, изучал электрохимическую кинетику и термодинамику.
- ²³ РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 484. Л. 201–206.
- ²⁴ Kolotyrkn Ya.M. Effect of specific adsorption of anions on hydrogen overvoltage // Transactions of the Faraday Society. 1959. Vol. 55. P. 455–462.
- ²⁵ РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 484. Л. 11.
- ²⁶ Бокрис Патрик Джон О’Мара (1923–2013) – американский химик южноафриканского происхождения, профессор Филадельфийского университета штата Пенсильвания.
- ²⁷ Делахей Пол (1921–2012) – американский химик голландского происхождения, профессор университета штата Луизиана, затем Нью-Йоркского университета, почетный член ISE, Американского химического общества и др.
- ²⁸ Йегер Эрнест (1924–2002) – американский физикохимик, профессор Кейсовского университета Западного резервного района в Кливленде штата Огайо, известен новаторским вкладом в фундаментальное понимание электрохимических реакций и в разработку технологии топливных элементов и аккумуляторов.
- ²⁹ Грин Норберт – научный сотрудник Union Carbide Metals Company, ассистент профессора факультета металлургического машиностроения Политехнического института Ренсселера штата Нью-Йорк.
- ³⁰ Марк Герман Фрэнсис (1895–1992) – американский химик австрийского происхождения, профессор Бруклинского политехнического института, известен своим вкладом в развитие науки о полимерах.
- ³¹ Улиг Герберт Генри (1907–1993) – американский физикохимик, профессор Массачусетского технологического института, изучал коррозию.
- ³² CITCE – Международный Комитет по электрохимической термодинамике и кинетике, учрежденный в 1949 г. В 1971 г. был переименован в ISE (Международное общество электрохимии).
- ³³ Конференции Гордона проводятся в США с 1931 г., и на сегодняшний день ежегодно проходит почти 200 конференций.
- ³⁴ См., напр.: Гольданский В.И. Поездка делегации АН СССР в США на Гордоновскую конференцию по ядерной химии // Успехи физических наук. 1957. Т. 63, № 4. С. 847–857.
- ³⁵ Паркс У. Джордж (1904–1975) – химик, профессор университета Род-Айленда, второй директор исследовательской конференции Гордона (1947–1968).
- ³⁶ Томашов Никон Данилович (1905–1994) – советский физикохимик, доктор химических наук, профессор, основатель кафедры коррозии и защиты металлов Московского инженерно-строительного института.
- ³⁷ РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 572. Л. 190–191.
- ³⁸ Там же. Л. 161.
- ³⁹ Бродд Ральф Джеймс (род. в 1928 г.) – американский ученый, сотрудник Национального Бюро стандартов в Вашингтоне, член научных обществ, изучал различные области электрохимических источников энергии.
- ⁴⁰ Бованкович Джон Карл (1929–2005) – американский инженер-химик, более 40 лет проработал в компании DuPont, член Национальной ассоциации инженеров-химиков.
- ⁴¹ РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 572. Л. 149.
- ⁴² Пурбэ Марсель (1904–1998) – бельгийский ученый, доктор наук, профессор, основатель CITCE, CEBELCOR (Бельгийский центр изучения коррозии), изучал всевозможные аспекты борьбы с коррозией.
- ⁴³ Bockris J.O’M. The founding of the International Society of electrochemistry // Electrochimica Acta. 1991. Vol. 36 (1). P. 21–24.
- ⁴⁴ I Международный конгресс по коррозии металлов состоялся 10–15 апреля 1961 г. в Лондоне, II Международный конгресс проходил в Нью-Йорке 11–15 марта 1963 г.
- ⁴⁵ РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 572. Л. 78.
- ⁴⁶ Лакомб Поль Гилберт Жан Гислен (1911–1997)

- французский ученый, профессор Центра металлургических исследований Высшей национальной горной школы Парижа, профессор ядерной металлургии в Национальном институте ядерных наук и технологий в Сакле, изучал механизмы окисления металлов и разрабатывал методы радиоактивных индикаторов.
- ⁴⁷ Эванс Улик Ричардсон (1889–1980) – английский ученый-металлург, изучал электрохимическую природу коррозии. В «Биографических мемуарах членов Королевского общества» назван «отцом современной науки о коррозии и защите металлов».
- ⁴⁸ Греко Эдвард Карл (1911–2011) – старший научный сотрудник United Gas (1955–1968), вице-президент III Международного конгресса по коррозии металлов в Москве.
- ⁴⁹ РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 780. Л. 104.
- ⁵⁰ Ирвинг Ленгмюр (1881–1957) – американский химик, лауреат Нобелевской премии по химии в 1932 г. «за открытия и исследования в области химии поверхностных явлений», член Национальной академии наук США, иностранный член Лондонского королевского общества.
- ⁵¹ Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958) – французский физик и общественный деятель, один из основателей и лидеров всемирного Движения сторонников мира и Пагуошского движения ученых. Лауреат Нобелевской премии по химии (совместно с Ирен Жолио-Кюри, 1935) и, одновременно инициатор Стокгольмского воззвания, посвященного безусловному запрету атомного оружия. Член Французской академии наук, иностранный член-корреспондент Академии наук СССР, иностранный член Лондонского королевского общества.
- ⁵² Ирен Жолио-Кюри (1897–1956) – французский физик, лауреат Нобелевской премии по химии, совместно с Фредериком Жолио-Кюри.
- ⁵³ Nicolai Albertowich Fuchs ... Указ. соч. Р. 79.
- ⁵⁴ Сборник рефератов по аэрозолям / Под ред. Н.А. Фукса. Т. I. М.: б.и., 1971. 757 с.
- ⁵⁵ Bibliography on aerosols / By A. Strehlow. Oak Ridge, Tennessee: Technical Information Service, 1951. 219 p.
- ⁵⁶ РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 698. Л. 11.
- ⁵⁷ Там же. Д. 699. Л. 29, 40.
- ⁵⁸ Кири А.А. Указ. соч. С. 108–111.
- ⁵⁹ О'Конски Честер Т. (1921–2006) – американский химик, профессор Калифорнийского университета в Беркли, изучал проблемы электрооптики.
- ⁶⁰ РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 662. Л. 93.
- ⁶¹ Ла Мер Виктор Кун (1895–1966) – американский химик, член различных научных обществ и Национальной академии наук, один из корифеев аэрозольной науки до Второй мировой войны.
- ⁶² Опп Клайд (1921–2010) – американский химик, профессор Технологического института Джорджии, занимался разработкой анализатора адсорбции газов.
- ⁶³ Гукер Фрэнк Томсон (1900–1973) – американский химик, изучал аэрозоли, профессор Северо-Западного университета, затем университета Индианы, содействовал налаживанию международных научных контактов с Восточной Европой, включая СССР.
- ⁶⁴ Фридлендер Шелдон Кей (1927–2007) – американский химик, профессор Калифорнийского университета, изучал источники загрязнения среды, один из основателей Американской ассоциации исследований аэрозолей.
- ⁶⁵ Вестуотер Джеймс Уильям (1919–2006) – американский химик-инженер, профессор Иллинойского университета, член Национальной инженерной академии, известен экспериментами в области высокоскоростной фотографии.
- ⁶⁶ Гетц Александр (1897–1970) – американский физик, профессор Калифорнийского технологического института, разрабатывал мембранные фильтры для обнаружения микробиологических агентов, исследовал аэрозоли и загрязнение атмосферы.
- ⁶⁷ Кальман Джон Де Юхаш (1893–1972) – венгерско-американский инженер-механик, профессор Пенсильванского университета, изобретатель, международный авторитет в области исследований дизельных двигателей.
- ⁶⁸ Брок Джеймс (1930–2011) – американский химик, профессор Техасского университета, всемирно известный исследователь аэрозолей, читал лекции в различных высших учебных заведениях мира.
- ⁶⁹ Хиди Джордж – американский ученый, доктор технических наук, член различных научных обществ, в том числе Американской ассоциации исследований аэрозолей.
- ⁷⁰ Дэвис Чарльз Норман (1910–1994) – английский ученый, «пионер в области гигиены труда и аэрозольной науки», основал лабораторию в Лондонской школе гигиены и тропической медицины, где проводились исследования аэрозолей, связанных со здоровьем в промышленности.
- ⁷¹ Лэппле К.Э. – научный сотрудник Стэнфордского научно-исследовательского института и Комиссии США по атомной энергии.

⁷² РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 616. Л. 176.

⁷³ Там же. Д. 698. Л. 13.

⁷⁴ Там же. Л. 20-20 об.

⁷⁵ Там же. Д. 741. Л. 2-2 об.

⁷⁶ Nicolai Albertowich Fuchs ... Указ. соч. Р. 78.

⁷⁷ РГА. Ф. Р-16. Оп. 2-6. Д. 776. Л. 161.

⁷⁸ Там же. Д. 741. Л. 178.

⁷⁹ Там же. Д. 739. Л. 18.

⁸⁰ Там же. Д. 776. Л. 74.

⁸¹ Там же. Д. 777. Л. 50.

⁸² Там же. Д. 776. Л. 85.

⁸³ См. подр.: Сумбурова Е.И. Николай Альбертович Фукс: штрихи к портрету ученого // Наука XXI века: актуальные направления развития: сборник научных статей X Международной научно-практической конференции, 12 октября 2021 года. Самара: Изд-во СГЭУ, 2021. Вып. 2. Ч. 1. С. 111-114.

«PIONEERS» OF SOVIET PHYSICAL CHEMISTRY (MATERIALS FOR THE BIOGRAPHIES OF YA.M. KOLOTYRKIN AND N.A. FUCHS)

© 2022 E.I. Sumburova

Samara State University of Economics

The article is devoted to the participation of two outstanding Soviet physicochemists, Ya.M. Kolotyркиn and N.A. Fuchs, in the international scientific transfer in the 1950s and 1960s. The author uses biographical materials, memories of the relatives and students of the scientists, and introduces previously unstudied letters from the archive fund of the Physicochemical Research Institute named after L.Ya. Karpov to the scientific world. The author underlines contribution of scientists to the study of physicochemical problems: the contribution of Ya.M. Kolotyркиn in the field of study of corrosion and protection of metals, and the role of N.A. Fuchs in the elaboration of the theory of aerosols; she emphasizes that the scientific activity of Soviet scientists was highly appreciated by both Soviet colleagues and foreign experts.

Keywords: USSR, Soviet science, physical chemistry, Yakov M. Kolotyркиn, Nikolai A. Fuchs, scientific transfer, international cooperation.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-88-97

The work was carried out within the framework of the RFBR № 21-09-43084.

УДК 93/94.167.093

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН – ПРОВОДНИК РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

© 2022 В.Н. Шульгин

Калининградское отделение Академии геополитических проблем

Статья поступила в редакцию 31.08.2022

Общественно-политические воззрения А.И. Солженицына являются органической частью русской свободно-консервативной традиции, явленной после Французской революции, окрепшей после 1812 года благодаря Н.М. Карамзину, В.А. Жуковскому, А.С. Пушкину, Ф.И. Тютчеву и их последователям. Явная «перекличка» идей А.И. Солженицына и его предшественников по отечественному направлению консервативного самобытничества выражается в их неприятии подражательности Западу и прямом «генетическом» родстве идей.

Ключевые слова. Интеллектуальная история России, свободный консерватизм, русско-российская самобытность и самобытничество, идеологизм, подражательность «полуобразованной» интеллигенции XIX в. и «интеллигентщины» XX в.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-98-106

А.И. Солженицын и его творчество давно стали предметом общего интереса. При этом поражают, подчас диаметрально противоположные мнения, высказываемые как о нём лично, так и о его воззрениях. При этом ярые критики писателя и мыслителя, которым, конечно нельзя отказать в честности и патриотизме, вовсе не учитывают органическую включенность Солженицына в круг классиков отечественной консервативно-самобытнической «антизападнической» традиции, у истоков которой стояли М.В. Ломоносов, Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин. Это великое направление отечественной мысли и литературы затем было отмечено творчеством классиков от «Золотого» века русской культуры до «Серебряного» с А.С. Пушкиным, Ф.И. Тютчевым, И.В. Киреевским и другими славянофилами, Ф.М. Достоевским, К.Н. Леонтьевым, В.В. Розановым и другими почвенниками. Наконец, эта линия родной классики и «нашего все-

го» не могла не возродиться в советский период с М.А. Шолоховым, В.В. Беловым, В.М. Шукшиным и другими нашими великанами духа и культуры.

Одной из мощных фигур этого «возрожденного» круга стал А.И. Солженицын. Не отменяют этого капитального «идейного факта» и принадлежности к стержневой традиции отечественной классики никакие действительные ошибки писателя в подсчётах числа репрессированных и казнённых в период правления И.В. Сталина. Поскольку очевидна «генетическая» преемственность воззрений Солженицына и его предшественников по главной нашей христоцентричной русской традиции мысли и литературы. К сожалению, это, повторяю, не ведомо его критикам, иные из которых даже переходят на личности. Так, генерал-майор в отставке А. Пыльцин отозвался о Солженицыне как «человеке непорядочном, подлом, лживом» на основании его неприятия И.В. Сталина в бытность офицером во время Великой Отечественной войны¹. Автор «разгромного» материала не учитывает, что молодой Солженицын периода Войны был

Шульгин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, действительный член Академии геополитических проблем (Калининградское отделение). E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru

человеком марксистского советского воспитания. Он критиковал практика Сталина с «книжно-теоретической» точки зрения. Офицер опирался на вымышленный «гуманизм» чистого, так сказать, марксизма-ленинизма, до поры до времени не учитывая бездуховности и утопизма «теории». Лишь в лагере и «шарашке» Солженицын стал отходить от утопических марксистских воззрений и примыкать к классической отечественной консервативной традиции «по Пушкину, по Тютчеву»².

Далее критики указанного рода абсолютно не учитывают того, что, во-первых, антисталинские позиции молодого Солженицына были типичны для думающей дерзновенной молодёжи сталинского времени, и, во-вторых, что взрослевшие критики «красного Августа» постепенно идейно «правили». Так, всем интересующимся этой проблемой известно, что такой классик современной социологии как А.А. Зиновьев ещё «левым» юношей до Войны задумал убийство Сталина как искажителя марксизма-ленинизма, однако, позднее признал величие «вождя», отвергая нападки на него в хрущёвское время. И у Солженицына в публицистических работах уже 1960-1970-х гг. находим положительные суждения о Сталине. Так, в пространном «Письме вождям Советского Союза» (1973) писатель-мыслитель справедливо призывает предать забвению мёртвый марксизм и перейти к национально-ориентированной политике, беря в пример Сталина, который «от первых же дней войны» отбросил «порченную подпорку идеологии» и «развернул... старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, – и мы победили!»³.

Продолжают спорить о Солженицыне и подлинные ученые-исследователи. Однако и у них заметен разноречивый во взглядах. Более того, в одном и том же органе, в том числе просвещённом, как «Литературная Газета», можно встретить почти противоположные оценки творчества писателя-мыслителя. Читаем «сбалансированные» статьи учёных А. Казина и А. Севастьянова, обративших

внимание на «непреодолимую заслугу» Солженицына, «разрушителя ложной идеологии» при опоре на «русский патриотизм», от которого всегда шарахались представители космополитической «образованщины»⁴.

С другой стороны, академик В. Маслов и ряд других авторов говорят Солженицыну «Не верю!», делая упор на якобы ошибочность его «идеологии» в духе Александра III. Зато они верят то либеральным деятелям Февраля 1917 г., то «классикам марксизма-ленинизма»⁵. Словом, «всё смешалось». Представляется, что надо поискать спасительную точку опоры, позволяющую расставить по местам главное, отбросить явный идеологический хлам, не путать «великое» с «малым», помнить, что *истина одна*. Причём она достигается лишь в согласии с «духом народности», воспетым А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, всей традицией отечественной классики XIX–XX вв.

Национальный поэт, будучи врагом «чужеземного идеологизма»⁶, призывал искать истину «с искренностью», понимая, что «нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви»⁷. Эта руководящая мысль постоянна у Пушкина и его последователей. Так поэт по сути благословляя молодой круг близких ему авторов, будущих представителей *русского воззрения* (этим «славянофильским» именем их назовут в 1840-е гг.), призвал вдуматься «с любовью в сочинения Веневитинова (ибо *одна любовь даёт нам полное разумение*)», приводя в «созвучие» ум и сердце⁸.

Эта «методология любви», наследие русской классики, и должна стать руководящей в размышлениях над творениями А.И. Солженицына. Такой подход приводит к оптимальному «исследовательскому» построению. Он побуждает видеть достоинства, ничего не замалчивая, понимая, что «человеку свойственно ошибаться» в отдельных вещах. При этом исследователь научается отделять главное, а именно ценные зёрна истины, добытой его героем, от второстепенного – плевел, порождённых разными привходящими обстоятельства-

ми и естественными частными заблуждениями, бывающими и у великих. Пушкин, руководствуясь этим отпавшим началом любви, ценящей наследие, в споре с неприятелями Н.М. Карамзина, учил: «Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству...»⁹. Поэт потому и призвал молодого В.Г. Белинского, этот «талант, подающий большую надежду», совокупить воедино «более учености, более начитанности, более уважения к преданию...»¹⁰.

Примером объективного «пушкинского» подхода к оценке достижений Солженицына является отзыв В.Г. Распутина, классика русской словесности XX в. В 2008 г., поминая почившего Солженицына, он так суммировал самое главное: «Солженицын безусловно гений – от первой своей книги до последней <...> Он любил свою Родину так, как мало кто из нас может любить. Александр Исаевич – правдолюбец в литературе и в жизни. “Жить не по лжи” – самый главный его завет»¹¹. Аналогично и Ю.М. Поляков, известный литератор и учёный, отвергая «нелюбовь» Солженицына «к советской версии нашей государственности», понимая её личные основания, приведшие к явным перекосам в «Архипелаге ГУЛАГ», признаёт бесспорно «выдающийся» характер подлинных достижений писателя. В числе последних он называет и «Один день Ивана Денисовича», который «должен прочесть каждый старшеклассник», и эпопею «200 лет вместе», относящуюся к болезненному во многом «русско-еврейскому вопросу», – это проявление честной гражданско-патриотической позиции мыслителя, которую поддержала «Литературная Газета»¹².

Итак, если мы уловим дух национального предания или *русской идеи*, то сумеем найти верную точку опоры, позволяющую оценить абсолютно бесспорные достижения Солженицына, понимая, конечно, что никакой человек не безгрешен и даже у Платона есть, по крайней мере, одна част-

ная ошибка (есть они и у Солженицына). Если же наоборот, мы будем в духе беспочвенной «интеллигентщины»¹³ продолжать искать «истину», зашоривая свой взор «социально-классовым подходом», то есть «чужеземным идеологизмом», столь ненавистным Пушкину, то ничего кроме застарелой лжи не обретём, не умея вырваться на «русское поле», завязнув в гибельной западной интеллектуальной трясине, всё болтаясь «от Канта к Марксу» и наоборот.

Многое в отношении к Солженицыну зависит даже не от «идеологических» пристрастий, а от элементарной добросовестности, от инстинктивного «добротолюбия». Так, Э. Лимонов, не так давно умерший, известнейший представитель «русской левой», честный писатель и «большевик», при всём неприятии ряда идей Солженицына отдавал ему должное, открестившись от своих прежних «подсмеиваний» над ним. Он утверждает, что Солженицын был «“большим зверем” по величине таланта». Его «высокие проявления литератора» проистекли оттого, что он был дерзновенным «идеологом крупного размера», имевшим «много таланта». Лимонов говорит о «трагическом человеке», которому не довелось увидеть торжество своих идей, с некоторыми из которых критик согласен, например, возврата единства братских народов – великороссов, малороссов, белорусов. Величие писателя, утверждает Лимонов, особо бросается в глаза сегодня, когда «мир литературы – в кризисе»¹⁴.

Приведены отзывы современных писателей и учёных, стремящихся понять вклад Солженицына в отечественную мысль. Однако, не всем критикам достаёт понимания достигнутой Солженицыным идейной «смычки» с бесспорными достижениями Русской национальной классической традиции, то есть её рецепции в то время, когда почти никто не понимал, что такое единая Русская традиция «от Ломоносова и Фонвизина до Карамзина и Пушкина», а от последних – к классикам славянофильства, почвенничества и русского Серебряного века.

Солженицын же в полной мере усвоил её достижения, прежде всего, *дух народности*. Это видно из его гениальных произведений «Письмо вождям Советского Союза» (1973), «Образованщина» (1974), «Наши плюралисты» (1982). Солженицын вполне осознал, что эта Русская традиция от времени А.С. Пушкина до поры композитора Г.В. Свиридова выкристаллизовалась в огромную по значению единицу всемирного масштаба¹⁵.

Именно её неведение проявилось в критике подходов Солженицына к истории Февраля со стороны вышеупомянутого академика В. Маслова. Поэтому ученый пенял Солженицыну за неприятие подражательного курса Петра I, «топтавшего народную душу» в создаваемом петербургском «сумрачном творении»¹⁶. Между тем известны аналогичные критические оценки Петра, сделанные Н.М. Карамзиным («Виною Пётр»), и А.С. Пушкиным («протестант царь»), обратившими внимание на отход великого преобразователя от *русизма*, и на его крен в заёмный *германизм*¹⁷.

Есть примеры неполного учёта основ Русской традиции, воспринятой Солженицыным, при вполне адекватном понимании ряда его заслуг. Такой «урезанный» подход, например, проявился в процитированной статье А. Севастьянова, посвященной анализу сборника «Из под глыб» (1974). Высоко оценивая сборник, в частности, «национально-патриотический» подход Солженицына, отвергшего «проклятия» в адрес России со стороны «западнистской» диссидентуры, критик, ничтоже сумняшеся, бросился в противоположную крайность. Он раскритиковал «возродительное» стремление Солженицына сотоварищи искать пути выхода Советской России из мировоззренческого тупика, опираясь на рецепцию дореволюционного идейного наследия, той самой Русской традиции, о которой здесь идёт речь. А. Севастьянов по-язычески осудил Солженицына и его друзей за верное дело, а именно, за «возврат к дореволюционной и эмигрантской философской традиции, густо замешанной на христианстве, на

православной морали»¹⁸. Приехали... Современная Россия, судя по этим словам автора, должна возвращаться к древним языческим Перунам, отринув идейные искания и победы прошедшего тысячелетия с лишком!

Мы убедились, что в России не преодолена «смута умов», препятствующая и верному учёту достижений Солженицына. Она выражается, во-первых, в продолжающемся западническом пленении значительной части интеллигенции, блестяще обличенном ещё Пушкиным, а в наше время лучше других раскритикованном Солженицыным (в «Наших плюралистах» и др.). Однако, многие ли знают о смычке двух отрицательных феноменов «модерна», что было осознано Пушкиным и его последователями вплоть до Свиридова и Солженицына в рамках развития Традиции, поставившей *дух народности* во главу угла? Уже Пушкин показал, что русские люди, последовательно впавшие в «чужеземный идеологизм», непременно склоняются к самоедской, самоубийственной русофобии. Так случилось с «героем» его стихотворения, типичным западником. Поэт рисует «национально-кастрированного» представителя «полуобразованного» общества, который «просвещением свой разум осветил», «правды чистый свет увидел» (ирония поэта!), «И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел»¹⁹. Этого рода персоны в наше время ополчились на «деревенщиков», как современных представителей *русского воззрения*, и на их предтечу – Солженицына²⁰.

Во-вторых, наша «смута» заключается в довольно распространённом сегодня непонимании органического *взаимозависимого*, взаимообуславливающего единства двух столпов Русской традиции, а именно, принципа или *духа народности* и *начал православия*, с которым сроднилась русская душа. Именно вследствие непонимания их органического сродства, чему способствуют соблазны, иногда «питаемые» ошибками духовных лиц (страх иных мужей быть русскими), некоторые дерзновенные юноши и отвращаются от Православия, пытаясь искать «русскую правду» в язычестве.

Можно уверенно утверждать, что достоинства А.И. Солженицына как бесспорного классика русской словесности нашего времени проистекли оттого, что он сумел «связать оборванные нити» *Русского духовного наследия*. Он понял *политическую суть* русской идеи Карамзина, Пушкина, Тютчева, Достоевского, всего их круга великих поэтов, писателей и мыслителей, осознавших, что верховная власть в России должна быть, как говорят сегодня, национально-ориентированной, то есть «русской», что соответствует запросу всех россиян ввиду уникального жертвенного характера державного русского народа. Пушкин уяснил, что такое возвращение «русского стиля» в политику (свободные консерваторы до 1917 г. этого не добились) даст ей невиданную ни у кого в Европе внутреннюю и внешнюю силу.

Поняв эту связку между *русизмом* и потенциалом оптимальной *политики Империи*, зрелый Пушкин изрек: «Россия... есть судилище, приказ Европы. Мы великие судьи». Подразумевалось, что Россия, как своего рода вселенная, должна жить сама по себе, не стремясь «куда-то вливаться» и под кого-то «форматироваться». В конце этого сюжета (1836) поэт осудил «демократическое» лицемерие пореволюционной системы, говоря об «отвратительной власти демократии» во Франции. Та является «средоточием Европы» («западной», как затем прибавит Тютчев, также видя в России, чуждой «мерзостей папизма», главную силу Христианской Европы с её духовным центром на «третьеримском» востоке континента²¹). Пушкин, наконец, молвит полатыни: «Девиз России: *Suum cuique*», то есть *каждому своё*, имея в виду, что у России своя духовная, культурная и политическая правда, которой и надо держаться, никому не подражая, и не помогая потенциальному врагу²².

Солженицын с абсолютно той же национально-ориентированной логикой, какую видим у Пушкина и Тютчева, понявших императив *русского пути*, пытался убедить как советскую верховную власть, так и не

менее западническую в основе интеллигентскую элиту (А.Д. Сахарова и др.), выражаясь образно, пересест на «русского коня». Именно поэтому в «Письме вождям Советского Союза» Солженицын призывал власть вспомнить свою русскую народную принадлежность, «преимущественно» задумавшись о судьбе «русского и украинского народов»²³. Попутно заметим явный пророческий потенциал этого совета-прозрения, актуальность которого особенно ощутима сегодня, во время вынужденной военной операции России в Новороссии и Малороссии (Украине).

Писатель, в полном соответствии со славянофильско-почвеннической традицией, предостерегал верхи от повторения дореволюционных ошибок «царской России». Та «бескорыстно возвышала германские державы», часто оказываясь «исполнителем чужих задач»²⁴. Подобные предостережения политическим верхам до 1917 г. безуспешно делали Н.М. Карамзин, Ф.И. Тютчев, Ю.Ф. Самарин, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский. Аналогичные ошибки Солженицын фиксировал и в советское время (довоенная помощь Германии и послевоенная – Китаю), что обернулось страшной Великой Отечественной войной и военным конфликтом с Китаем в 1969 г. (он подразумевался). Писатель-мыслитель делал вывод о необходимости «национальных соображений»²⁵.

Предельно актуально звучит большинство политических советов верхам, сделанных Солженицыным в *духе народности*, воспетом ранее всей русской классикой. Он призывал в условиях растущих глобальных угроз взять пример со Сталина, который с самого начала войны «разумно отбросил» старую «подпорку идеологии», развернув «старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, – и мы победили!» Причём, «никто не зарыдал по марксизму», с энтузиазмом приняв «как самое естественное, наше, русское». Солженицын провидчески предостерегает о неизбежном в близком будущем давлении на Сибирь многонаселённого Китая, торопя верхи перестать во имя

идеологии «воспитывать человечество», задумавшись «как спасти наш народ»²⁶.

А.И. Солженицын как и И.Р. Шафаревич, призывал власть вершить *русский разворот* политического курса энергично, пользуясь выгодной международной обстановкой. США временно слабы, проиграв войну «маленькому Северному Вьетнаму»²⁷. Солженицын обоснованно отвергает многопартийно-демократический проект для современной России. Подразумевая Запад, показывает вред политиканства, «ухлопывающего» массу времени «на избирательную кампанию» и «угождение массе». Солженицын напоминает о возможности манипуляций со стороны «внутренних группировок» и «иностранных правительств», «эмоционального самообмана» народа, отсутствия гарантий правоты «воли большинства». Поэтому он настаивает на проекте просвещённого национально-ориентированного «авторитаризма» для России²⁸.

Солженицын идёт вслед Пушкину, которому была ненавистна лицемерно-пошлая западная «демократия». Он идёт путём главнейших свободно-консервативных мыслителей: от К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова до И.А. Ильина и П.А. Флоренского²⁹. Писатель и на основании своего исследовательского опыта историка Февраля 1917 г. также как его гениальные предшественники убедился в демократическом «позоре» «многопартийных» ликвидаторов русского царства. Никакая демократия западного типа не поможет насущной необходимости обеспечения «внутреннего, нравственного, здорового развития народа»³⁰.

Невозможно перечислить в коротком материале все значимые мысли и предложения Солженицына, обращённые к советскому руководству в том духе, который был характерен уже для «Записки...» 1811 г. Н.М. Карамзина и аналогичного материала Ю.Ф. Самарина «Чему должны мы научиться?» 1856 г., а также некоторых других шедевров русской мысли (статьи А.С. Пушкина «Александр Радищев», философские размышления В.А. Жуковского и т.д.)³¹. Кстати,

и судьба этих памятников Русской мысли сходна. Длительное время все они были засекречены, что явилось самоубийственным «самосдерживанием» России, руководство которой и при Николае Павловиче, и при Леониде Ильиче не поняло элементарной вещи, давно понятой, кстати говоря, англосаксами.

Убийственно и не благородно (погрешески говоря, не аристократично) для великой страны-цивилизации заниматься политикой «сдерживания умов», преследуя первых мыслителей, к которым бы наоборот надо прислушаться. Сторонники Русской традиции всегда призывали верховную власть не препятствовать «совместничеству умов», как блестяще эту «карамзинско-пушкинскую» мысль выразил кн. П.А. Вяземский, но этой элементарной истины не поняли ни в позднее - царское, ни в советское время, что во многом и обусловило крах 1917 и 1991 гг.³² Солженицын столь же верно сознаёт необходимость «свободной колосьбы мыслей», убеждая Политбюро, что поощрение духовной и идейной свободы во имя отечества «быстро избавит вас от необходимости всё новые идеи с запозданием переводить с западных языков, как это происходит все полвека...»³³.

Показывая верхам плодотворные возможности использования умственной свободы, Солженицын в «Письме» предлагал выставить новые вехи, указывающие внутреннее направление развития «сверхдержавы». Тем более, что нас боится Запад, чем надо пользоваться («Не пропустите момент», – призывал писатель)³⁴. Писатель побуждал выйти из «тупика цивилизации», которая нами была заимствована («раковой опухоли» урбанизма, забвения спасительности крестьянского быта, подражательности западной «технической» религии или веры «в прогресс»). Запад из него выйти не в состоянии, а Россия, обладающая неизмеримо большим духовным наследием, освободиться от губительного плена западных иллюзий может и должна. Он призвал «решительно выполнить свой долг – отказаться

от мёртвой буквы ради живого народа», не затягивать вослед «за другими мучительную петлю до конца, пока мы ещё недостаточно в неё вползли»³⁵.

Писатель справедливо критиковал западнистскую теорию конвергенции³⁶, противостоя как верхам, которые были «рады обманываться», подсознательно удовлетворяясь, что «мы их почти догнали», так и космополитической интеллигенции, исповедовавшей те же иллюзии прогрессизма. Другими словами, он стал бороться как против полумёртвого «марксистско-ленинского» официоза, не понимавшего цивилизационной противоположности России и Запада, и пошедшего в 1950–1960-е гг. на поклонение потребительской цивилизации, так и против космополитичной интеллигенции (А. Сахарова и т.д.). Эта борьба Солженицына сотоварищи «на два фронта», – за «национальное перевоспитание» Руководства, то есть западников-марксистов, сидевших в Политбюро и т.п., и против западнистской диссидентуры³⁷ была прямой аналогией дореволюционного противостояния Пушкина сотоварищи из лагеря свободных защитников Русской идеи (народно-царско-православной) и «официальной России». Поэт-гений и его последователи (славянофилы и почвенники) также противостояли как «петровскому» политическому классу, хранителю подражательной «санкт-петербургской цивилизации», так и западнической «интеллигентщине», её обслуживавшей (Ф. Булгарину и т.п.)³⁸.

Таким образом, Солженицын после окончательного расставания с марксизмом (его искания отражены в романе «В круге первом») присоединился к сторонникам «пушкинской» традиции Русского возрождения на своей духовной и самодержавно-политической основе. Эта эпоха борьбы за самобытность шла с перерывами на протяжении двух веков, и полностью не завершена до сих пор. Она не изучена исследователями в её полноте, объединяющей дореволюционный и пореволюционный периоды в одну «петровскую эпоху» (неда-

ром наши левые радикалы называли Петра «первым большевиком»). Здесь нет возможности разворачивать эту тему, но указать на неё необходимо.

Замечательно точно, в духе Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова Солженицын указывал, что России пора бросить вьезшуюся в неё подражательность. Он уточнял, что мы безмысленно и «слепы за западной цивилизацией», несмотря на возможности «центрального планирования»: «уж у нас-то была... возможность не испортить русской природы, не создавать *противочеловеческих миллионных скоплений*. Мы же сделали всё наоборот», в частности, «измерзопакостили широкие русские пространства и обезобразили сердце России, дорогую нашу Москву», наляпав «подражания Западу вроде Нового Арбата». Следовал призыв: «очнёмся», «повернём с места»³⁹.

В духе национальной традиции Солженицын доказывает недопустимость чрезмерной «централизации... духовной жизни», когда старые провинциальные культурные центры впадают в жалкое существование и даже «Питер затускнел совсем». Далее следовали рекомендации, аналогичные «розановским», по подъёму национальной школы, семейного быта с предоставлением матери семейства возможности «не нуждаться в отдельном заработке». Ведь вынужденные пятилетки, обернувшиеся и «подрывом семей», когда женщина взяла в руки лом, теперь в прошлом, и можно заняться «физическим и духовным здоровьем народа»⁴⁰.

Солженицын, кроме платонического стремления к *Русской правде*, как высшей ценности, усвоил от предтеч *русизма* и этос благородно-мужественного стояния за неё. Писатель, возможно, даже не задумываясь, типологически повторил сам образ поведения своих великих предшественников, не смущавшихся тем, что они меньшинство, которое верхи «не слышат». Он следовал сократическому призыву «делать, что должно». Предваряя возможные сомнения верхов о мотивах «Письма», мыслитель указал на исповедуемый им этос во имя правды.

Солженицын пишет, что не преследует «никаких личных целей» (это было очевидно), не дорожит «материальными благами» и «готов пожертвовать жизнью»⁴¹.

Солженицыну веришь. Поняв нечто «самое, самое главное», как спел однажды В.С. Высоцкий, писатель чувствует «тяжелую ответственность перед русской историей». Он, поэтому, «не мог молчать» как и Лев Толстой. Модус жертвенного служения у них, очевидно, тождественный (здесь нет возможности сравнивать доли «про» и «контра», определяя соотношение истинного и сомнительного в конкретных мыслях и обобщениях этих писателей-классиков). Поэтому мы вспоминаем настоящего титана нашего времени, обращая внимание на его бесспорные достижения, главное из которых было возвратом в самобытное лоно национальной духовной и идейной традиции.

На этом главном фоне идейных достижений и жертвенности служения *Вечной России* бледнеют исторические ошибки и недочёты писателя-мыслителя, конечно, также очевидные, например, некоторая доля доверия Западу, бывшая у него до очного знакомства с ним. Оказавшись «на той стороне», «на чужом берегу» А.И. Солженицын усилил цивилизационную критику Запада, элементы которой были у него очевидны уже и в отечестве до 1974 года (год высылки). Достаточно познакомиться с его пространством «Письмом к вождям», написанном в 1973 году, упомянутом в начале статьи. Впрочем, разговор об этих прозрениях ещё советского периода Солженицына, а также выявление соотношения между его явными достижениями и просчётами – дело дальнейшей исследовательской работы историков, занимающихся интеллектуальной историей или историей идей, а также близких к ним по проблематике литературоведов.

Моей целью был показ очевидной «встроенности» национально-ориентированных идей А.И. Солженицына в общерусский свободный национально-консервативный комплекс воззрений классической

христоцентричной словесности, явленный уже во второй половине XVIII века и плодотворно развивающийся до сего дня. Цель всех наших классиков мысли и слова была по-пушкински едина: осознать идейный комплекс, составляющий самобытную Русскую идею, предложить его политической элите во имя торжества нашего «национального возрождения» с целью завершения «подражательного» санкт-петербургского периода модерна и утверждения во всей полноте «самобытной» цивилизации Москвы – Третьего Рима.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пыльцын А. Солженицын – классик лжи и предательства // Русская народная линия - https://ruskline.ru/analitika/2014/02/05/solzhenicyn_klassik_lzhi_i_predatelstva (дата обращения: 12.09.2022).
- ² Это изменение воззрений А.И. Солженицына отчасти отражено в его романе «В круге первом».
- ³ Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза // Солженицын А.И. На возврате дыхания: Избранная публицистика. – М.: Вагриус, 2004. С. 154.
- ⁴ Казин А. Был прав и ошибался // Литературная Газета. 2010. № 37 (6281); Севастьянов А. Глыбы, люди, эпоха // Литературная Газета. 2010. № 31 (6474). С. 3.
- ⁵ Маслов В. Не верю! // Литературная Газета. 2007. № 21 (6121). С. 4; Горбунов Ю. Читая напутствие А.И. Солженицына «Жить не по лжи» // Электронное издание «Литературной Газеты». 2018 URL: <http://lgz.ru/blog/chitaya-gorkogo/chitaya-naputstvie-a-solzhenitsyna-zhit-ne-po-lzhi-ili-dva-kodeksa-zhi/> (дата обращения: 10.09.2022).
- ⁶ Пушкин А.С. О народном воспитании (1826) // Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. М.: Наука, 1964. С. 43.
- ⁷ Пушкин А.С. Александр Радищев (1836) // Там же. С. 360.
- ⁸ Пушкин А.С. Денница (1830) // Там же. С. 112-113 (курсив мой. – В.Ш.).
- ⁹ Пушкин А.С. История русского народа (1830) // Там же. С. 133 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹⁰ Пушкин А.С. Письмо к издателю (1836) // Там же. С. 481-482 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹¹ Распутин В.Г. Он вернулся на родину как апостол // Труд. 5 августа 2008. № 143
- ¹² Споры о Солженицыне // Культура (газета). 24.09.2014.

- ¹³ См. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины (1914). М.: АСТ, 2003. С. 246.
- ¹⁴ *Лимонов Э.* «Большое» интервью к 75-летию на ГТРК России («Россия 24») // URL: https://www.vesti.ru/videos/show/vid/746209/cid/1/#/video/https%3A%2F%2Fplayer.vgtrk.com%2Fframe%2Fvideo%2Fid%2F1763760%2Fstart_zoom%2Ftrue%2FshowZoomBtn%2Ffalse%2Fsid%2Fvesti%2FisPlay%2Ftrue%2F%3Facc_video_id%3D746209 (дата обращения: 12.09.2022).
- ¹⁵ См.: *Свиридов Г.В.* Музыка как судьба. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2017. 795 с.
- ¹⁶ *Маслов В.* Указ. соч. С. 4.
- ¹⁷ См.: *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях (1811). М.: Наука, 1991. С. 35.; *Пушкин А.С.* История Петра // Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 9. – М.: Наука, 1965. С. 386.
- ¹⁸ *Севастьянов А.* Указ. соч. С. 3 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹⁹ *Пушкин А.С.* Ты просвещением... (1827–1836) // Полн. собр. соч. Т. 3. – М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 391.
- ²⁰ Известно высказывание «деревенщика» В.П. Астафьева: «Все мы вышли из “Матрёниного двора”». Рассказ «Матрёнин двор» был написан Солженицыным в 1959 г.
- ²¹ *Тютчев Ф.И.* Россия и Германия (1844) // Полн. собр. соч. и письма в 6 томах. Т. 3. М.: Изд. центр «Классика», 2003. С. 115, 119 и др.
- ²² *Пушкин А.С.* «История поэзии» С.П. Шевырева // Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. С. 397, 399.
- ²³ *Солженицын А.И.* Письмо вождям... С. 147.
- ²⁴ Там же. С. 148–149.
- ²⁵ Там же. С. 150.
- ²⁶ Там же. С. 154, 171
- ²⁷ Там же. С. 172
- ²⁸ Там же. С. 175–176.
- ²⁹ См., напр.: *Розанов В.В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии (1895). СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1912. С. 10, 13, 73, 82–86 (доступно современное издание этой работы); *Флоренский П.А.* Предполагаемое государственное устройство в будущем: Сборник архивных материалов и статей / Сост. игумен Андроник (Трубачев). М.: Изд. Дом «Городец», 2009. С. 7–15.
- ³⁰ *Солженицын А.И.* Письмо вождям... С. 178.
- ³¹ См., напр.: *Самарин Ю.Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т.А. Медовичева. – М.: Изд. центр «ТЕРРА», 1997. С. 74–88.
- ³² *Вяземский П.А.* Записка о князе Вяземском, им самим составленная (1828–1829) // URL: http://dugward.ru/library/vyazemskiy/vyazemskiy_zapiska_o_knaze_vyazemskom.html (дата обращения: 12.09.2022).
- ³³ *Солженицын А.И.* Письмо вождям... С. 179.
- ³⁴ Там же. С. 172.
- ³⁵ Там же. С. 158.
- ³⁶ Там же. С. 156.
- ³⁷ См.: *Солженицын А.И.* Наши плюралисты (1982) // *Солженицын А.И.* На возврате дыхания. Избранная публицистика. М.: Вагриус, 2004. С. 286–320.
- ³⁸ Подробнее см.: *Шульгин В.Н.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. – СПб.: Нестор-История, 2009.
- ³⁹ *Солженицын А.И.* Письмо вождям... С. 155–159.
- ⁴⁰ Там же. С. 165–168.
- ⁴¹ Там же. С. 180–181.

A.I. SOLZHENITSYN AS A SUCCESSOR OF RUSSIAN NATIONAL TRADITION

© 2022 V.N. Shulgin

Kaliningrad Branch of the Academy of Geopolitical Problems

The social and political views of A.I. Solzhenitsyn represent an organic part of the Russian free conservatism tradition that emerged after the French Revolution and matured after the 1812 due to N.M. Karamzin, V.A. Zhukovsky, A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev, and their successors. The clear “consonance” of the ideas of A.I. Solzhenitsyn and his predecessors in the Russian tradition of the conservative originality is expressed in their rejection of imitation of Western culture and in the direct “genetic” relationship of their ideas.

Keywords: intellectual history of Russia, free conservatism, Russian uniqueness and originality, ideology, imitativeness of “semi-educated” intelligentsia in the XIX century and “intelligentschina” in the XX в.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-98-106

Vladimir Shulgin, Doctor of History, Active Member of the Academy of Geopolitical Problems.
E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru

УДК 94(47).083

ДОКУМЕНТЫ О ТРУДОУСТРОЙСТВЕ В ГОРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

© 2022 Е.Ю. Семенова

Самарский федеральный исследовательский центр РАН,
Самарский государственный технический университет

Статья поступила 30.06. 2022

В статье проанализированы тексты прошений, связанные с поиском работы в системе городского хозяйства и информационной среды. Установлены компоненты общей формы для составления прошений. Проанализированы подходы, выявленные в обоснованиях о получении работы в прошении, составленных представителями различных категорий населения поволжских городов. Определены лингвистические особенности при составлении прошений, характерные для представителей разных социальных групп. Выявлены типичные тенденции мотивации в получении работы, присущие представителям определенной социальной среды и выраженные при обосновании необходимости занятости.

Ключевые слова: прошение, трудоустройство, городское пространство, распространение печатной продукции, городское хозяйство.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-107-114

На современном этапе развития система занятости и трудовая деятельность населения продолжают являться важными факторами социальной, политической и экономической стабильности¹. В условиях Первой мировой войны данная проблема была обострена процессом инфляции², перестройкой гендерных отношений в сфере занятости³ и сложившихся норм обеспечения населения⁴.

Ходатайства горожан о трудоустройстве, возможности осуществлять различные виды деятельности, отправленные представителям местной администрации, являются ценным источником для анализа общих тенденций и выявления особенностей, присущих разным социальным группам, в вопросах поиска работы. Ходатайства как исторический источник, исследовались в

ракурсе изучения повседневности⁵. Однако проблеме трудоустройства в них не было уделено комплексного внимания, к ней обращались в связи с изучением положения отдельных категорий населения – беженцев⁶, учащихся⁷, военнопленных⁸ в условиях военного периода.

Трудоустройство как основа получения дохода для местного населения в годы Первой мировой войны на территории тыловых городов было осложнено наличием конкуренции⁹, поскольку города пополнились новыми группами населения – беженцами, эвакуированными, которые могли улучшить материальное положение, приобретя место занятости и заработную плату.

Для прошений, подаваемых в различные структуры возможного трудоустройства, существовала определенная форма, согласно которой его следовало оформлять. В случае открытия магазина по продаже печатной продукции, издательского дела, осуществления продажи печатной продукции вразнос прошение писалось на имя губернатора территории трудоустрой-

*Семенова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Самарского федерального исследовательского центра РАН, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Самарского государственного технического университета.
E-mail: dashka129k@yandex.ru*

ства или в МВД, если деятельность была связана с территорией всего государства, в свободной форме, с указанием данных просителя (фамилии, имени, отчества, социального статуса, места рождения и адреса проживания). При трудоустройстве в структуры, связанные с деятельностью местного самоуправления, прошение писали в соответствующую городскую управу. Кроме составления прошения было необходимо соблюсти ряд критериев.

Так, для организации торговли книгами и печатной продукцией, прошение оформлялось на имя губернатора, требовало проверки просителя. Во-первых, полицмейстер делал запрос приставу городского участка об адресе проживания. Во-вторых, осуществлялась проверка Губернским жандармским управлением на благонадежность. В-третьих, обязательной являлась оплата гербового сбора, марки которого наклеивались на бланк прошения, а также был необходим гербовый сбор на право как разносной торговли, так и торговли стационарной, в лавке или в магазине. Причем сбор следовало заплатить за каждую персону разносчика, даже при наличии общего организатора дела. Данные требования были определены законодательно. Основанием являлись статьи 158 и 175 Устава о цензуре и печати Свода законов Российской империи тома 14 издания 1890 г. и его продолжения от 1906 г.¹⁰ В 1914 г. стоимость гербовой марки на прошение составляла 1,25 руб.¹¹ Размер гербового сбора на разносную и стационарную торговлю отличался, был связан с территориальными границами ведения торговли. Важным являлся также аспект ассортимента печатной продукции, которую предполагалось реализовывать.

Для торговли в пределах России без ограничения территории губернии прошение следовало подавать в МВД. Так, прошение от января 1916 г. крестьянина села Павловка Бузулукского уезда Самарской губернии Михаила Карповича Булкина о разрешении на разносную торговлю «книгами и картинами во всех местностях России», несмотря

на то, что им были оплачены две гербовые марки по 1 руб., не увенчалось свидетельством, поскольку было направлено не в МВД, а самарскому губернатору¹².

В случае если желающий осуществлять торговлю на территории определенной губернии или ее части являлся жителем другой губернии, запрос об адресе проживания и политической благонадежности направлялся в аппарат соответствующей губернии. Так, в декабре 1914 г. на имя самарского губернатора поступило прошение от крестьянина Михаила Григорьевича Рогонова из Нижегородской губернии на осуществление разносной торговли «произведениями печати» в 1915 г. в пределах Самарской губернии. Ответ на него поступил нижегородскому губернатору, поскольку проситель являлся крестьянином нижегородской губернии. Необходимые сведения в Самаре также были получены от Нижегородского губернатора. Отметим, что прошение оставалось «без движения» пока не была оплачена необходимая сумма сбора в 4 руб.¹³

«Без движения» оставалось и прошение от января 1917 г. крестьянина из села Николаевки Николаевского уезда Самарской губернии Владимира Никифоровича Кувшинова о праве осуществлять торговлю в селе Балаково «вразноску и на месте» газетами, календарями и книгами из-за недоплаты гербового сбора в 3 руб. Подчеркнем, что Кувшинов уже имел свидетельство на право книжной торговли №15756, выданное 22 декабря 1910 г., однако им определялись возможности разносной торговли только книгами и только стационарно¹⁴.

Результатом прошения на открытие книжного магазина или разносной торговли являлся или отказ по причине отсутствия оплаты гербового сбора, отсутствия данных от полицмейстера об адресе проживания, из-за наличия сведений о политической неблагонадежности, безграмотности претендента на торговлю печатной продукцией или выдача свидетельства на осуществление торговли книжной или печатной продукцией.

Так, крестьянин Алексей Васильевич Зубакин получил в качестве ответа на прошение о расширении торговли печатной продукцией от 3 декабря 1915 г. свидетельство №135 от 4 января 1916 г. на право разносной торговли «газетами и другими печатными произведениями» в Самарской губернии. Сам проситель проживал в уездном городе Новоузенске, где имел книжный магазин, разрешенный свидетельством №1193 от 26 января 1913 г. А.В. Зубакина интересовала также возможность посылать служащих торговать в его отсутствие газетами, журналами, печатными произведениями вразнос по Новоузенску и уезду. Он обосновывал расширение предприятия увеличившимся спросом на книги и газеты в связи с ростом количества населения в городе Новоузенске, особенно после распределения на его территории батальона. По поводу самого Алексея Васильевича в свидетельстве было отмечено, что ему «разрешается производить в г. Самаре и пределах Самарской губернии разносную торговлю книгами, газетами, журналами и другими произведениями печати с тем, чтобы Зубакин при торговле этой в точности соблюдал все существующие и могущие быть изданными впоследствии цензурные правила и постановления»¹⁵. В отношении же персонала он получил уведомление, что для каждого разносчика необходимо отдельное свидетельство на право разносной торговли.

Возможность трудоустройства и получения дохода обеспечивало издание периодики. Оно осуществлялось на основании параграфа 15 приложения к статье 114 Устава о цензуре и печати. Прошение подавалось на имя губернатора как издателем об открытии газеты, так и лицом, которое должно было стать главным редактором. И издатель, и редактор должны были обладать общей гражданской правоспособностью, не состоять под судом и следствием, пройти проверку полицмейстера на благонадежность.

Для устройства на работу в структуры, подотчетные местному самоуправлению, следовало обратиться с ходатайством в

управу, указав свои данные и характеристики образования и профессиональной деятельности в свободной форме.

Очевидно, война и связанные с ней героические страницы оказались причиной несоблюдения некоторых предписаний со стороны местных структур при выдаче документов на работу. Вразрез с приведенными выше примерами отказа в выдаче разрешения на осуществление торговли печатной продукцией приведем случай предоставления свидетельства на право продавать издания печати в пределах Самарской губернии раненому 53-го Волынского полка Семену Васильевичу Горишевскому, крестьянину Подольской губернии. Он обратился с прошением к самарскому губернатору о выдаче свидетельства на право продажи журналов, газет, писем 14 февраля 1916 г., отметив в нем: «...надеюсь, что моя просьба не будет оставлена Вашего внимания и душевного чувства к раненому пострадавшему военных действий, которому может еще придется постоять за дорогую Родину и делать себя героем над врагом», причем написал прошение с многочисленными ошибками. Однако уже 18 февраля 1916 г. ему было выдано свидетельство №3314, согласно которому разрешалось производить «в гор. Самаре и пределах Самарской губернии... торговлю книгами, газетами, журналами, открытками и другими произведениями печати»¹⁶. Выдаче свидетельства не помешала не только безграмотность просителя, но и неплата гербового сбора. Только спустя год, 6 февраля 1917 г., из канцелярии самарского губернатора начальнику адресного стола г. Самары поступил запрос о необходимости сообщить адрес С.В. Горишевского. Спустя две недели выяснилось, что он проживает по ул. Саратовской в доме №25, после чего самарскому полицмейстеру было поручено взыскать с Горишевского гербовый сбор в размере 4 руб.¹⁷.

Поиск работы мотивировался людьми по-разному.

Жизненным являлось стремление обывателей заработать дополнительный доход

в условиях, когда пресса стала особенно востребованной населением, поскольку позволяла получить информацию о текущих событиях на фронте¹⁸. Так, 5 декабря 1914 г. капитан 1-го разряда Александр Иванович Ваганов, проживавший в городе Самаре на Соборной улице в доме №110, подал прошение на имя самарского губернатора, ходатайствуя о разрешении на открытие ежедневной газеты под названием «Волжский курьер». Спектр информации, которую собирался публиковать в своем издании Ваганов, был довольно широк, включал: 1) объявления, 2) переводные статьи по вопросам внешней и внутренней политики, 3) статьи по вопросам истории, науки, искусства и литературы, 4) хронику русской и заграничной жизни, 5) телеграммы и их экстренные выпуски, 6) фельетоны, 7) судебную хронику и отчеты о судебных процессах, 8) данные о работе театра, 9) справочный отдел. Учитывая, что подписная цена издания была заявлена на год – 4 руб. 50 коп., на 6 месяцев – 2 руб. 25 коп., на 3 мес. – 1 руб. 20 коп. и на 1 мес. – 40 коп., а отдельного номера – 3 коп., ожидалось получение приличной прибыли. Местом издания газеты была определена электро-типография А. Козлова и К°, располагавшаяся на Саратовской улице в доме Подбельского. Обязанности ответственного редактора по изданию газеты «Волжский курьер» взял на себя Алексей Иванович Кочетков. К 30 декабря 1914 г. и издатель, и редактор прошли проверку Самарского губернского жандармского управления на благонадежность, Ваганов получил свидетельство №800 на издание газеты «Волжский курьер»¹⁹.

Аналогичной была мотивировка крестьянина Ивана Ивановича Плетнева из Саратовской губернии, проживавшего в Самаре на улице Успенской в доме №70, который в начале февраля 1917 г. ходатайствовал о выдаче свидетельства «на право открытия книжно-газетной и открытыми письмами торговли из киоска в г. Самаре», указав, что находится киоск будет «на набережной р. Волги около паромных пристаней», то

есть в весьма оживленном и прибыльном с точки зрения ведения торговли месте городской черты²⁰.

В связи с дороговизной доходы разных категорий населения сокращались, что требовало поиска работы, в том числе со стороны учащихся, для пополнения семейного бюджета. Так, крестьянка уездного города Новоузенска Самарской губернии Мария Васильевна Михеева 25 сентября 1916 г. обратилась с прошением к губернатору, ходатайствуя о работе для своего сына: «Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство дать разрешение на право торговли газетами в разноску по городу Новоузенску моему сыну пятнадцати лет на прокормление нашего семейства, так как мой муж взят по мобилизации от 25 сентября 1916 г. К сему прилагаю четыре гербовые марки. Постоянное местожительство город Новоузенск, Щепной базар, собственный дом»²¹.

Аналогичный мотив отражен в прошении ученика 2 класса Казанского технического училища Александра Тихонова от 12 мая 1917 г. заведующему городским канализационно-водопроводным отделом. Он сообщал: «Крайне нуждаясь материально, так как родитель мой, служащий в настоящей казанской городской управе получает крайне ограниченное содержание, которого еле хватает на прокормление нашей многочисленной семьи, вследствие изложенного вынужден покорно просить о принятии меня в вверенный Вам Канализ.-водопровод. отдел на какую-либо службу практиканта, что даст мне возможность жить и иметь хорошую практику по своей профессии»²².

Среди прошений и переписки о работе обратим внимание на письмо помощника казанского губернского землемера Мечислава Фомича Немчинова, отправленное представителю городского самоуправления 30 декабря 1916 г., демонстрирующее, что и в условиях сложной для страны ситуации отдельные лица руководствовались лишь собственным благополучием, вовсе не думая о проблемах государства и общества.

Немчинов писал: «В дополнение к личным переговорам с Вами по поводу занятия должности межевого инженера по канализации гор. Казани, честь имею сообщить, что принять на себя означенную должность могу на следующих условиях:

1. При гарантии Городской Управы, что служба моя продолжится не менее 5 лет.

2. При окладе содержания 4800 руб. в год.

К сему для сведения присовокупляю, что Межевой институт я окончил в 1908 году. В течение 8 лет службы по межевому ведомству исполнял многочисленные геодезические угломерения и нивелирные работы в частном порядке; между прочим последняя моя нивелирная работа заключалась в нивелировке плаца в г. Казани за Академической слободой, предназначенного под заразные бараки Союза городов.

В отношении воинской повинности значился белобилетником призыва 1905 года, по переосвидетельствовании 27 сего декабря перечислен в ратники 2-го разряда.

Настоящее мое служебное положение освобождает от несения службы в рядах войск.

Ввиду сего, прежде окончательного перехода на службу в городскую Управу, я желал бы быть убежденным, что служба по канализации будет признана работой на оборону, то есть также буду освобожден от службы в рядах войск.

Огласка переговоров о переходе на городскую службу повлияет на мое служебное положение, посему прошу Вас переговоры эти не предавать гласности до окончательного выяснения условий перехода и возбуждения мною ходатайства о выходе в отставку»²³.

Для женщин в годы войны трудоустройство стало особенно актуальным в связи с необходимостью обеспечивать себя и детей в отсутствие супруга и ростом цен на самые необходимые товары и продукты питания. Типичным был текст прошения о занятии разносной книжной торговлей, отправленного в марте 1916 г. крестьянкой Александрой Логиновной Ембулаевой из Николаевска, уездного города Самарской губернии, с

обоснованием необходимости трудоустройства: «...после смерти своего мужа, старшего участкового городского, у меня осталось 5 малолетних детей, которых мне воспитывать очень трудно, не имея на это средств»²⁴.

Обстоятельства войны могли сочетаться с дополнительными трагедийными событиями, вносившими в жизнь обывателей разорение и необходимость срочного поиска работы. Например, жена подпоручика 240-го пехотного запасного полка Надежда Даниловна Титова в прошении, направленном в Канализационный отдел городской управы в августе 1917 г., писала: «14-го августа сего года, в день страшной катастрофы, постигшей город Казань, все принадлежащее мне имущество, деньги, документы и бумаги, все было уничтожено пожаром, произошедшим в находящемся в районе расположения лагерей 240 пехотного запасного полка бараке №5, где я снимала квартиру. И я осталась положительно без приюта и без всяких средств к дальнейшему существованию... Посему покорнейше прошу дать мне службу и тем самым дать средства к дальнейшему существованию и возможность детям моим Борису, Евгению и Михаилу продолжать начатое ими образование... присовокупляю, что сын мой Борис лежит в постели, будучи раненным осколком снаряда в левую ногу и нуждается в постоянном уходе и лечении»²⁵.

Вынуждены были искать работу беженцы и беженки, оказавшиеся в чужом городе без достаточных средств к существованию. Например, беженка Дарья Степановна Хальвит из Гродненской губернии ходатайствовала в апреле 1916 г. перед самарским губернатором о получении свидетельства на право продажи книг, газет, журналов и других произведений печати в Самарской губернии: «...надеюсь, что моя просьба не будет оставлена Вашего внимания и душевного чувства пострадавшей беззащитной девушке, которая желает собственным трудом заработать себе кусок хлеба для существования своей жизни. Гербового сбора ввиду моей бедности оплатить сейчас не могу». Несмотря на то, что прошение было написано с многочисленны-

ми ошибками, и отсутствие гербового сбора Хальвит уже 18 апреля было оформлено свидетельство за №6902 на право «производить в гор. Самаре и пределах Самарской губернии разносную торговлю книгами, газетами, журналами и другими произведениями печати с тем, чтобы... при торговле в точности соблюдала все существующие и могущие быть изданными впоследствии цензурные правила и постановления»²⁶.

Все свидетельства вручались просителям под расписку полицмейстером. В отношении Д.С. Хальвит выяснилось, что по указанному адресу на ул. Л. Толстого в доме №11 квартире №6 она отсутствует, выбыла неизвестно куда²⁷, возможно, переехала в другой населенный пункт.

При возможности беженцы старались обрести работу, соответствующую уровню образования и профессиональных навыков, занимаемому ранее положению. Так, техник 17-го дорожного отряда Петр Иванович Озолин, переселившийся из Риги, в прошении об устройстве на работу сообщал: «...я был вынужден оставить вышеупомянутый край, где имел близ г. Митава кирпичный и лесопильный завод, мастерские деревянных и цементных изделий и строительно-техническую контору в г. Риге, по Ольгинской ул. №4 собственный дом... Могу сообщить, что от военной службы я совершенно освобожден 3 июля с.г. Вольмарским уездным присутствием и могу оставить таковую во всяком времени»²⁸. Озолин указывал, что хочет быть ближе к семье и улучшить их состояние.

Для военнопленных дополнительный доход позволял обеспечить дополнение к выделяемому на их содержание довольствию. Когда при Казанской городской управе стал формироваться канализационный отдел в период декабря 1916 г.- марта 1917 г., в управу была направлена серия прошений о принятии в него на работу от разных лиц, в том числе военнопленных чехов, размещенных в Казани²⁹.

Представители местного самоуправления осуществляли трудоустройство лиц для

ведения книжной торговли в целях просвещения местного населения. Например, в июле 1916 г. Бугурусланской уездной земской управой было получено разрешение на открытие книжного склада при управе и книжных лавок в селах Аманак и Коровино (заведующие книжными лавками – Людмила Александровна Петрова, Наталия Краснощекова и Иван Михайлович Филипюк). Управа уже открыла книжные лавки в селах Пономаревка и Матвеевка и кроме указанных сел планировала открыть точки книжной торговли еще в слободе Кинель-Черкассы и в пригороде Сергиевск. Объяснение в прошении к губернатору по поводу расширения книжной торговли было связано с благотворительными и просвещенческими задачами: «Во вновь открываемом складе и книжных лавках, как и в существующих, будут продавать книги и картины, дозволенные цензурой, а также канцелярские и письменные принадлежности по заготовительной стоимости, в целях удешевления и большей доступности»³⁰. Кандидатуры на осуществление книжной торговли управа нашла из местных жителей и сотрудников местных земских структур (в Аманаке делом должна была руководить крестьянка Людмила Александровна Петрова, в Коровино – фельдшер Наталия Краснощекова, в земском книжном складе – крестьянин Иван Михайлович Филипюк).

Аналогичные основания были при открытии книжной торговли у деятелей благотворительных обществ. Например, мещанин города Вознесенска Херсонской губернии Сергей Степанович Моривинский в марте 1917 г. обратился с прошением взять на себя ответственность за книжный склад, открываемый обществом «Самопомощь» в помещении Средне-Волжского товарищества кооперативов в городе Самаре по улице Соборной, дом №94³¹.

Анализ текстов прошений, связанных с поиском работы в системе городского хозяйства и информационной среды в условиях Первой мировой войны, позволяет определить следующие особенности, харак-

терные в процессе трудоустройства. Компоненты общей формы для составления прошений включали указание адресата, достаточно полные сведения о просителе. При этом в ряде сфер трудовой деятельности, особенно связанных с информационной средой, проситель проходил проверку правоохранительных структур (полиции и жандармского управления), прежде чем получить разрешение на работу в виде соответствующего документа – свидетельства.

Подходы к мотивировке трудоустройства, выявленные у представителей различных категорий населения поволжских городов, пересекались в «точке» необходимости работы для обеспечения жизни, но имели отличие по частным обоснованиям. Среди них отличительной чертой для женщин фигурировали необходимость обеспечения детей, отсутствие мужа-кормильца, для беженцев – безвыходное положение нахождения в отрыве от обжитой территории и потеря всего нажитого, для юношей – стремление помочь семье, для мужчин – обрести устойчивое и по возможности выгодное и прибыльное положение, а также меркантильные цели освобождения от воинского призыва. В условиях войны отмечены случаи использования в прошении при мотивировке трудоустройства статуса защитника Отечества, а также личных связей и претенциозного статуса.

Можно выделить лингвистические особенности, отмечавшиеся при составлении прошений, у представителей разных социальных групп. Прощения крестьян часто содержат грубые ошибки в орфографии и пунктуации, простые лингвистические конструкции, для них типичны простые объяснения необходимости работы как источника дохода. Представители социальных сред, имевших возможность получить образование и относительно статусную работу, составляли прошения грамотно, выражали мнение о возможных благах для своей персоны или о благах результатов деятельности в интересах общества.

Подчеркнем, что война внесла коррек-

тивы в реализацию прошений, упростив получение работы в ряде сфер без соблюдения некоторых требований, прежде всего материального плана.

Как исторический источник прошения о получении работы в той или иной форме позволяют выявлять широкий круг проблем: наличие и разновидности сфер занятости в городской среде, мотивы и притязания в сфере труда, гендерные и возрастные отличия в подходе к целям трудоустройства, влияние войны и иных неблагоприятных жизненных обстоятельств на необходимость поиска трудовой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колесникова О.А., Маслова Е.В. Занятость населения как фактор социальной стабильности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4. С. 123.

² Черемисинов Г.А. Макроэкономическая динамика России в годы Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2014. № 5 (29). С. 7.

³ Щербинин П.П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914-1918) // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал. 2004. № 1-2 (30-31). С. 58-59.

⁴ Семенова Е.Ю. «...Как ни ужасна, как ни грандиозна эта война, и она под ногами Высот Человеческого Духа»: Первая мировая война в письмах и дневниках жителей тыловой провинции // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы III Всероссийской научной конференции (8-9 декабря 2016 г., Самара, СамГТУ). Вып. 3 / под ред. Е.Ю. Семеновой; ред. кол.: А.Б. Бирюкова, А.В. Богачев, С.Ю. Митрофанова. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. С. 42.

⁵ Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917- май 1921 г). Сборник документов / Сост. В.И. Шишкин. Изд. 2, расшир. и доп. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.; Храмцов А.Б. Письма граждан во власть как источник изучения повседневной жизни Тюмени начала XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2011. № 12 (74). С. 157-170.

⁶ Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах времен-

- ного проживания // Вестник БФУ им. И. Канта. 2013. № 12. С. 51-62; Соколова В.И., Харитонова С.Б. Размещение и трудоустройство беженцев в Симбирской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. 2013. №2. С. 53-61; Щетинина А.С. Трудоустройство беженцев в сибирских городах во время Первой мировой войны // Былые годы. 2021. № 16(3). С. 1542-1551, и др.
- ⁷ Букалова С.В. Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодёжной политики в годы первой мировой войны // JOURNAL OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION. 2015. № 2(17). С. 141-147; Карпова В.В. Региональные особенности деятельности трудовых дружин учащихся в России в годы Первой мировой войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 3(35). С. 128-145, и др.
- ⁸ Смирнов Ю.И., Скрипникова М.И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник МИЭП. 2016. № 1 (22). С. 135-139; Тихонов А.В. Условия содержания иностранных военнопленных в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губерний // Вестник Пермского университета. 2016. № 2(33). С. 60-69 и др.
- ⁹ Семенова Е.Ю. Взаимодействие горожан и беженцев на территории тылового города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 6. № 3(2). С. 436.
- ¹⁰ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3871. Л. 11.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 58.
- ¹³ Там же. Л. 38-40.
- ¹⁴ Там же. С. 77, 78, 80.
- ¹⁵ Там же. Л. 50-52.
- ¹⁶ Там же. Л. 82.
- ¹⁷ Там же. Л. 83-84 об., 89.
- ¹⁸ Агапов В.Л. Газетный мир Владивостока в период Первой мировой войны (1914-1916 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. №2. С. 80-81.
- ¹⁹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3485. Л. 1-3, 6.
- ²⁰ Там же. Д. 3871. Л. 91.
- ²¹ Там же. Л. 101.
- ²² ГА РТ. Ф. 98. Оп. 5. Д. 6576. Л. 26.
- ²³ Там же. Л. 52-52 об.
- ²⁴ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3871. Л. 60.
- ²⁵ ГА РТ. Ф. 98. Оп. 5. Д. 6576. Л. 63.
- ²⁶ Там же. Л. 85-86.
- ²⁷ Там же. Л. 87.
- ²⁸ ГА РТ. Ф. 98. Оп. 5. Д. 6576. Л. 66.
- ²⁹ Там же. Л. 1-24.
- ³⁰ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3871. Л. 67-69.
- ³¹ Там же. Л. 99.

EMPLOYMENT DOCUMENTS IN THE CITIES OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SITUATION OF THE FIRST WORLD WAR AS HISTORICAL SOURCES

© 2022 E.Yu. Semenova

Samara State Technical University,
Samara Federal Research Center Russian Academy of Sciences

The article contains an analysis of the texts of petitions related to job search in the system of urban economy and the information environment of the cities of the Middle Volga region in 1914-1918. The author reveals the components of the general form for writing petitions; analyzes approaches to justifying employment in petitions drawn up by representatives of various categories of the population of the cities of the Volga region; indicates the linguistic features of the petitions characteristic of representatives of different social groups. As a result, the author managed to identify trends in motivation when applying for a job, which were typical for representatives of a certain social environment and were expressed in justifying the need for employment.

Keywords: petition, employment, urban space, distribution of printed materials, urban economy.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-107-114

Ekaterina Semenova, Doctor of History, Associate Professor, Senior Researcher Fellow, History and Archeology Department, Samara Federal Research Center; Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University. E-mail: dashka129k@yandex.ru

УДК 930

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В РККА В 1920-Е - ИЮНЕ 1941 Г.:
ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ.
КРАТКИЙ ОБЗОР**

© 2022 С.А. Трибунский

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 28.05.2022

В статье автор рассматривает некоторые аспекты истории изучения проблемы культурно-просветительной работы в Красной армии (РККА) в 1920-е - июне 1941 г. в постсоветской историографии. Под постсоветской историографией исследователь имеет в виду массив отечественных историографических источников, изданных, начиная с 1992 г. Для историографического обзора автор отобрал комплекс историографических источников, имеющих и прямое, и косвенное отношение к теме культурно-просветительной работы в РККА в 1920-е - июне 1941 г. При их обзоре учтены условия, в которых развивалась постсоветская историография, наложившие отпечаток на сущность и содержание всех исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: Красная армия, культурно-просветительная работа, партийно-политическая работа, историография, историографический обзор, методологическая «растерянность», постсоветская историография, 1990-е годы.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-115-123

Работа историографа во многом напоминает работу землекопа. Отжитая, жизнь лежит перед историком как сложный ряд слоев, скрывающихся один за другим. Историография начинает свое изучение с верхнего и постепенно углубляется внутрь.

В.О. Ключевский¹

Предварительные замечания

1. Автор настоящего краткого историографического обзора избрал *объектом исследования* постсоветскую историографию некоторых основных аспектов культурно-просветительной работы в Красной армии в 1920-е - 1941 г., которые нашли отражение в соответствующем массиве опубликованных историографических источников. *Предмет исследования* – сложившаяся отечественная исследовательская историографическая традиция изучения проблематики культурно-просветительной работы

в Красной армии в 1920-е – 1941 г., анализ процесса накопления и приращения здесь исторических знаний в историографических источниках, изданных в 1990-х годах. *Хронологические рамки* обозреваемых историографических источников ограничены 1920-ми – июнем 1941 г.; хронологические рамки историографического обзора охватывают 1990-е годы. Данный временной отрезок рассматривается как *условный историографический период*.

2. Некоторые понятия, которыми оперирует автор данного краткого историографического обзора: *историографические источники* – традиционные исторические источники, вовлеченные в процесс историографического анализа, результаты кото-

*Трибунский Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии.
E-mail: ser.6791@yandex.ru*

рого нашли отражение в различного рода научной, научно-популярной, публицистической литературе (монографии, книги, брошюры, статьи и пр.)²; *культурно-просветительная работа* – система мероприятий, проводимых командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями по коммунистическому воспитанию и политическому просвещению личного состава, удовлетворению духовных запросов и организации досуга военнослужащих Красной армии. Культурно-просветительная работа, хотя и имела некоторую долю самостоятельности, являлась составной частью *партийно-политической работы* в Вооруженных силах Советского государства³; *партийно-политическая работа* – идеологическая и организаторская деятельность военных советов, командиров, политорганов, партийных организаций Советской армии и Военно-морского флота (СА и ВМФ), которая являлась составной частью руководства Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) Вооруженными силами и рассматривалась в качестве теории и практики воспитания военнослужащих, организовывалась и проводилась как система мероприятий по реализации политики КПСС в СА и ВМФ⁴.

3. Автор учитывал в методологии ее выполнения следующие положения: признание факта плюрализма мнений в российской науке на современном этапе ее развития⁵; наличие приоритета рационализма в процессе историко-научного и в том числе историографического познания⁶; признание закономерности и необходимости перехода от эмпирического уровня в познании исторического и историко-познавательного процесса к теоретическому уровню его понимания и объяснения⁷; учет специфики проблемно-тематического исследования, которая разработана современными отечественными историографами⁸; опора на наработки предшественников, которые занимались историей истории изучения темы, подвергаемой нами историографическому обзору, обеспечивая при этом

бережное и корректное отношение к ним, а также и рассмотрение их под критическим углом зрения⁹.

4. Исследователь, разрабатывая свой краткий историографический обзор, учел, что ученые-историки, творившие в 1990-е годы, попали тогда в сложную историографическую ситуацию. Она существенно детерминировалась общим вектором социально-экономического, политического, духовного движения СССР – от так называемой перестройки (ее ядро составили реформы М.С. Горбачева, явившиеся в конечном итоге, паллиативными¹⁰) через распад СССР, этой величайшей геополитической катастрофы в истории мировых цивилизаций в конце XX века¹¹, к становлению и утверждению новой российской государственности¹². Тогда отечественная историческая наука попала в полосу глубокого кризиса (как одно из выражений общего кризиса в стране) и настойчиво искала пути выхода из него¹³. При этом необходимо подчеркнуть, что одним из ярких проявлений кризиса, о котором идет речь выше, стала методологическая растерянность ученых. Ее охарактеризовал, причем образно и глубоко, Г.М. Ипполитов: «Цех служителей музыки Клио после распада СССР напоминал музыкантов оркестра, потерявших ноты незадолго до выхода на сцену: от марксизма-ленинизма как универсальной методологии исторических исследований, в той или иной форме, отреклись, а взамен ничего путного не изобрели. Типичная ситуация, когда с водой выплескивают ребенка... Ситуация между тем не новая в истории мировых цивилизаций. Она характерна для переломных эпох...»¹⁴.

В подобной сложной историографической ситуации некоторые аспекты культурно-просветительной работы в Красной армии в 1920-е - 1941 г. получили соответствующую научную разработку. Этому сопутствовал ряд благоприятных обстоятельств: определенное приращение источников базы исследования [например, кроме того, что ученым резко облегчили доступ к архивным

документам и материалам, опубликовали и ряд документов, бывших ранее секретными¹⁵; а также и отдельные эго-документы (отрывки из дневника советского писателя Вс. Вишневского)¹⁶; издали некоторые научно-справочные¹⁷ и научно-библиографические издания¹⁸; обозначение определенных ориентиров по военно-исторической работе в нормативно-правовом акте Министерства обороны РФ¹⁹; попытки собственно историографического осмысления проблематики истории РККА в 1920-е - июне 1941 г. Как на уровне монографий²⁰, статей²¹, так и диссертационных исследований²².

Материал, имеющий непосредственное отношение к проблеме культурно-просветительной работы в Красной армии в 1920-е - июне 1941 г., содержится в монографии О.В. Золотарева²³. В нее вошли, судя по текстологическому анализу, материалы докторской диссертации, защищенной автором обозреваемой монографии, годом ранее²⁴. Ученый четко определяет роль культуры, просвещения и досуга в истории Вооруженных сил Советского государства. В монографии просматривается поиск новых теоретико-методологических подходов. Между тем исследователь обеспечивает осторожное отношение к марксизму. По крайней мере не пытается резко и безосновательно его ниспровергать. Отличительная черта монографии О.В. Золотарева – введение в научный оборот ряда архивных документов и материалов делопроизводственного характера, которые в советское время были недоступны исследователям (в силу их засекреченности).

Что характерно: О.В. Золотарев рассматривает культурно-просветительную работу не только как составную часть партийно-политической работы, но и как относительно самостоятельное направление деятельности советской власти и правившей в РСФСР / СССР коммунистической партии. Он уделяет внимание раскрытию основных форм и методов культурно-просветительной работы в красных частях и соединениях, в том числе и в 1920-е - 1941

годах. Например, в сфере ликвидации безграмотности красных воинов, обеспечения их культурных нужд и запросов, особенно в сфере их досуга. В то же время нельзя не заметить, что именно эти фрагменты и сюжеты отличаются лапидарностью. Причем, как полагает автор данного историографического обзора, подобная лапидарность не всегда оправдана.

Анализ массива историографических источников, отобранных для разработки настоящего краткого историографического обзора, привел его автора к следующему заключению: тема культурно-просветительной работы в Красной армии в хронологических рамках, указанных выше, нашла соответствующее отражение и в ряде защищенных диссертаций. Например, И.А. Мехриашвили в своей кандидатской диссертации исследовал тему культурного строительства в Красной армии в 1921 - 1928 гг. Здесь выбраны небезыңтересные хронологические рамки: нижняя граница – начало перевода РККА с военного на мирное положение; верхняя граница – завершение военной реформы в СССР (началась в 1924 г.). Автор диссертационной работы раскрыл теоретические положения, выработанные правившей в Советском государстве коммунистической партией, которые были положены в решение проблемы культурного строительства в РККА.

Что характерно: И.А. Мехриашвили рассматривает культурное строительство в тесной связи с организацией партийно-политической работы в РККА в качестве составной части военного строительства в РСФСР/СССР. Много уделено внимания анализу процесса становления армейских учреждений культуры. Останавливается он и на анализе конкретных форм культурно-просветительной работы в массах красных воинов. Однако, судя по текстологическому анализу рукописи этой кандидатской диссертации, ее автор робко внедряет новые методологические подходы, чувствуется некоторая его методологическая растерянность. Подобное нашло выражение, к при-

меру, в том, что И.А. Мехриашвили допускает в отдельных фрагментах и сюжетах своего диссертационного исследования заимствование цитат из партийных документов (а это не что иное, как типичный родовой признак советской историографии²⁵). Нельзя не заметить также и того, что автор данной научно-квалификационной работы вводит в научный оборот ряд новых архивных документов и материалов, но сугубо иллюстративным методом²⁶.

О.В. Головникова избрала предметом кандидатского диссертационного исследования организацию идеологической и культурно-просветительной работы в Красной армии в условиях формирования тоталитарной системы в 1921 - 1929 гг. Она построила свой анализ на материалах Московского военного округа. Следовательно, в этой научно-квалификационной работе решена научная задача локального характера. Ее автор доказывает, что на идеологическую и культурно-просветительную работу, проводимую в РККА, наложило серьезный отпечаток то обстоятельство, что в 1921 - 1929 гг. в Советском государстве проходил процесс становления тоталитарной системы. Ее О.В. Головникова подвергает серьезной критике. Это нашло отражение, в частности, в анализе такого аспекта предмета ее исследования, как руководство РКП (б)/ВКП (б) идеологической и культурно-просветительной работой в Красной армии. Всемерно подчеркивается директивный стиль подобного руководства. В то же время автор научно-квалификационной работы уделил недостаточное внимание анализу конкретных форм и методов идеологической и культурно-просветительной работы, влияние на них процессов перевода армии с военного на мирное положение и военной реформы в СССР (1924 - 1928 гг.). Не отличается данная диссертация и методологической стройностью²⁷.

Г.П. Слепушкин так же решил в кандидатской диссертации локальную научную задачу – исследовал атеистическое воспитание воинов Красной Армии в 1921 – 1941 годы на материалах Северного Кавказа. Он

показал, в частности, и то, как политорганы соединений использовали в атеистическом воспитании красных воинов возможности культурно-просветительных учреждений, в первую очередь полковых клубов и библиотек. Но такие сюжеты не проходят в данной научно-квалификационной работе по ряду приоритетных. Относительно методологической стройности этого кандидатского диссертационного исследования следует заметить, что она несколько лучше, нежели в кандидатских диссертациях И.А. Мехриашвили и О.В. Головниковой²⁸.

Р.С. Мулюков решил в докторской диссертации крупную научную проблему – история строительства политорганов и партийных организаций Красной армии в 1921 - 1941 гг. В итоге ученый вскрыл ряд проблем, обобщил исторический опыт и выявил серьезные деформации. В тексте рукописи диссертации прослеживаются новые методологические подходы. Автор научно-квалификационной работы, подобно О.В. Золотареву, обеспечивает осторожное отношение к марксизму. По крайней мере не пытается резко и безосновательно его ниспровергать. Отличительная черта обозреваемой докторской диссертации – введение в научный оборот ряда архивных документов и материалов делопроизводственного характера, которые в советское время хранились на правах секретных. Причем ученый пытается данные документы все-таки анализировать, а не использовать их сугубо иллюстративным методом. Р.С. Мулюков акцентировал внимание, судя по текстологическому анализу рукописи его докторской диссертации, на том, как политорганы и партийные организации осуществляли партийное руководство культурно-просветительной работой в Красной армии. Раскрыта их работа, к примеру, на направлении повышения эффективности деятельности армейских культурно-просветительных учреждений. Освещен ряд аспектов темы подбора, расстановки и воспитания кадров политического состава РККА, в том числе и ответственных за состояние культурно-про-

светительной работы в красноармейской массе. Не прошли мимо внимания Р.С. Мулюкова и проблемы совершенствования материально-технической базы культурно-просветительной работы в Красной армии. Между тем исследователь не стал раскрывать конкретные формы и методы культурно-просветительной работы²⁹.

А.Т. Климович решил в докторском диссертационном исследовании крупную научную проблему – роль Красной армии в трудовой общественно-политической и культурной жизни страны в 1921 - 1941 гг. Есть в тексте рукописи этой докторской диссертации фрагменты и сюжеты, посвященные отдельным аспектам культурно-просветительной работы в РККА. В частности, в сфере взаимодействия местных партийных организаций с политическими органами войсковых соединений в деле ликвидации неграмотности в красноармейской массе. А.Т. Климович умело оперирует и некоторыми статистическими сведениями, имеющими отношение к проблеме удовлетворения культурных нужд и запросов личного состава частей Красной армии. При этом ученый внедряет новые методологические подходы. Правда, здесь все-таки нет достаточной стройности. В целом же тема, которая подвергается нами историографическому обзору, в этой докторской диссертации не является первостепенной³⁰.

Отдельные небольшие фрагменты и сюжеты, имеющие преимущественно опосредованное отношение к теме культурно-просветительной работы в РККА в 1902-е – 1941 гг., рассмотрены в докторских диссертациях А.М. Касьянова³¹, Г.И. Герасимова³² и в кандидатских диссертациях С.И. Задонского³³, Б.Н. Найденов³⁴, В.Е. Иванова³⁵ и А.А. Львова³⁶.

Исследователь, разрабатывая свой краткий историографический обзор, пришел к заключению следующего порядка: некоторые аспекты его темы нашли отражение (в той или иной степени) в отдельных статьях³⁷, материалах научных форумов³⁸, а также и в монографиях. Например, представляет определенный интерес для глубо-

ны понимания нашей проблемы монография С.Г. Осьмачко. Он, анализируя участие частей и соединений Красной армии в локальных войнах и вооруженных конфликтах, показывает всю значимость крепкой воинской дисциплины и правопорядка. Ученый прослеживает эволюцию форм и методов воздействия на сознание красноармейцев, практиковавшихся в мирное время в боевой обстановке в плане побуждения их к неукоснительному выполнению требований военной присяги, проявлению мужества и героизма. Исследователь утверждает, что немаловажную роль сыграла здесь и партийно-политическая работа, в том числе и ее культурно-просветительная составляющая. Между тем такой уникальный аспект автор монографии рассматривает сугубо в постановочном плане³⁹.

Имеются обращения, правда, небольшие по объему, к историческому опыту культурно-просветительной работы в РККА накануне Великой Отечественной войны, вписанные в контекст раскрытия проблемы духовного противоборства в войне, в научной работе Е.С. Громова и Г.М. Ипполитова (издана малым тиражом в 1992 г.⁴⁰) Причем ряд положений этой научной работы, имеющих отношение к рассматриваемой теме, нашел отражение и в рукописи коллективной статьи, депонированной в Центральном справочно-информационном фонде Министерства обороны РФ в 1995 г.⁴¹ Такую же оценку можно дать и историческому очерку о Томском ордена Красной Звезды высшем командном училище связи⁴². Как своеобразное историографическое событие в истории изучения рассматриваемой темы можно расценивать брошюру В.Н. Панкратова, в которой присутствуют сжатые фрагменты, имеющие косвенное отношение к предмету исследования этого историографического обзора⁴³.

Есть небольшие фрагменты и сюжеты, имеющие также преимущественно опосредованное отношение к теме, по которой выполнен настоящий историографический обзор, и в отдельных учебных изданиях.

Стиль подачи здесь такой, что присущ учебной литературе: аналитики – минимум, обобщений – максимум⁴⁴.

Таким образом, итоги данного историографического обзора можно свести к ряду заключений:

1. Печатных историографических источников, посвященных проблеме культурно-просветительной работы в Красной армии в 1920-х - июне 1941 года, выпустили в свет небольшое количество. Причем все они выполнены в период кризиса отечественной исторической науки (как составляющей общероссийского кризиса, вызванного распадом СССР и процессом генезиса новой российской государственности) и поиска выхода из него. Здесь налицо и монографии, в которых тема, которой посвящен наш историографический обзор, раскрывается по-целевому, и монографии, где она отражается преимущественно в опосредованной форме. При этом необходимо подчеркнуть, что монографии, о которых идет речь выше, стали несколько богаче в содержательном плане (по сравнению с предыдущей советской историографией). Это стало во многом возможным потому, что в распоряжении исследователей теперь появились рассекреченные архивные документы и материалы.

2. Проблема культурно-просветительной работы в Красной армии в 1920-х - июне 1941 года нашла отражение и в ряде защищенных диссертаций. Их также можно разделить (подобно монографиям) на те, где тема раскрывается по-целевому, и на те, где она отражается преимущественно в опосредованной форме.

3. В историографических источниках, вошедших в данный историографический обзор, рельефно просматривается традиция, которая сформировалась в советской исторической науке, – анализировать культурно-просветительную работу как составную часть партийно-политической работы в Вооруженных силах Советского государства (правда, с относительной долей самостоятельности).

И все-таки проблема культурно-просветительной работы в РККА в 1920-е - июне 1941 г. получила, хотя и небольшую, но соответствующую научную разработку. Думается, что она представляет научный интерес для современных отечественных историографов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ключевский В.О. Записная книжка // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М., 1990. Электронная версия. [Электронный ресурс] Lib.ru. Классика [сайт] — URL: http://www.az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1892_zapismaya_knizhka.shtml (дата обращения: 18.01.2020).

² Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 3 (2). С. 501-509.

³ Словарь военных терминов. М.: Воениздат / Сост. А.М. Плехов, С.Г. Шапкин, 1988 [Электронный ресурс] Словари и энциклопедии на Академике [сайт] URL: https://military_terms.academic.ru/ (дата обращения: 10.04.2022).

⁴ Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. С.683-684.

⁵ Филатов Т.В. Неопределенность и изменчивость прошлого // Философия культуры – 96: сб. науч. ст. Самара: Самарский ун-т, 1996. С. 103-113; Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 3-20; Ипполитов Г.М. Объективность исторических исследований. Достижима ли она? Дискуссионные заметки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т.8. №3 (июль - сент.). С. 676-688; Ипполитов Г.М. О новых подходах к освещению советского периода российской истории (на примере Гражданской войны в России) // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. №3 (41). С. 222-228.

⁶ Мингулов Х.И. Формирование фундаментальной базы рационального мышления: постановка проблемы / Х.И. Мингулов, Т.В. Филатов, В.В. Ходыкин // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3-1 (57). С. 150-153.

⁷ Султанова Л.Б. Закономерности развития научного познания // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т.7. № 4. С. 245-258. DOI:10.15643/libartrus 2018.4.1.

- ⁸ *Ипполитов Г.М.* Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15, № 1. С. 184-195; *Камынин В.Д.* К вопросу о методике современного историографического исследования // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов: материалы межд. научно-практ. конф., Казань, 22-23 ноября 2012 г. Казань: Казанский ун-т, 2012. С. 38 -42; *Камынин В.Д.* «Проблемная историография» в 1990-е – первые годы XXI в.: исследовательский опыт и перспективы развития // Исторический опыт в меняющемся пространстве культуры: сб. ст., подготовленный по материалам всерос. науч. конф. Челябинск, 2006. С. 270-278.
- ⁹ *Хачатурян М.В.* Деятельность государственных органов по правовому воспитанию военнослужащих России (1918 - 2000 гг.): историографическое исследование: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09. М., 2002. 505 с.; *Македонский А.В.* Культурно-просветительная работа в Красной Армии (1921 - июнь 1941 гг.): историография вопроса // Гуманитарные науки в техническом вузе: сб. науч. ст. М.: Экслибрис-Пресс, 2004 С. 118-135; *Посвятенко О.Н.* Политическое воспитание военнослужащих Красной армии в 1918 – 1923 гг.: обзор советской историографии 1920-х - второй половины 1960-х гг. // Право и образование. Науч. журн. 2005. № 6. С. 156-167; *Азарова А.В.* Патриотическое воспитание военнослужащих в 1918 - 1991 гг.: анализ историографических источников // Вестник Екатеринбургского института. 2010. № 1. С. 40-42; *Бобкова Е.Ю.* Политическое воспитание личного состава вооруженных сил советского государства: к истории изучения проблемы в первом десятилетии XXI в. (историографический обзор монографических и диссертационных исследований) // Клио. Журн. для ученых. 2010. № 3. С. 37-38; *Бобкова Е.Ю.* Отечественные историографические исследования начала 1990-х гг., посвященные проблемам истории Советского общества 1917 - 1941 гг. // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2012. № 2 (31). С. 161-169; *Бобкова Е.Ю.* Проблемы изучения отдельных аспектов политического воспитания военнослужащих в начале второго десятилетия XXI века: краткое историко-библиографическое исследование // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 7-8. С. 75-78.
- ¹⁰ КПСС о перестройке: Сб. документов. М.: Политиздат, 1988. 479 с; *Шубин А.В.* Парадоксы перестройки: Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 320 с.
- ¹¹ Распад СССР: Документы и факты (1986 - 1992): В 2-х т. Т. I: Нормативные акты. Официальные сообщения. Т. II: Архивные документы и материалы. 2-е изд. / Под общ. ред. С.М. Шахрая. М.: Кучково поле, 2015. 2 т.
- ¹² *Краснов Ю.К.* Российская государственность: эволюция институтов власти и проблемы их модернизации. М.: Известия, 2001. 207 с.
- ¹³ *Данилов В.Л.* Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 95-105; *Кузищин В.И.* Кризис исторической науки. Что это такое? Актуальные проблемы теории истории. Материалы «круглого стола» 12 янв. 1994 г. // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 80-81; *Корнев В.В.* Кризис исторической науки в России // CENTAURUS: STUDIA CLASSICA ET MEDIAEVALIA 1994. № 4. С. 87-94; С. 87-94; *Смоленский Н.И.* Теоретический плюрализм и проблемы исторической теории // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 76-80; *Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 3-31; *Заболотный Е.Б.* Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия /Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1999. 128 с. По нашему суждению, сущность этого кризиса метко сформулировал Ю.А. Поляков: отечественная историческая наука того времени выделяется «лишенной прежних и не создавшей новых концепций, с углубляющимися поляризацией, с амбициями новых лидеров и номенклатурно-должностными бастионами старых деканов, с недоразвитым догматизмом и вышедшей на авансцену конъюнктурной некомпетентности» (*Поляков Ю.А.* Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М.: АИРО - XX, 1995. С. 20). Что характерно: ситуация глубокого кризиса отечественной исторической науки в 1990-е годы не ушла от внимания и современных российских исследователей (*Камынин В.Д.* Российская историческая наука в первой половине 1990-х годов // Вестник УИЭУиП. Всероссийский научно-аналитический журн. 2008. №4 (5) дек. С. 93-105; *Степанов М.Г.* Основные тенденции развития постсоветской исторической науки (1990-е - начало 2000-х гг.) // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. История и политология. 2009. Вып.3 (71). С. 243-249 и др.).
- ¹⁴ *Ипполитов Г.М.* Антон Иванович Деникин:

- полководец и политик. Историография проблемы и характеристика источников ее исследования: в 2 т. Т. 2. Современная отечественная и зарубежная историография проблемы. Характеристика источников. Самара: ПГУТИ, 2012. С. 17.
- ¹⁵ Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне // Археографический ежегодник за 1995 г. М., 1997. С. 191-207; Акт о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С.К. от тов. Ворошилова К.Е. // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 6-16; Доклад начальника Главного политического управления РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии. 1940 г. // Исторический архив. 1997. № 5-6. С. 85-99; Заключительная речь народного комиссара обороны Союза ССР Героя и Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г. // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 16-24.
 - ¹⁶ Вишневский В.С. «...Сами перейдем в нападение»: из дневников 1939 – 1941 годов // Москва. 1995. № 5. С. 103-110.
 - ¹⁷ Военная энциклопедия: в 8 т. Т.1 - 4. М.: Воениздат, 1994 - 1999. 4 т.
 - ¹⁸ Открытый архив: Справочник опубликованных документов по истории России XX века, из государственных и семейных архивов (по отечественной журнальной периодике и альманахам, 1985 - 1996). М.: РОССПЭН, 1999. 303 с.; Армия и Флот России: Военно-патриотическая литература. Библиографические и методические материалы. М.: Пашков дом, 1999. 214 с.
 - ¹⁹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 28 февраля 1995 г. № 84 «О мерах по дальнейшему совершенствованию военно-исторической работы в Вооруженных силах Российской Федерации». М.: Центральная типография МО РФ, 1995. 12 с.
 - ²⁰ Мишанов С.А. Строительство Красной Армии и Флота, 1921 - июнь 1941 гг.: анализ западной историографии. М.: ГА ВС, 1992. 272 с.; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полевые заметки.
 - ²¹ Иванов Ю.В. Освободительный поход или агрессия? Действия частей Красной Армии в сентябре 1939 г. и современная польская историография // Военно-исторический журнал. 1996. № 9. С. 82-86.
 - ²² Денисов Б.М. Идеино-политическое воспитание в Вооруженных Силах СССР: критический анализ и новое видение проблемы (некоторые аспекты историографии вопроса 1970 - 1990 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.09. СПб. 1993. 190 с.
 - ²³ Золотарев О.В. Культура, просвещение и досуг в Вооруженных Силах. М.: ГА ВС, 1993. 207 с.
 - ²⁴ Золотарев О.В. Культурно-просветительная работа в Советских Вооруженных силах: теория и практика: автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1993. 35 с.
 - ²⁵ Ипполитов Г.М. О новых подходах к освещению советского периода российской истории (на примере Гражданской войны в России) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т.13 № 3(41). С. 222-228; Ипполитов Г.М. Условия выполнения советских исторических исследований по проблематике истории Гражданской войны в России (1918 - 1922 гг.) во второй половине 1950-х - первой половине 1960-х гг. / Г.М. Ипполитов, В.Я. Ефремов // Самарский научный вестник. Научный журнал. 2016. №2 (15). С. 120-126; Ипполитов Г.М. Советская историография Гражданской войны в России во второй половине 1960-х - первой половине 1980-х гг. Статья первая. Условия развития советской исторической науки в исследуемый период / Г.М. Ипполитов, С.Н. Полторак // Клио. Журнал для ученых. Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук. 2017. № 4(124). Февраль С. 46-58.
 - ²⁶ Мехришвили И.А. Культурное строительство в Красной Армии. 1921-1928 гг.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1993. 237 с.
 - ²⁷ Головникова О.В. Идеологическая и культурно-просветительная работа в Красной Армии в условиях формирования тоталитарной системы 1921-1929 гг.: по материалам Московского Военного округа: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1994. 228 с.
 - ²⁸ Слепушкин Г.П. Атеистическое воспитание воинов Красной Армии в 1921 – 1941 годы: на материалах Северного Кавказа: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1992. 221 с.
 - ²⁹ Мулюков Р.С. История строительства полторганов и партийных организаций Красной Армии в 1921 - 1941 гг.: проблемы, деформации, уроки: дис... докт. ист. наук: 07.00.02. М., 1992. 448 с.
 - ³⁰ Климович А.Т. Роль Красной Армии в трудовой общественно-политической и культурной жизни страны, 1921 – 1941 гг.: дис... докт. ист. наук: 07.00.02. М., 1995. 443 с.
 - ³¹ Касьянов А.М. Опыт и уроки реализации молодежной политики в Вооруженных Силах страны, 1918 - июнь 1941 года: дис... докт. ист. наук: 07.00.01. М., 1993. 447 с.
 - ³² Герасимов Г.И. Деятельность высших военных коллегиальных органов по повышению боеспособности Красной Армии, 1921 - июнь 1941

- гг.: дис... докт. ист. наук : 07.00.02. М., 2000. 489 с. При этом необходимо подчеркнуть, что одной из форм апробации докторской диссертации Г.И. Герасимова стало издание его монографии (см.: *Герасимов Г.И. Деятельность высших военных коллегиальных органов по повышению боеспособности Красной Армии (1921- июнь 1941 гг.)*. М.: ВУ, 1999. 205 с.).
- ³³ *Задонских С.И. Принципы строительства Красной Армии в 1918 – 1941 гг.: сущность и эволюция*: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1992. 198 с.
- ³⁴ *Найденко Б.Н. Советско-финляндская война (1939 - 1940 гг.): ист. - полит. анализ*: дис... канд. ист. наук. М., 1993. 204 с.
- ³⁵ *Иванов В.Е. Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР (1917 - 1946 гг.): дис.... канд. ист. наук: 07.00.01. М., 1995. 188 с.*
- ³⁶ *Львов А.А. Подготовка командного состава сухопутных войск РККА (1937 - июнь 1941 гг.): Достижения и просчеты*: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1998. 284 с.
- ³⁷ *Дайнес В.О. От гражданской войны к миру (Красная Армия в 20- 30-е годы)/ /Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 2-10; Рубцов Ю.В. Лев Захарович Мехлис // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 69-93.*
- ³⁸ *Брашнина М.Г. Из истории библиотеки Дома Красной Армии Сибирского военного округа // Армия и книга. Тезисы докладов и сообщений.* Новосибирск, 18-19 апр. 1995 г. Новосибирск: Б. г., 1995. С.158-162.
- ³⁹ *Осмачко С. Г. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929 - 1941 гг.): боевой опыт и военная политика*: Моногр. Ярославль: Изд. ин-та, 1999. 221 с.
- ⁴⁰ *Громов Е.С. Духовное противоборство в войне. История и современность /Е.С. Громов, Г.М. Ипполитов. Вольск: ВВУТ, 1992. 90 с.*
- ⁴¹ *Громов Е.С. Из истории духовного противоборства в войне. / Е.С. Громов, В.Я. Ефремов, Г.М. Ипполитов, А.В. Шестериков. Деп. в ЦСИФ МО РФ, инв.№ 17700.Сб. рефератов деп. рукописей. Сер. В. Вып.33. М. ЦВНИ МО РФ, 1995 .32 с.*
- ⁴² *Подустов Ф.Н. Томское ордена Красной Звезды высшее командное училище связи: Очерки истории училища за 75 лет. Томск: Изд.-во Томского ун-та, 1995. 272 с.*
- ⁴³ *Панкратов В.Н. Культура общения офицера. М.: ТОО «Интел Тех», 1993. 64 с.*
- ⁴⁴ *Громов Е.С. Морально-психологическая подготовка личного состава тыла к современной войне. Учебное пособие /Е.С. Громов, Г.М. Ипполитов. Вольск: ВВУТ, 1994. 70 с. Воспитательная работа в Вооруженных Силах Российской Федерации. М.: ВУ. 1995. 244 с.; Киселева Т.Г. Культура и революция: историческая хроника первых послеоктябрьских десятилетий: Курс лекций для студентов гуманитар. вузов / Т.Г. Киселева, Ю. А. Стрельцов, Е.Ю. Стрельцова. М.: Моск. гос. ун-т культуры, 1998. 203 с.*

CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK IN THE RKKA FROM THE 1920S TO JUNE 1941: POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM. BRIEF REVIEW

© 2022 S.A. Tribunsky

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolyov

The author considers some aspects of the history of studying the problem of cultural and educational work in the Red Army (RKKA) from the 1920s to June 1941 in Russian historical science of the post-Soviet periods. By post-Soviet historiography, the researcher understands a certain array of Russian historiographic sources published since 1992. For a historiographic review, the author selected a complex of historiographic sources that have both direct and indirect relevance to the topic of cultural and educational work in the Red Army from the 1920s to June 1941. In the review, he takes into account the conditions in which Russian historical science developed in the 1990s and which had a serious imprint on the essence and content of all studies on the given problem.

Keywords: Red Army; cultural and educational work; party political work; historiography; historiographic review; methodological confusion; post-Soviet historiography; 1990s

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-115-123

Sergey Tribunsky, Candidate of History, Associate Professor, Department of Russian History and Historiography. E-mail: ser.6791@yandex.ru

УДК 94(4)+94(398)

ОСНОВЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬ ДОНБАССА В СРЕДНИЕ ВЕКА. ЧАСТЬ 2

© 2022 А.В. Колесник, В.К. Гриб, В.А. Санжаров

Донецкий национальный университет, ДНР РФ

Первая часть статьи опубликована в «Известиях Самарского научного центра РАН. Исторические науки». Том 4. Номер 2. 2022. С. 132-140.

Работа выполнена в рамках проекта №0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР РФ.

Статья поступила в редакцию 28. 02.2022

В статье предлагается периодизация истории земель Донбасса в эпоху развитого и позднего Средневековья. Маркером развитого Средневековья в регионе является начало крупного цикла миграционных процессов в связи с инвазией огузских племен. Маркером начала позднего Средневековья следует считать демографический кризис конца XIV в. Средние века в целом заканчиваются в конце XVI в. на фоне системного продвижения в степь южных границ Московского государства. Особого внимания заслуживает характеристика региональных особенностей переходных периодов от позднего Средневековья к Новому времени: произошла смена вектора этнической и политической доминанты в среднем и нижнем течении Северского Донца. Выделенные по этнокультурным, экономическим и политическим критериям условные периоды и эпохи максимально приближены к существующей конвенционной периодизации. Предлагаемая локальная модель периодизации истории земель Донбасса во многом не совпадает с периодизацией истории соседних регионов юга Восточной Европы. Построение дробной периодизации позволяет более точно отразить особенности исторического процесса в указанном регионе как части всеобщей истории. Отмечено нарастание цивилизационных критериев периодизации при переходе от характеристики эпох к характеристике отдельных периодов. Важным критерием выделения отдельных эпох являются миграционные процессы. Для выделения периодов локальной истории решающее значение имеют экономические и этнополитические процессы. Отличительной чертой эволюции образа жизни средневековых кочевников является тренд к седентаризации, нарастание сложности пищевого обеспечения, развитие оседлых поселенческих стратегий. Принципы построения периодизации, апробированные в настоящей разработке, могут использоваться при обсуждении проблем периодизации всеобщей истории. Обсуждение вариантов периодизации локальной истории ведет к совершенствованию необходимого понятийного аппарата. В контексте периодизации истории Донбасса термин «Средние века» является в значительной степени понятием условным, отличным от классической модели.

Ключевые слова: Донбасс, хронология, периодизация, всеобщая история, локальная история, развитое Средневековье, позднее Средневековье.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-124-133

Колесник Александр Викторович, доктор исторических наук, Донецкий национальный университет, ДНР РФ; ГАУК РО «Донское наследие», Ростов-на-Дону. E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Гриб Владимир Константинович, Донецкий национальный университет, ДНР РФ.

E-mail: vladgrib@mail.ru

Санжаров Валерий Анатольевич, кандидат исторических наук, Горловка, ДНР РФ.

E-mail: 6253693@gmail.com

Основы хронологии и периодизации истории Донбасса в эпоху кочевников (1 этап классического Средневековья, домонгольский)

Следующий за историей Хазарии период истории был связан с новым глобальным для Северного Причерноморья и Северного Прикаспия циклом миграций различных

тюркоязычных племен и племенных объединений в X-XI вв.

Традиционно он распадается на два основных этапа, связанных с двумя последовательными миграционными потоками средневековых тюрков из Средней Азии в Северное Причерноморье и Малую Азию – печенежско-торческим и половецким. Следует отметить, что выдвинутая И.В. Голубовским еще в конце XIX в. своеобразная этническая периодизация средневековой истории южнорусских степей (печенеги, торки, половцы),¹ сохраняет свое значение до наших дней.

Первая волна, начавшаяся еще в конце IX в., принесла на земли Донбасса печенежско-огузские племена и достигла своего пика во второй половине X в. Первое упоминание о печенегах датируется в русских летописях 915 г.: «В год 6423 пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю»². В 20-е гг. XI в. в летописях появляются ссылки на торков, движение которых на запад было связано с общим потоком тюркских племен. Не исключено, что торки-огузы заселили земли Подонцовья и Северного Приазовья еще в конце X в., когда известные события гражданской войны в Хазарском каганате и последовавшая вслед за этим экспансия печенежских племен повлекли за собой негативные демографические процессы³.

Вторая волна была связана с половцами-кипчаками (кыпчаками). Начало половецкой эпохи в этом секторе Евразии датируется 1055 г. Половецкая инвазия по-новому перекроила карту этнической географии на юге Днепро-Донского междуречья, привела к откочевке части племен Торческого племенного союза на правый берег Днепра⁴. Оставшийся в пределах земель Донбасса аланско-асский анклав был включен в состав половцев, которые были неоднородны в этническом плане⁵. Изначально подонская группа кыпчакских племен включала йеметов, канглы и другие племена⁶. Антропологический состав разновременных средневековых могильников в среднем течении

Северского Донца показывает существование здесь на протяжении длительного времени смешанного европеоидно-монголоидного типа населения⁷.

Фактически имеют место два этапа половецкой истории в южнорусских степях – домонгольский и монгольский (золотоордынский). По-прежнему актуальной является периодизация домонгольской истории Дешт-и-Кипчак С.А. Плетневой. На основании эпизодов внешней политики, а именно эта сторона жизни половцев непосредственно наблюдалась русскими современниками и отражалась в летописях, исследовательница выделила четыре периода половецкой истории в европейских степях⁸. Первый период длится с середины XI до начала XII в. и связан с освоением половцами восточноевропейских степей. Второй период охватывает 20-30-е гг. XII в. и связан с активным участием половцев в княжеских усобицах Древней Руси. Третий период датируется второй половиной XII в. и характеризуется экономической стабилизацией, сложной дипломатией. Четвертый период (90-е гг. XII в. и первая треть XIII в.) связан с расцветом Поля Половецкого. Особенности периодизации истории половцев, проживавших в бассейне среднего течения Северского Донца и в Северном Приазовье, детализированы А.А. Инковым⁹. Маркерами периодов и суб-периодов были значимые события локальной истории. Походы Владимира Мономаха и его дружин на половцев Северского Донца в 1111 и 1116 гг. привели к ослаблению Донецкого объединения половцев. Значительная часть их откочевала на Северный Кавказ, а основное ядро вместе с ханом Отроком (Отрак, Атрак, Артык) в 1118 г. было «призвано» грузинским царем Давидом IV для несения воинской службы¹⁰. Как известно, вслед за военным союзом последовал династический брак¹¹. В XII в. за Подем половецким русских летописей закрепляется арабо-персидское название *Дешт-и-Кипчак* (*Дашт-и-Кыпчак*). Во второй половине XII в. Донецкое пле-

менное объединение половцев переживает экономический и политический расцвет¹². Произошло упрочение позиций ханов династии Шаруканидов во всей половецкой земле. Хорошо отраженный в письменных источниках маркер – поход князя Игоря на половцев в 1185 г. Важной вехой истории половцев в европейских степях является монгольское завоевание. Как известно, первое столкновение половцев с монголами произошло в 1222-1223 гг. на Северном Кавказе и в Северном Приазовье (р. Калка), а полностью половецкие степи были завоеваны монголами в 1238 г. во время «западного» похода хана Бату.

Экономический уклад жизни населения X - первой половины XI в. был типичен для кочевников и развивался от таборного до аильного, по С.А. Плетневой. В системе землепользования кочевых половцев-кипчаков заметны признаки закрепления пастбищного парка за отдельными родовыми группами – кошами. При таком типе отгонного скотоводства в пределах родовых территорий формировался каркас из сезонных ставок-айлов, вокруг которых возделывались небольшие поля. В начале XII в. русские летописи называют половецкие городки Сугров, Балин и Шарукань на Северском Донце, которые, видимо, были ставками и личными родовыми доменами аристократов из династии Шаруканидов. Летняя ставка хана Кончака в 1185 г. находилась на берегу р. Тор, видимо, в пределах современного г. Славянск Донецкой области. Вместе с тем в условиях неблагоприятной политической конъюнктуры или засухи, для поддержания родственных связей, отдельные орды или их группы могли откочевывать на значительные расстояния.

Каждый из летописных этносов классического средневековья (печенеги, торки, половцы) фактически был конгломератом родственных племен со сложной историей и сложной системой самоидентификации, возможно, с признаками межэтнических общностей.

Основы хронологии и периодизации истории Донбасса в эпоху Золотой Орды

Дата вхождения половцев в состав Монгольской империи часто отождествляется с началом истории Золотой Орды. Такое понимание периодизации истории Монгольской империи во многом базируется на взглядах В.Л. Егорова, который считал датой основания Золотой Орды, или Улуса Джучи, 1243 г.¹³ Эта точка зрения признается не всеми исследователями. Так, В.В. Трепавлов предпосылкой образования Улуса считает выделение наследного удела сыну Чингиз-хана Джучи в 1206 г., а датой окончательного сложения – 1225 г.¹⁴ Согласно другой точке зрения, Улус Джучи в качестве юридически независимого государства образовался существенно позже. Важной вехой в формировании государственности Золотой Орды было правление хана Берке (1257-1266), который чеканил на монетах «великую тамгу» рода Джучи. Монеты эти, однако, изымались из оборота по распоряжению Великого хана¹⁵. Окончательно Улус Джучи обретает государственность только в годы правления внука Бату, хана Менгу-Тимура (1266-1282), возможно, в 1269 г. после официального распада Монгольской империи на несколько независимых государств¹⁶.

Общая периодизация истории самой Золотой Орды отражает главные этапы развития государства¹⁷. Для западных земель Орды, возможно, важными были следующие этапы.

Формальными рамками первого этапа является отрезок времени с момента образования Золотой Орды по 1300 г. (подавление мятежа темника Ногай).

Второй этап формально длился почти век - с 1300 до 1395 г. (поход Тамерлана на запад). В рамках этого этапа наблюдается экономический, политический и культурный расцвет государства во время правления хана Узбека (1312-1343) и его сына хана Джанибека (1343-1357), который потом сменился периодом «Великой замят-

ни» (1357-1379). Внутренние маркеры развития: ярлык хана Узбека венецианским купцам¹⁸, который отражает окончательное сложение трансконтинентальной латинско-ордынской торговли, и погромы Азака зимой 1369-1379 гг. темником Мамаем¹⁹, которые способствовали заселению северного побережья Таганрогского залива и среднего течения Северского Донца. Маркер стагнации – поражение темника Мамаю на Куликовом поле в 1380 г., потеря в связи с этим основного мобилизационного ресурса в степях Днепро-Донского междуречья.

Третий этап (после 1395 г.) был временем экономической, политической и демографической стагнации и закончился фактическим распадом Золотой Орды в 30-40-е гг. XV в. События 1395 г. (поход Тамерлана) привели к резкой деградации экономической и политической жизни населявших земли Донбасса людей.

Экономика золотоордынского общества последовательно развивалась во времени. В пределах вт. пол. XIII в., видимо, сохранились экономические устои традиционного половецкого общества. В период расцвета улуса Азак после реформ хана Узбека Северное Приазовье вовлекается в трансконтинентальную экономику, формируется крупнотоварное скотоводство, ориентированное на внешний рынок, унифицируется денежная система на основе ордынских номиналов, развивается транспортно-коммуникационная инфраструктура. На Северском Донце формируются крупные ремесленные центры с сельскохозяйственными наделами вокруг, сеть речных переправ, система торжищ.

Основной этнический субстрат земель Донбасса в золотоордынский период составляли половцы, как это видно из материалов погребений. Основная часть погребений этого времени принадлежит половцам²⁰, и только относительно небольшая группа могил совершена по монгольскому обряду²¹.

Основы хронологии и периодизации истории Донбасса в эпоху Крымского ханства (развитое и позднее Средневековье).

Критерий конца Средневековья

В различных схемах периодизации истории XV-XVI вв. либо целиком относятся к позднему Средневековью, либо к заключительному этапу Средних веков и началу Нового времени.

Нижняя хронологическая граница, начало позднего периода Средних веков в степной зоне, видимо, ассоциируется с началом распада Золотой Орды и образованием Крымского ханства в 1441 г.

Верхняя хронологическая граница является окончанием всего Средневековья в целом, поэтому нуждается в более подробной аргументации. В советской историографии преобладал подход, основанный на марксистской формационной концепции истории: Новое время было определено в границах 1640-1917 гг. – от начала Английской буржуазной революции, через Парижскую коммуны, к Октябрьской социалистической революции («от революции к революции»). А.И. Ключев и О.В. Метель отмечают, что условная демаркационная точка между феодализмом и капиталистической эпохой московской школы медиевистики («позиция Косминского») совпадает с событиями Английской революции XVII в.²² Петербургские медиевисты предпочитали начинать Новое время с Французской буржуазной революции, справедливо отмечая региональный характер событий в Нидерландах и Англии и ссылаясь на французскую историографию, в которой предшествующий период получил устойчивое название «Старый порядок». Эволюция взглядов советских и российских историков на периодизацию Нового времени в пределах XVI-XVIII вв. стала предметом специального исследования²³. Интерес к проблеме реанимировался в рамках конференции «Раннее Новое время в контексте всемирной истории» в 2010 г. Результатом обсуждения стало широкое внедрение концепции раннего Нового времени

(РНВ)²⁴, которая первоначально вводилась в чисто учебных целях. Многие авторы стали рассматривать РНВ в качестве самостоятельного периода в развитии европейской цивилизации в широких хронологических рамках от рубежа XV-XVI вв. до последней четверти XVIII в.²⁵ Западная историография, не обнаружив качественной границы между Средними веками и Новым временем, сменила дискурс членения времени на концепт «Модерного государства» XIII-XVIII вв. как предшественника государства современного. Таким образом, маркирующим признаком окончания Средневековья Донбасса будет включение северной части его земель в состав Московской державы, в то время как южная часть останется под патронатом Крымского ханства.

Серьезным аргументом для периодизации локальной истории мы склонны рассматривать смену вектора этнической и политической доминанты в среднем и нижнем течении Северского Донца. По нашему мнению, период развитого (или позднего) Средневековья длится в регионе с 1441 г. по 1599 г., до времени конституционального закрепления северной части земель Донбасса в составе Российского государства. Эти полтора века истории не были монолитными. Формальный распад Улуса Джучи в Поволжье и образование Большой Орды в 1502 г., безусловно, оказали влияние на этнополитическую ситуацию в Северном Приазовье.

На протяжении всего XV в. по отношению к населению степной зоны окончательно закрепился этноним «татары», который постепенно вытесняет этнонимы «куманы-кипчаки». В документах XVI в. часто прослеживается деление на «крымских» и «ногайских» татар, при этом Северное Приазовье входило в зону кочевий ногайско-мангытских орд²⁶. В русской и европейской географической лексике утверждается термин «Дикое Поле»²⁷ с выраженным негативным политико-нравственным императивом.

Конкретно-исторические материалы дают основание рассматривать последнюю

четверть XVI в. в качестве переломной в истории степной зоны Днепро-Донского междуречья. В этот период в Северном Причерноморье обострился конфликт геополитических интересов крупных держав. В 1570-80 гг. отмечается системное продвижение донского казачества к устью Дона²⁸. Ключевыми событиями в истории Нижнего Дона следует считать 1570 г. (грамота Ивана Грозного донским казакам) и 1584 г. (Донское войско приняло присягу на верность царю Федору Ивановичу). В этот же период (1572, 1578, 1583 гг.) происходит оформление украинского реестрового казачества и «Войска Его Королевской Милости Запорожского» на службе у польской короны²⁹. В 1571 г. на Белосарайской Косе на северном берегу Азовского моря был основан крымский городок Бали-Сарай³⁰. Одновременно (1571 г.) в степном пограничье на левом берегу Северского Донца Московская держава разворачивает станичную сторожевую службу. Наконец, в 1599 г. в устье р. Оскол непосредственно на северной границе земель Донбасса была основана Цареборисовская крепость, которая стала первым стационарным поселением Российского государства на «московской» стороне Донца³¹. Основание Цареборисовской крепости фактически стало точкой отсчета целенаправленной славянской колонизации земель в среднем течении Северского Донца³². С 20-х гг. XVII в. на правом «крымском» берегу Северского Донца функционирует жемчужина православия – Святогорский мужской монастырь³³.

Безусловно, в последней четверти XVI в. на землях среднего и нижнего течения Северского Донца началась новая эпоха. Оценка периодизационного статуса этого скачка в историческом процессе во многом зависит от «типологической партийности» авторов, вернее, их отношения к оценке общего и локального в истории. При подходе к периодизации с точки зрения региональной истории события последней четверти XVI в. отражают процесс перехода к последней стадии Средних веков, а окончание

эпохи совпадает с рубежом XVI-XVII вв. Эти процессы совпадают со структурным кризисом в истории России на рубеже XVI-XVII вв., известным как «Смутное время» (1598-1613). В ходе преодоления кризиса созрели условия для перехода России в новую фазу исторического развития, связанную с модернизацией российского общества³⁴.

При взгляде на историко-культурную ситуацию с точки зрения глобальных процессов развития Европы на протяжении «длинного XVI века» (1453-1648 г.) реалии жизни в степи – второй географической зоны Донбасса – оставались прежними. В этот период истории стержнем степного мира Северного Причерноморья являлось Крымское ханство, последний западный осколок распадающейся средневековой цивилизации Евразийской Степи. На протяжении всего XVII в. северная зона региона (бассейн Северского Донца и его притоков) уже вошла в состав Московской державы, в то время как южная часть (Северное Приазовье) сохраняла инертность средневекового степного уклада жизни и оставалась в орбите условного восточного мира, была форпостом Крымского ханства и Османской империи. По мнению ряда авторов, для России это был период «поздней осени Средневековья»³⁵.

Обсуждение

Приведенные материалы показывают разное значение социально-экономических и этнополитических критериев для понимания структуры исторического процесса на отдельно взятой территории.

Авторы рассматривают ход региональной истории как последовательную эволюцию этапов, или условных эпох, связанных с появлением в регионе новых этнокультурных образований, как правило, сценарированных в рамках племенных и этногосударственных структур различного типа и прочности. При выделении отдельных периодов истории региона на фоне истории степной зоны Европы за основу берется комплекс этнокультурных признаков,

который оказался универсальным, стержневым для решения поставленной задачи. Применяемый принцип деления истории земель Донбасса на условные периоды по этническому критерию сохраняется на всем протяжении истории от готского вторжения до появления в регионе ногайских татар. При этом заметна тенденция к росту значения политического фактора в развитии этнокультурных процессов. Если в начале этого отрезка времени ритмы (и этапы) исторического процесса определялись в основном миграциями новых для региона племен и народов, то в конце отчетливо заметна политическая доминанта этнической истории. Каждая новая родоплеменная или государственная система управления имела ясно выраженный этнический колорит. Заметное нарастание роли политических критериев выделения периодов к концу классического Средневековья было связано с закономерным процессом развития государственности у различных народов. В раннее Новое время на базе этносов начинают формироваться нации, этнический критерий все более теряет определенность в системе координат эпох и периодов истории.

Отличительной чертой эволюции образа жизни средневековых кочевников является тренд к седентаризации, нарастание комплексности пищевого обеспечения, развитие оседлых поселенческих стратегий. Эти процессы отмечены в многочисленных работах историков и археологов и отражают общую закономерность в развитии скотоводческого хозяйства в Средние века и Новое время, несмотря на критическое отношение некоторых исследователей к данной концепции³⁶. Тенденция к развитию комплексности пищевого производства циклично повторялась во времени на землях Донбасса: в хазарское время, затем у т.н. «поздних кочевников» и, далее, в золотоордынское время, когда формирование оседлости и основание городов становились элементами государственной политики. Отмеченная цикличность экономической истории (от «таборной» модели скотовод-

ства к полуоседлому хозяйству) и отчасти этнической истории, совпадение этих циклов служат дополнительным основанием для выделения отдельных эпох по этнополитическим критериям³⁷.

Не затрагивая огромную и проблемную область политогенеза средневековых этносов Степи, отметим все же, что каждый из выделяемых нами периодов региональной истории помимо этнического колорита характеризуется особым социальным устройством в рамках родоплеменной или государственной власти.

Предлагаемая схематичная периодизация истории земель Донбасса в эпоху Великого переселения народов и Средние века включает следующие эпохи и периоды:

Эпоха Великого переселения
народов (150-650)

- алано-готский период (150-375)
- гуннский период (375-450)
- оногуро-антский период (450-651)

Эпоха Хазарского каганата (651-965)

- оногуро-булгарский период (651-737)
- алано-булгаро-угорский период (737-965)

Эпоха кочевников классического
Средневековья (965-1238)

- печенежско-торческий период (965-1055)
- 1-й половецкий период (1055-1118)
- 2-й половецкий период (1118-1185)
- 3-й половецкий период (1185-1238)

Эпоха Золотой Орды (1238-1441)

- 1-й золотоордынский период (1238-1300)
- 2-й золотоордынский период (1300-1395)
- 3-й золотоордынский период (1395-1441)

Эпоха Крымского ханства (1441-1599)

- 1-й татарско-ногайский период (1441-1502)
- 2-й татарско-ногайский период (1502-1599)

Схема периодизации истории земель Донбасса в эпоху ВПН и Средние века, уточненная на основании данных «полевой истории», отражает локальные особенности в рамках конвенционных границ условных периодов и может не совпадать с содержанием и этапами истории соседних регионов. К примеру, в античное время Нижний Дон прочно входил в

орбиту Боспорского царства³⁸, в раннем Средневековье здесь мало известны аланы, зато системно представлены погребения хазарской элиты. Ключевыми событиями, важными для установления периодов классического и развитого Средневековья, были основание итальянских колоний в XIII-XIV вв.³⁹ и образование Азакского сарджака после установления власти османов в 1475 г.⁴⁰ Очевидный колорит местной истории вызвал к жизни свою периодизацию эпохи Великого переселения народов и Средних веков, которая отмечает региональные ритмы этнической истории и политогенеза⁴¹.

Два соседних региона – две локальные версии одной всеобщей истории. Достаточно ли этого для обоснования исторической субъектности отдельной территории? Ответ на вопрос лежит в плоскости дальнейших конкретно-исторических исследований, в том числе методом установления региональной периодизации.

Заключение

1. Периодизация – матрица истории, она должна максимально полно отражать «рельеф» исторического процесса, главные алгоритмы развития общества, смену древних культурных ландшафтов. Предлагаемая дробная периодизация позволяет более точно учитывать непрерывный, текущий процесс исторического развития в его локальном измерении.

2. Периодизация локальной истории описывается в виде двухчленной схемы с условными эпохами и периодами. При выделении отдельных периодов истории применяются комплексные признаки, но наиболее устойчивый критерий лежит в этнокультурной плоскости – суть этапов в значительной степени определял доминирующий этнос или политическое образование под властью доминирующего этноса. Условные эпохи отражают не только циклы миграций, но и состояние политического устройства, эволюцию экономики в пределах определенной модели. При этом линейный характер, удобный для градации

исторического процесса по шкале времени, в указанном регионе имеют все-таки циклы миграций.

3. Реконструируемый «точечный» характер хронологической границы между Средневековьем и Новым временем в локальной периодизации не противоречит концепту РНВ как длительной по хронологической протяженности переходной эпохи, так как показывает многоплановость и неодновременность перехода между условными историческими эпохами на разных территориях. Отмеченный на землях Донбасса феномен сосуществования двух укладов жизни в XVII в. связан не только с переходными периодами.

4. В контексте периодизации истории Донбасса термин «Средние века» является в большей степени условным понятием, удобным для разделения периодов в учебных и научных целях, чем универсальным определителем эпохи. Средневековье как единица стадияльной периодизации истории Старого Света сохраняет свою привлекательность в силу относительной хронологической и цивилизационной нейтральности. Термин будет важен еще длительное время, пока сохраняет значение инерция различных версий формационной теории развития общества и новоевропейской исторической традиции.

5. Предлагаемая региональная периодизация истории отражает общую амплитуду миграций, экономик и политик, свойственную обширным пространствам Европейской степной зоны. Периодизация приближена к существующей конвенционной схеме и детализирует особенности исторического процесса на землях Донбасса в эпоху Великого переселения народов и Средние века. Ряд положений носит дискуссионный характер и нуждается в дальнейшем обсуждении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX-XIII вв. Киев: Ун-т. тип., 1884. 254 с.

² Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод /

пер. Д.С. Лихачев, Б.А. Романов. Ч. 2. Приложения / ст. и комм. Д.С. Лихачев; ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.-Л., 1950. С. 14.

³ Круглов Е.В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 56-58; Бубенок О. Ранні торки у степах північного Приазов'я // Проблеми історії країн Центральної та східної Європи / Гол. редактор В.С. Степанков. Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський національний університет ім. Івана Огієнка, 2012. Випуск 3. С. 40.

⁴ Головки О. Торки в історії причорноморських степів (IX - XII ст.) // Східний світ, 1999. №1-2. К., 2001. С. 116-117.

⁵ Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI - начало XIII вв.). Киев: Логос, 1997. С. 101-102; Плетнева С.А. Половцы. М.: Ломоносовъ, 2010. 216 с.

⁶ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. С. 117.

⁷ Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильника у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 11. Донецк, 2012. С. 125-192.

⁸ Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества XI-XIII вв. М., 1975. С. 265-274.

⁹ Инков А.А. Древняя Русь и половцы во второй половине XI – первой трети XII вв. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саранск, 2001. 16 с.

¹⁰ Ангабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1994. Вып. 11. С. 167-196.

¹¹ Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Издание исправленное. Алматы: Гылым, 1995. С. 143-144.

¹² Барков Б.М. Отношения русских княжеств и Половецкого поля во второй половине XII века: на примере отношений Черниговского княжества и Донецкого объединения половцев. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1998. 18 с.

¹³ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М.: Наука, 1985. С. 27.

¹⁴ Трепавлов В. Образование и политическая история Улуса Джучи до 1266 г. // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 172.

¹⁵ Усманов М. История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. С.4.

- ¹⁶ Измайлов И. Улуч Джучи и Золотая Орда: официальное название страны и историческая традиция // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 19.
- ¹⁷ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
- ¹⁸ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л.А. Березный. Л., 1990. Вып. 13. С. 74-107.
- ¹⁹ Масловский А.Н. Резня 1370 года в Азаке // Донской временник. Краеведческий альманах. Ростов-на-Дону, 2015. С. 125-131.
- ²⁰ Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань – Симферополь – Кишинев, 2015. С. 411-479.
- ²¹ Потемкина Т.М., Пилипенко Д.В. К вопросу о монгольской погребальной обрядности (по материалам восточноевропейских золотоордынских погребений) // Літопис Донбасу №19. Донецьк, 2011. С. 54-63.
- ²² Ключев А.И., Метель О.В. В поисках хронологических рубежей: проблема перехода от средних веков к новому времени в советской историографии // Средние века. 2020. Т. 81. № 3. С. 135-163.
- ²³ Хут Л.Р. Проблема периодизации истории Нового времени: опыт советской историографии // Наука и школа. №6. 2009-а. С. 52-55; Он же. Проблема периодизации нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI веков // Новая и новейшая история. №6. 2009-б. С. 80-95.
- ²⁴ Уваров П.Ю. На пути к раннему новому времени // ЭНОЖ «История». Выпуск 2(10). Медиавистика: новые подходы к периодизации. Ч. II. М., 2012. С. 10-27; Хут Л.Р. Раннее новое время в контексте всемирной истории // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 102-108.
- ²⁵ Афонюшкина А.В. К вопросу о хронологических рубежах истории раннего нового времени // ЭНОЖ «История». Вып. 2(10). Медиавистика: новые подходы к периодизации. Ч. II. М., 2012. С. 164-173.
- ²⁶ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2002. 752 с.
- ²⁷ Пилипенко Д.В. До питання про існування «Дикого поля» у степовій смузі Східної України в добу пізнього середньовіччя (XIII-XIV ст.) // Нові сторінки історії Донбасу. Кн. 19. Донецьк, 2010. С. 111-116.
- ²⁸ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 510 с.
- ²⁹ Голобуцький В. Запорозьке козацтво. Київ, 1994. 380 с.
- ³⁰ Отин Е.С. Гидронимия Северного Приазовья. Донецк: Юго-Восток, 2012. 178 с.
- ³¹ Пірко В. Заселення Донеччини у XVI-XVIII ст. (короткий історичний нарис і уривки з джерел). Донецьк: «Східний видавничий дім», 2003. 180 с.
- ³² Голубєва І.В. Цареборисівська фортеця: результати та перспективи археологічних досліджень // Святогірський альманах 2009. Донецьк: Донбас, 2009. С. 8-16.
- ³³ Чепига Г.Г. Северный Донбасс в экономической и политической системе Российского государства в XVI-XVII вв.: юрты, сторожи, города на Поле // Via in tempore. История. Политология, 2021, 48 (1). С.132 -140.
- ³⁴ Платонов С.Ф. Очерк истории смуты в Московском государстве XVI-XVII веков: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб: Наука, 2013. 400 с.
- ³⁵ Сукина Л.Б. Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI-XVII вв.). М.-СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 359 с.
- ³⁶ Иванов В.А. Седентаризация средневековых кочевников Восточной Европы: понимание и проявление // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 2. С. 272-295.
- ³⁷ Колесник А.В., Гриб В.К., Санжаров В.А. Об одном из критериев периодизации истории Донбасса в средние века // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26-28 октября 2021 г.). Том 7: Исторические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. С. 257-259.
- ³⁸ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М., 1970. 129 с.; Он же. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. 350 с.
- ³⁹ Ковалевский М.М. К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV в. // Труды XII Археологического съезда. Т. 2. М., 1905. С. 109-174; Лунин Б.В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Книга I. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1949. 183 с.
- ⁴⁰ Мустакимов И.А., Сень Д.Л. Азов и Донские казаки по османским документам 1560-1570 гг. // Вестник Танаиса. Вып. 2. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗ Танаис, 2012. С. 172-189.

⁴¹ Бойко А.Л. История Юга России с древнейших времен до XIX века // Юг России. 2004 (краткий ежегодный исторический словарь) / ред. Т.Ф. Ермоленко. Ростов-на-Дону, 2004. С.10-12; Ильюков Л.С. Очерки древней истории

Донского края. Ростов-на-Дону: Баро-Прес, 2004. 152 с.; История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года / Под ред. А.И. Нарежного и Н.В. Самариной. Ростов-на-Дону, 2001. 464 с.

ESSENTIALS OF CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF THE HISTORY OF THE LANDS OF DONBAS IN THE MIDDLE AGES. PART 2

© 2022 A.V. Kolesnik, V.K. Grib, V.A. Sanzharov

Donetsk National University, Donetsk People's Republik RF

Part 1 was published in the "Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences", vol. 4, no 2 (2022), p. 132-140.

The study was carried out within the framework of the "Actual problems of ancient and medieval history and archeology of Donbass" №0122D000017 of the Ministry of Education and Science, DPR RF.

The authors propose a periodization of the history of the Donbas lands during the High and Late Middle Ages. The beginning of a large cycle of migration processes caused by the invasion of the Oghuz tribes invasion was a marker of the High Middle Ages in the region. The demographic crisis at the end of the 14th century is considered as a marker of the beginning of the Late Middle Ages. Generally, the Middle Ages come to an end at the late 16th century when the southern borders of the Muscovite state were systematically moving further into the steppe. Particular attention should be paid to the characteristics of the regional features of the transitional periods from the Late Middle Ages to the Modern Era: there was a change in the vector of ethnic and political dominance in the middle and lower reaches of the Seversky Donets. Conditional periods and epochs, identified according to ethno-cultural and political criteria, are as close as possible to the existing conventional periodization. The proposed local model of the periodization of the history of the Donbas lands largely does not coincide with the periodization of the history of the neighboring regions of southern Eastern Europe. The elaboration of subdivided periodization permits us to more accurately reflect the features of the historical process in the region as parts of global history. Civilization criteria of periodization become more significant in the transition from the characteristics of epochs to the characteristics of specific periods. Migration processes are an important criterion for distinguishing between different epochs. Economic and ethno-political processes are of decisive importance for identifying periods of local history. A distinctive feature of the evolution of the lifestyle of medieval nomads was the trend towards sedentarization, the increase in the complexity of the food supply, and the development of sedentary settlement strategies. The principles of elaborating the periodization, tested in this study, can be used in discussing the problems of periodization of global history. Discussion of variants for periodization of local history leads to the improvement of the necessary conceptual apparatus. In the context of the periodization of the history of Donbas, the term "Middle Ages" is largely a conditional concept, different from the classical model.

Keywords: Donbas, chronology, periodization, global history, local history, High Middle Ages, Late Middle Ages.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-124-133

Alexander Kolesnik, Doctor of History, Donetsk National University, DPR RF; "Don Heritage", Rostov-on-Don. E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Vladimir Grib, Donetsk National University, DPR RF. E-mail: vladgrib@mail.ru

Valery Sanzharov, Candidate of History, Gorlovka, DPR RF. E-mail: 6253693@gmail.com

УДК 94(0.03):929 Сталин

РЕЦЕНЗИЯ НА ВОЖДЯ: РАБОТЫ И.В. СТАЛИНА ГЛАЗАМИ МАРКСИСТОВ 1920-Х ГГ.

© 2022 И.В. Невзорова, Д.П. Мочалов

Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 15.11.2021

Статья посвящена рассмотрению критических отзывов на публикации И.В. Сталина со стороны советских марксистов первой половины 1920-х гг. с целью выявить то, насколько теоретические воззрения Сталина были чуждыми или же, напротив, органически присущими интеллектуальной среде того периода. Рассмотрены рецензии в ведущих журналах того времени от авторов с различной политической биографией и профессиональным положением. Сделан вывод о том, что работы И.В. Сталина не воспринимались в раннесоветский период ни как «гениальные», ни как «ревизионистские» и не сильно выделялись на фоне нового культурного ландшафта.

Ключевые слова: Сталин, марксизм, внутрипартийные дискуссии, культ личности, философские дискуссии.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-134-138

В историографии идейным воззрениям И.В. Сталина не уделяется такого большого внимания, как, например, теоретическим взглядам В.И. Ленина. Это, безусловно, можно связать с тем, что «лениниана» в советской исторической науке длилась хронологически дольше и интерес советских исследователей к идеологической проблематике был, безусловно, куда более высок. Фигура И.В. Сталина стала предметом детального рассмотрения только в перестроечное время и в такой обстановке, когда, по утверждению С.Ф. Чернякова, теоретические постулаты его деятельности смешивались с политической практикой¹.

Этому подтверждение то малое число работ, которые затрагивают идейные воззрения Сталина как самостоятельный аспект. Например, сюда можно отнести работы Н.И. Капченко² и Р.А. Медведева³. Сюда

же относится книга В.В. Трушкова «Сталин как теоретик»⁴.

Подобная ситуация приводит к тому, что идейные воззрения И.В. Сталина рассматриваются мимоходом, как придаточный механизм государственной политики. Сами же теоретические положения либо признаются органичной частью марксизма⁵, либо противопоставляются ему кардинально⁶.

Целью данной статьи является выяснение того, как воспринимались теоретические работы И.В. Сталина однопартийцами и видными марксистами того времени. Таким образом, делается попытка подойти к решению проблемы не ретроспективно, а с точки зрения современников, избежав, таким образом, ошибок послезнания. Конкретной задачей является выяснение того, насколько они вписывались в интеллектуальный контекст или, напротив, представляли собой известную аномалию. Сделано это будет на материалах рецензий ведущих журналов того времени: «Книга и революция», «Печать и революция», «Красная новь», «Большевик», «Коммунистическая революция».

Невзорова Инна Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.

E-mail: i_nevzorova@mail.ru

Мочалов Дмитрий Петрович, магистрант исторического факультета.

E-mail: dosoldschool@yandex.ru

В качестве верхней границы рассмотрения принят 1925 год, момент до переизбрания Сталина на посту Генерального секретаря, когда у внутрипартийной борьбы был неясный исход и противники Сталина могли прибегать к активным контрмерам.

Заранее оговоримся, что критика первых лиц партии и государства со стороны академического сообщества для рассматриваемого нами периода с 1917-го по 1925 год была вполне допустима. В частности, с 1921 года, то есть с самого момента выхода, разгромной критике подвергалась книга «Теория исторического материализма» Н.И. Бухарина, хотя на то время пришелся пик его политической карьеры⁷. Само собой, критика воззрений отдельных вождей не должна была превращаться в критику доктрины и партии. Разница между этим будет уничтожена чуть позже.

Самой ранней рецензией на работу Сталина, которую нам удалось обнаружить, является отзыв на брошюру «Октябрьский переворот и вопрос о национальностях» в журнале «Книга и революция» за 1920 год⁸. Примечательно, что инициалы указаны неправильно: вместо «И. Сталин» напечатано «К. Сталин»: настолько это диссонирует с тем, какое сакральное значение придадут данному имени в будущем. Отзыв представляет собой сравнение брошюры Сталина со схожей работой Семена Семковского, двоюродного брата Льва Троцкого. И сравнение делается в пользу работы Сталина как наиболее полно и верно освещающей данный вопрос с позиций большевизма.

Во второй раз И.В. Сталин попал на страницы данного журнала в 1922 году, когда в «Книге и революции» был опубликован отзыв уже на целый сборник статей по национальному вопросу⁹. Данная рецензия малоинформативна, больше рассказывает об истории издания отдельных статей и в целом характеризует сборник как точно отражающий национальную политику большевиков и хорошее противодействие позициям австрийских социал-демократов в этом вопросе.

Примечательно, что обе рецензии принадлежат анархисту и специалисту по истории революционного народничества Ивану Сергеевичу Книжнику-Ветрову.

Чуть раньше, в 1921 году, на страницах издания «Печать и революция» тот же самый сборник статей И.В. Сталина по национальному вопросу отрецензировал В.Д. Виленский-Сибиряков – будущий член троцкистской оппозиции¹⁰. Но на момент рецензии Сибиряков отмечал, что все три статьи сборника дают верное представление об этапах решения национального вопроса в программе РКП, и признавал верным сталинское определение понятия «нация». Рецензия написана вполне благоприятно.

В 1924 году вышла большая статья одного из активных участников философских дискуссий 1920-х годов, Григория Константиновича Баммеля. В этой статье проводился сравнительный анализ литературы о философском наследии Ленина. Сравнивались работы Н.И. Бухарина «Ленин как марксист», И.В. Сталина «О Ленине и ленинизме», Г.И. Сафарова «Основы ленинизма». Не погружаясь в пересказ статьи, отметим, что, по мнению Г.К. Баммеля, наиболее тщательно к разработке термина «ленинизм» подошли именно Н.И. Бухарин и И.В. Сталин¹¹. Вот в каких выражениях Баммель писал о работе Сталина: «Если т. Бухарин идет аналитическим путем в своем применении марксистского метода к изучению ленинизма, именно, от единичных, раскрытых во всем своем сложнейшем конкретнейшем содержании, фактов социально-экономического и политического порядка, идет к обобщениям заключенных в них теоретических проблем, то работа И. Сталина интересна своим синтетическим подходом к теме, своей смелой прямолинейностью в формулировках, когда арифметике дается широко обобщенное алгебраическое выражение, а всеокрушающая политическая логика ленинизма сводится к системе геометрически прозрачных аксиом»¹². Там же рецензент отмечает, что

если Бухарин рассматривает ленинизм как теорию, как предмет, то Сталин – более как метод. Еще одной характерной особенностью работы Сталина, которую Г.К. Баммель ставил в заслугу автору, стало почти полное отсутствие цитат, что, по мнению рецензента, «следовало бы взять в пример многим нашим авторам, пишущим о Ленине»¹³. Вместе с тем рецензент с неудовольствием отмечает, что Сталин практически не затронул экономические воззрения В.И. Ленина, а философская сторона его воззрений освещена «туманно и невнятно»¹⁴. Тем не менее это не отменяет того, что среди трех рецензируемых книг самую лестную оценку философа получила именно работа И.В. Сталина.

В 1924 году в журнале «Большевик» рецензию на работу «О Ленине и ленинизме» дал будущий член «правой оппозиции» Александр Николаевич Слепков. С первого же абзаца рецензент уверяет: «Книгов. Сталина пока является, несомненно, лучшим пособием по ленинизму, хотя она и не носит, не в пример другим изданиям громкого и претенциозного наименования»¹⁵. Единственной претензией рецензента оказалось отношение И.В. Сталина к теории перманентной революции. По мнению Слепкова, автор слишком суров по отношению к ней и принимает за чистую монету те искажения и ошибки, которые в свое время были допущены в ее трактовке Л.Д. Троцким. И вместе с тем рецензент отдельно оговаривает, что вопрос о перманентной революции сейчас не является политически актуальным¹⁶. В том же году некто под псевдонимом Ковров дал рецензию на ту же книгу в журнале «Красная новь». Рецензия не оригинальна, в ней отмечаются все положительные черты, которые уже были отмечены в публикациях иных изданий, недостатков автор отзыва не находит вовсе¹⁷.

В 1924 году произошел еще один характерный случай, неплохо характеризующий некую обыденность публикации подобных работ и то, что они еще не стали неким ка-

ноном. Журнал «Коммунистическая революция» объявил о том, что принял книгу Сталина к рецензированию наравне с рядом других работ... и благополучно забыл о рецензии¹⁸.

Еще одним рецензентом Сталина в те годы был известный советский историк Цви Фридлянд, который дал отзыв на его брошюру «Ленин как организатор и вождь РКП». Сталин и здесь получил положительный отзыв, но интересен ряд деталей. Во-первых, Фридлянд отмечает, что Сталину никогда не быть популярным автором – у него для этого слишком скупой стиль и для понимания его текстов требуется некоторая подготовка. Рецензент также не смог обойти стороной отвратительное качество самого издания, которое, по его словам, «рассыпается при первом чтении»¹⁹. Сложно себе представить, что в более поздний период Госиздат мог бы издать «классический» труд в таком виде.

Отзыв за авторством М. Павловича (возможно, принадлежит Томскому) на книгу И. Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве»²⁰ в каком-то смысле предвосхищает слог, характерный в будущем для периода культа личности. Рецензия перегружена цитатами, из существенных моментов стоит выделить только акцент на международном значении национальной политики СССР и на необходимости приоритета пролетарской диктатуры над правом наций на самоопределение. Такой же характер носит рецензия Г. Марецкого, будущего деятеля «правой оппозиции», на отдельное издание брошюры «Вопросы и ответы»: это, по сути своей, не рецензия, а комментированный пересказ работы²¹.

Конечно же, данный перечень не исчерпывает всех публикаций о Сталине в тот период. Журнальный мир 1920-х годов был чрезвычайно многообразен, но прочно выпал из научного оборота в связи с установлением культа личности. Ввести их в оборот снова, учитывая плохую сохранность и малодоступность, по-прежнему проблематично.

Тем не менее предоставленные материалы позволяют заключить с определенной долей уверенности, что в глазах советских марксистов тех лет взгляды И.В. Сталина на раннем этапе не воспринимались как некоторая аномалия, отклонение. Тем более они не воспринимались как «второсортный» материал по сравнению с работами прочих видных теоретиков партии вроде Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина и т.д. Сталин был одним из многих не только по своему положению, но и по своим теоретическим взглядам.

Спектр оценок, выявленный нами в рассмотренных журналах, чрезвычайно узок и распадается на два общих случая. Первый – это пересказ работы, перегруженный цитатами и далекий от всякого критического рассмотрения. И все же подобные отзывы, не имея и тени критического подхода, все же были далеки от ситуации периода культа личности. Никто из авторов не переходил черту, когда сборник статей или курс лекций под одной обложкой провозглашался как «новый этап в развитии мировой философской мысли».

Второй случай – это добросовестные рецензии, которые, несмотря на неизменно положительную оценку, указывали также на недостатки работы и возможные пути их устранения. Количественно они уступают первой группе, и есть смысл связать это со статусом рецензентов. Все же Г.С. Фридлянд и Г.К. Баммель были существенными интеллектуальными и административными величинами своего времени. Если следовать этой логике, даже в первой половине 1920-х по-настоящему критическую рецензию на автора уровня Сталина мог позволить себе далеко не каждый.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Черняков С.Ф. К вопросу о теоретических взглядах И.В. Сталина // *Альтернативы*. 2016. № 3. С. 125.
- ² Капченко Н.И. Политическая биография Сталина: в 3-х т. Тверь: Северная Корона, 2004-2009.

Т. 1-3.

- ³ Медведев Р.А. К суду истории. О Сталине и сталинизме. М.: Время, 2011. 655 с.
- ⁴ Трушков В.В. Сталин как теоретик. М.: Мир философии, 2019. 544 с.
- ⁵ Суименко Е.И. Философия сталинизма // *Марксизм и современность*. 2004. № 3-4. С. 4-11.
- ⁶ Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1994. С. 167.
- ⁷ Мочалов Д. П. «Теория исторического материализма» Николая Бухарина в критике 1920-х годов: защита науки или тень сталинизма? // *Молодежь. Наука. Будущее: Международная студенческая научно-практическая конференция, Оренбург, 19-21 мая 2021 года. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2021. С. 206-209.*
- ⁸ А.К. Рецензия: К. Сталин. Октябрьский переворот и вопрос о национальностях // *Книга и революция*. 1920. № 5. С. 23.
- ⁹ Книжник Ив. Рецензия: И. Сталин. Сборник статей // *Книга и революция*. 1922. № 7 (19). С. 35.
- ¹⁰ Виленский-Сибиряков В.Д. Рецензия: И. Сталин. Сборник статей // *Печать и революция*. 1921. № 1. С. 92-93.
- ¹¹ Баммель Г.К. Литература о ленинизме // *Печать и революция*. 1924. № 4. С. 46.
- ¹² Там же. С. 50.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Баммель Г.К. Литература о ленинизме // *Печать и революция*. 1924. № 4. С. 51-53.
- ¹⁵ Слепков А.Н. Рецензия: И. Сталин. О Ленине и ленинизме // *Большевик*. 1924. № 9. С. 102.
- ¹⁶ Там же. С. 103-105.
- ¹⁷ Ковров. Рецензия: И. Сталин. О Ленине и ленинизме // *Красная новь*. 1924. № 5. С. 332-333.
- ¹⁸ Книги, поступившие для отзыва // *Коммунистическая революция*. 1924. № 2. С. 52.
- ¹⁹ Фридлянд Ц. Рецензия: И. Сталин. Ленин как организатор и вождь РКП // *Печать и революция*. 1925. № 2. С. 155-156.
- ²⁰ Павлович М. Рецензия: И. Сталин. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве // *Печать и революция*. 1925. № 8. С. 181-183.
- ²¹ Марецкий Г. Рецензия: И. Сталин. Вопросы и ответы // *Большевик*. 1925. № 13-14. С. 111-114.

**REVIEW ON THE LEADER:
WORKS OF I.V. STALIN THROUGH THE EYES OF THE MARXISTS OF THE 1920S**

© 2022 I.V. Nevzorova, D.P. Mochalov

Orenburg State Pedagogical University

The article is devoted to the consideration of critical reviews of Stalin's publications by Soviet Marxists in the first half of the 1920s. The authors intend to reveal to what extent Stalin's theoretical views were alien or, on the contrary, organically inherent in the intellectual environment of that period. The researchers analyze reviews in the leading journals of the time, written by thinkers with different political biographies and professional positions. They come to the conclusion that the works of I.V. Stalin were not perceived in the early Soviet period either as «brilliant» or as «revisionist» and did not stand out much against the background of the new cultural landscape.

Keywords: Stalin, Marxism, internal party discussions, personality cult, philosophical discussions.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-134-138

*Inna Nevzorova, Candidate of History, Associate
Professor, Department of the History of Russia.*

E-mail: i_nevzorova@mail.ru

Dmitrii Mochalov, Graduate Student, Faculty of History.

E-mail: dosoldschool@yandex.ru

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В Г. САМАРЕ

Идея о съездах российских археологов возникла в среде Московского археологического общества и была впервые озвучена графом А.С. Уваровым на заседании общества 3 ноября 1864 года. В 1867 году было получено высочайшее разрешение на открытие в Москве первого археологического съезда, который состоялся в марте 1869 года под председательством графа А.С. Уварова. В дореволюционной России съезды проводились до 1914 г.

Анализ важности проведения археологических съездов, их объединяющее и координирующее значение достаточно полно представлены в литературе, в частности в диссертации и монографии Д.В. Серых (Серых Данила Витальевич. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX-начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 Самара, 2005. 292 с. РГБ ОД, 61:06-7/395) и в рецензии С.В. Кузьминых, Д.В. Серых, И.Л. Тихоновой на брошюру «Хроника археологических съездов России 1869-1914». РА, №3, 2007).

В 2006 г. было возобновлено проведение Всероссийских съездов (г. Новосибирск). А затем форумы собирались в Суздале, Старой Руссе, Казани, Барнауле. Они способствовали расширению научного сотрудничества, изучению и сохранению культурного наследия, обмену опытом и развитию методической базы, получили широкую поддержку в научном сообществе. Важность VI съезда, благодаря которому российские ученые имеют возможность ознакомиться с результатами научных исследований и обсудить актуальные вопросы археологической и исторической науки, отражает число его участников. Предыдущий V (XXI) Всероссийский археологический съезд собрал около 500 участников из более 60 субъектов Российской Федерации и 14 зарубежных стран.

По инициативе Самарского государственного социально-педагогического университета на съезде было принято решение о проведении следующего съезда в г. Самаре в 2020 г. Однако пандемия коронавируса внесла свои корректировки в планы археологов, и в итоге съезд состоялся только в июне 2022 г.

Учредители Съезда: Самарский государственный социально-педагогический университет, совместно с Институтом археологии РАН, Институтом истории материальной культуры РАН и Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, при поддержке Правительства Самарской области, Самарского государственного института культуры, Самарского археологического общества и Самарского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Открытие съезда состоялось в парке «Россия – моя история» на базе Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, который внес очень весомый вклад в организацию мероприятия. На пленарном заседании в режиме он-лайн участвовало более 5000 заинтересованных лиц.

VI (XXII) Всероссийский археологический съезд (5-9.06.2022 г., г. Самара) собрал 1037 участников из 60 субъектов Российской Федерации (академических институтов и музейных учреждений, вузов, органов охраны объектов культурного наследия) и 12 зарубежных научных центров. Съезд, проходивший в смешанном очном и он-лайн формате, обсуждал научные проблемы и актуальные вопросы сохранения археологического наследия страны. Цель съезда: способствовать расширению научного сотрудничества, изучению и сохранению культурного наследия, обмену опытом и развитию методической базы археологической науки.

Его участники единодушны в том, что одна из наиболее злободневных задач, обозначившихся в последнее время, - обеспечение сохранения объектов археологии в ходе хозяйственной деятельности. В современной ситуации активизации строительства особую остроту приобретают вопросы проведения государственной историко-культурной экспертизы (ГИКЭ) земельных участков и участков водных объектов, подлежащих хозяйственному освоению. В последнее время заметно нарастающее стремление хозяйствующих субъектов любыми способами ограничить или полностью устранить существующую процедуру экспертизы. Основной аргумент: ее проведение существенно затрудняет реализацию хозяйственных проектов. В итоге была принята резолюция и Коллективное обращение к Государственной Думе и органам власти.

Основные направления работы съезда (18 секций):

1. Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите.
2. Культурные процессы в неолите и энеолите.
3. Проблемы археологии бронзового века.
4. Античная археология Причерноморья и Северного Кавказа.
5. Культурно-исторические процессы в раннем железном веке.
6. Этнокультурные процессы I тыс. н.э. в Евразии.
7. Археология средневековой Руси и сопредельных территорий.
8. Археологическое изучение городов.
9. Археологическое изучение сельских поселений.
10. Кочевые культуры Евразии.
11. Археологическое изучение Золотой Орды, поздней Византии и Латинской Газарии.
12. Археология России в Новое время: проблемы, особенности, перспективы.
13. Проблемы изучения первобытного искусства.
14. История и историография археологических исследований: люди, памятники, идеи. Теория, методика и историография археологических исследований.

15. Компьютерные технологии и геоинформационные системы в археологии. Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии.

16. Актуальные проблемы сохранения археологического наследия РФ. Этот «круглый стол» вызвал особый интерес, собрав более тысячи участников.

17. Междисциплинарные подходы и палеоэкологические реконструкции в археологических исследованиях.

18. Проблемы археологического изучения фортификации раннего железного века и средневековья.

Заседание секций было распределено между заинтересованными организациями по приоритетным направлениям. Одной из них стала работа на базе Самарского социально-педагогического университета по теме «Культурные процессы в неолите и энеолите». С 5 по 9 июня 2022 года было заслушано 60 докладов из 75 заявленных. Они были представлены исследователями из 24 городов (Санкт-Петербург – 10; Самара – 8; Москва – 3; Новосибирск – 3; Челябинск – 2; Воронеж – 2; Иркутск – 2; Казань – 2; Екатеринбург – 2. По одному докладу - из Пензы, Волгограда, Липецка, Тюмени, Перми, Череповца, Омска, Кемерово, Вологды, Владивостока, Якутска, Братска, Иванова и др. К сожалению, по разным причинам не выступили докладчики из Благовещенска, Магадана, Нефтеюганска, Сыктывкара, Ханты-Мансийска и Читы. В территориальном плане доклады охватывали пространство от Владивостока до Калининграда, от Кольского полуострова до Восточного Закаспия. Доклады были сгруппированы не по территориальному принципу, а исходя из содержания неолитического пакета: проблемы определения археологической культуры; вопросы появления производящего хозяйства, каменная индустрия как культурный индикатор; керамические традиции; костяной инвентарь; погребальные традиции; критерии периодизации и проблемы хронологии; опорные памятники неолита и новые материалы. Регламент заседаний

позволил задавать много вопросов и проводить полное обсуждение после каждого доклада. Следует обратить внимание на высокий научно-методический уровень докладов, включая молодых ученых, чья доля составила 35%. Необходимо констатировать, что из ряда регионов даже не было представлено заявок на участие в конференции: Нижний Новгород, Ульяновск, Чебоксары, Рязань, Курск, Орел, Тула, Томск, Красноярск. Участниками секции принято решение о создании межсъездовской рабочей группы для функционирования на постоянной основе с целью подготовки нового съезда. Это позволит не только расширить географию секции, но и определит заказные доклады по наиболее важным проблемам изучения неолита и энеолита.

Тезисы докладов (очные, постерные и заочные) опубликованы в виде зарегистрированного электронного издания до начала работы Съезда.

Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. 376 с.: ил.

Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. 376 с.: ил.

Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. 314 с.: ил.

Также был издан фундаментальный труд, обобщающий достижения археологов Самарской области - «Культурное наследие Самарской области. Том 2. Объекты археологического наследия. Самара. 2020 704 с: ил.», в котором представлены и самые важные артефакты.

Мочалов О.Д., Выборнов А. А., Андреев К.М.

Самарский государственный социально-педагогический университет

РЕЦЕНЗИЯ НА: ЛИЗУНОВ П.В. БАНКИРСКИЙ ДОМ «Г. ВАВЕЛЬБЕРГ» И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ: ОТ МЕНЯЛЬНОЙ ЛАВКИ ДО АКЦИОНЕРНЫХ БАНКОВ В ПЕТЕРБУРГЕ И ВАРШАВЕ / П.В. ЛИЗУНОВ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: НАУКА, 2021. 351 с.

Постояльцы нового роскошного Отеля Wawelberg на Невском проспекте в Петербурге имеют уникальную возможность получить роскошную книгу по истории этого прекрасно отреставрированного здания и находившегося здесь во времена Российской империи банковского дома Вавельберга, затем С.-Петербургского торгового банка.

Известный историк Павел Владимирович Лизунов продолжил серию фундаментальных монографий о финансовой элите Империи. Вслед за работами о банкирах Штиглицах и Гинцбургах¹ увидела свет книга о банковском доме «Г. Вавельберг», в 1912 и 1913 гг. на базе которого возникли два независимых банка – С.-Петербургский торговый банк в Северной Пальмире и Западный банк в Варшаве.

Это настоящее событие в российской и европейской историографии, особенно в наши дни. Раскол в мировой политике напрямую сказался на исторической науке. «Замыкание» в узко национальных рамках, вычеркивание «неудобных» эпох и сюжетов из своего историософского пространства грубо искажают объективное восприятие прошлого.

Основанный в Варшаве в 1848 г. польским евреем Генриком Вавельбергом, затем владельцем стал его сын Ипполит, банковский дом являлся одним из наиболее стабильных и солидных финансовых заведений, просуществовав в России до 1918 г., а в Польше – до 1949 г. П.В. Лизунов использовал огромный массив польских источников, что позволило воссоздать картину экономического развития польских земель (Привислинского края), неотъемлемой и важнейшей части общероссийской экономики.

Именно вхождение основной территории исторической Польши в 1815 г. в состав

огромной Российской империи открыло колоссальные возможности для польской промышленности и торговли, которые обслуживали финансовые институты, включая банковский дом Вавельбергов.

Безграничный рынок Северной Евразии, непрерывно расширявшийся с вводом новых железных дорог, стимулировал стремительный рост польской экономики. Мануфактура, продукция машиностроения и фэшн-индустрии, многие другие товары непрерывным потоком шли в глубь Империи. Даже на далеком Южном Урале, в Уфимской губернии польские ткани занимали существенную часть рынка. В 1912 г. в Уфе продукция польских фабрик составляла 11% из всех привезенных хлопчатобумажных изделий и около 35% шерстяных². В русском обществе открыто высказывались опасения из-за растущей польской конкуренции на внутреннем рынке.

Современник отмечал, что «на всем пространстве России от Гродна до Самарканда и Владивостока, везде польские изделия, даже железные, привозят на Урал. [...] в Царстве Польском производительность фабрик в 20 лет, с 18 повысилась до 90 миллионов рублей, число же рабочих увеличилось в 25 раз и все выделанные товары идут исключительно в Россию.

Является вопрос: кто метрополия, а кто колония, долженствующая приносить ей пользу»³.

Промышленное и торговое развитие Польши способствовало подъему финансовых структур, с 1860-х гг. в России складывается современная система банковского обслуживания бизнеса и мелких частных вкладчиков. Выросший на польской почве банковский дом Вавельберга начинает «осваивать» петербургский рынок. Уже в 1869 г.

там возникает филиал, который скоро превосходит по операциям головную контору.

П.В. Лизунов собрал максимум информации по всей разнообразной деятельности банкирского дома Вавельбергов – от операций с лотерейными билетами до инвестиций в промышленность и участия в банковских синдикатах. Созданная база данных будет полезна исследователям из разных регионов, потому что одной из слабо изученных остается история иногороднего бизнеса, деятельность которого плохо отражена в провинциальных источниках.

Особенностью авторского метода П.В. Лизунова является большое внимание к биографическим сведениям, в книге скрупулезно восстановлена судьба рода Вавельбергов. И это, безусловно, верно, история бизнеса = история семьи. Без понимания внутриfamilialных процессов невозможно понять причины развития или краха предприятия, что особенно ярко П.В. Лизунов показал на примере семьи баронов Штиглицев.

Вавельберги, высокообразованные люди, уделявшие большое внимание воспитанию наследников в духе преемственности семейного дела, в начале XX в. ясно осознали наступление новой эпохи. Старые банкирские дома уже не отвечали запросам российской (и польской) экономики. Быстро проведенное акционирование, безболезненный переход в формат банков подтвердили устойчивую и грамотную стратегию семейного бизнеса.

К несомненным достоинствам трудов П.В. Лизунова нужно отнести не только увлекательный стиль изложения, что весьма непросто для сложного финансового сюжета. Автор взвешенно рассуждает о деятельности банкиров, отношение к которым в обществе и тогда, и сейчас часто критическое. Популизма, разоблачительства эксплуататоров читатель не найдет на страницах книги. Также бережно автор относится к трудам предшественников, что выгодно отличает его работы от «модных» столичных

историков, непременно ниспровергающих кого-то.

Анализ П.В. Лизуновым всего многообразия «прекрасного и яростного мира» в наибольшей степени приближает читателя к пониманию уже ушедшей реальности. Автор тщательно собрал информацию о благотворительности Вавельбергов. Банкир не заводчик с тысячами рабочих, вкладывать средства в социальные и культурные проекты – чистое меценатство, но все поколения Вавельбергов заботились о процветании своей малой родины.

Новый труд Павла Владимировича Лизунова создан на основе огромного массива архивных и иных источников, книга дополнена обширным именованным указателем и изящными иллюстрациями. В историографическое пространство России и Польши вошел труд большого мастера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лизунов П.В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб.: Алетейя, 2014; Лизунов П.В. Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» и его владельцы. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017.

² Роднов М.И. Уфа – Варшава: экономические связи Польши и внутренних регионов Российской империи (рубеж XIX–XX вв.) // Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, А.Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XXII. М.: Модест Колеров, 2017. С. 436.

³ Плансон А.А. Былое и настоящее. Воспоминания о некоторых выдающихся людях и событиях сороковых и последующих годов. Выводы, параллели, мысли. СПб., 1905. С. 119.

*Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела истории и истории культуры
Башкортостана ордена Знак Почета
Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского
центра Российской академии наук
М.И. Роднов*

Сдано в набор 20.09.2022 г.
Офсетная печать

Подписано к печати 28.09.2022 г.
Усл. печ. л. 16,740 Тираж 200 экз.

Формат бумаги 60x80¹/₈
Зак. 27

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО» 443070 г. Самара, ул. Песчаная, д. 1, офис 310/9. Тел. 8(846)267-36-82

